Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Арзамасский филиал ННГУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: античность, средние века, новое и новейшее время

ВЫПУСК 14

Сборник статей участников XII Всероссийской научной конференции (10–11 октября 2019 г.)

Арзамас Арзамасский филиал ННГУ 2019 УДК 930.9 ББК 63.3 (0)-5я 43 П 50

> Издание осуществлено при финансовой поддержке AO «Арзамасский приборостроительный завод им. П. И. Пландина» (генеральный директор — О.В.Лавричев)

Рецензенты: кафедра всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета; доктор исторических наук, профессор В. А. ЕВСЕЕВ

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, доцент А. Р. ПАНОВ (ответственный редактор); кандидат исторических наук, доцент М. В. ТРЕТЬЯКОВА; кандидат исторических наук, доцент С. А. ЗОТОВ кандидат педагогических наук Т. А. ПОЛЯКОВА

Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Выпуск 14. Сборник статей участников XII Всероссийской научной конференции (10–11 октября 2019 г.). / Отв. ред. А. Р. ПАНОВ; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 198 с. ISBN 978-5-6042375-9-5.

Сборник содержит статьи участников XII Всероссийской научной конференции «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время», прошедшей в Арзамасском филиале ННГУ 10–11 октября 2019 г. Тематика статей связана с различными аспектами социально-политической истории Англии и других стран Западной Европы от античного времени до современности.

Издание адресовано всем интересующимся вопросами всеобщей истории.

УДК 930.9 ББК 63.3 (0)-5я 43

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	5
Раздел I. История Англии в средние века, раннее новое, новое и новейшее время	6
Праздников А. Г. Проблема стадиальности истории Англии XIV– XV веков в российской дореволюционной историографии	6
Щелокова Н. В. Проповедь в учении Джона Виклифа: теория и практика	14
Иванова О. Ю. Политические аспекты ранней английской Реформации (1529–1553)	19
Сорокина Т. Б. Герберт Чербери: мировоззрение человека эпохи барокко	27
Ерохин В. Н. Идейные течения в Церкви Англии в первые десятилетия XVII века	34
Айзенштат М. П. Свободы и конституция в политическом дискурсе Британии XVIII в.	46
Жолудов М. В. Российская дипломатия и политический кризис в Великобритании в1830–1832 гг.	51
Зотов С. А. Первые издания сочинений Томаса Карлейля в России (середина 50-х – начало 80-х гг. XIX в.)	60
Сафронов Б. В. Россия и Англия в Средней Азии в период колони- зации в XIX веке	67
Николашина Е. А. Парламентский кризис в Великобритании в начале XX века в коммуникативном пространстве диалога культур	77
Соколов А. С. Выпуск беспроцентных облигаций в пользу Общества «Лена-Голдфидс» как форма англо-советского экономического сотрудничества	84
Раздел II. История Западной Европы: античность, средние ве- ка, раннее новое, новое и новейшее время	89
Куликова Ю. В. Образ императора Аврелиана в античной историографии	89
Носова Е. С. Эволюция политической трактовки судьбы конунгов по данным королевских саг	99
Чугунова Т. Г. Религиозные реформаторы XVI в. об изучении древних языков	105
Лощилова Т. Н. Античные сюжеты на медалях Генриха IV Беляев М. П. Испано-нидерландские переговоры на Вестфальском конгрессе и внутриполитическая борьба в Республике Соединён-	112 118
ных провинций Ивонина Л. И. Характерные грани польской поэзии при Яне Собеском	130

Ивонин Ю. Е. Начало деятельности Евгения Савойского в Гоф-	136
кригсрате	
Курдин Ю. А., Панов А. Р. «Скандал в Праге» генерала	148
М. Г. Черняева в отражении европейской прессы	
Писчикова Н. П., Савосина Ю. В. Датский след в династических	158
браках Европы в конце XIX века	
Раздел III. Varia	164
Кузнецов Е. В. Предки русов на дорогах древней Европы	164
Исаков А. А. Европейские путешественники о религиозных девиа-	171
циях в Московском государстве первой трети XVI века	
Третьякова М. В. Страхи венецианского нобиля Джакомо Соранцо,	176
или о чем не всегда принято писать в Relazione	
Буйнова М. А., Жолудов М. В. К вопросу о продаже Аляски Росси-	181
ей: американский взгляд на сделку 1867 года	
Яблонская О. В. Запад и Россия: взгляд с Востока миссионера Ни-	188
колая Японского	
Сведения об авторах	196
•	
From Editors	198

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Уважаемые коллеги!

Вы держите в руках четырнадцатый выпуск сборника научных статей «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время». В октябре 2019 г. состоялась Двенадцатая научная конференция с одноименным со сборником названием. До этого года форма нашего научного общения носила название научного семинара. В этом году было решено научный семинар трансформировать в ранг научной конференции, продолжив нумерацию.

В работе конференции приняли участие ученые из разных вузов России – Москвы, Смоленска, Ярославля, Кирова, Рязани, Магадана, Мытищ, Нижнего Новгорода, Арзамаса. В общей сложности в сборнике представлены работы двадцати семи авторов, многие из которых традиционно принимают участие в конференции.

Сборник состоит из трех разделов. В первом разделе содержатся статьи, где рассматриваются особенности социально-политического развития Англии в средние века, раннее новое, новое и новейшее время. Второй раздел включает статьи, в которых речь идет о социально-политическом развитии других стран Западной Европы в эпоху античности, раннего нового, нового и новейшего времени. В третий раздел помещены статьи, соответствующие по своему содержанию названию этого раздела – «Varia».

Не останавливаясь подробно на характеристике статей, отметим, что данные статьи отражают научные интересы своих авторов.

Этот небольшой очерк-вступление завершим фразой, ставшей уже тоже традиционной.

Надеемся, что наш сборник будет интересен читателю и принесет пользу и удовольствие!

РАЗДЕЛ І. ИСТОРИЯ АНГЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА, РАННЕЕ НОВОЕ, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(410).03-04

ПРОБЛЕМА СТАДИАЛЬНОСТИ ИСТОРИИ АНГЛИИ XIV-XV ВЕКОВ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. Г. Праздников

Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров

В первой части статьи рассматриваются взгляды дореволюционных российских историков на периодизацию позднего Средневековья и раннего Т. Н. Грановский, времени (Н. И. Кареев, Р. Ю. Виппер, В. В. Бауэр, Н. И. Осокин). Далее дается анализ содержания истории Англии XIV-XV веков в трудах англоведов, которых можно разделить на направления: политическое (Т. Н. Грановский, Н. И. Осокин, М. Н. Петров) (А. Н. Савин, М. М. Ковалевский, социальное И Д. М. Петрушевский, И. Н. Гранат).

Ключевые слова: история Англии, позднее Средневековье, раннее Новое время, периодизация.

Становление медиевистики в российской исторической науке XIX — начала XX в. среди иных задач сопровождалось формулированием такого концептуального вопроса, как периодизация. На его решение прежде всего оказывала влияние западная историческая традиция, однако отечественные ученые активно перерабатывали ее, вкладывая собственное понимание в освещение прошлых этапов развития общества. Немаловажным фактором являлась и российская социальная действительность, вызывавшая порой достаточно очевидные параллели с происходившим в других странах и в другие эпохи. Эти особенности в подходе к периодизации нашли свое выражение как в обобщающих исследованиях, так и при изучении истории отдельных европейских стран.

Со второй половины XIX в. одним из наиболее авторитетных направлений исследований всеобщей истории становится англоведение, появляются труды, посвященные отдельным стадиям и столетиям истории Англии. XIV–XV вв. занимают в них заметное место, однако восприятие их содержания и места в процессе развития страны сильно варьировалось.

Для того чтобы понять яснее особенности этих страноведческих представлений, целесообразно начать с общих подходов к изучению периодизации позднего Средневековья и начала Нового времени.

Дело в том, что во второй половине XIX в. среди отечественных историков шла дискуссия о периодизации всемирной истории, не менее ожив-

ленная, нежели та, которая происходит в наше время. Николай Иванович Кареев в своем обобщающем труде «Общий ход мировой истории» (1903 г.) говорит, что традиционное деление всемирной истории на древнюю, среднюю и новую совершенно искусственно и не имеет под собой научных оснований. «Во всяком случае, если, как мы увидим, между древностью и средними веками и можно положить известную грань вследствие полного преобразования жизни европейских народов на рубеже древних и средних веков, то такой грани между средневековьем и новым временем уже не существует: средние века, новое и, как принято еще обозначать XIX век, новейшее время, это, в сущности, - один большой отдел всемирной истории, так сказать, равносильный другому такому же большому отделу – древнему миру, для которого притом установление разницы между историей азиатско-африканского Востока и европейского греко-римского мира имеет гораздо больший смысл, чем разрывание на две, как бы совершенно отдельные одна от другой части – мира новых европейских народов» [5, с. 26]. По его мнению, схема, предложенная Львом Ильичем Мечниковым в книге «Цивилизация и великие исторические реки» (1889 г.) намного объективнее. «В его построении всемирная история является разделенною на три больших периода цивилизаций речной, морской и океанической. К первому автор относит древнейшие восточные цивилизации; с финикийцами история вступает свой морской период, который Л. И. Мечниковым включается вся классическая древность и все средние века до открытия Америки и морского пути в Индию; наконец, новое время составляет океанический период всемирной истории, охватывающий весь земной шар» [5, с. 27]. Таким образом, с одной стороны, во взглядах Н. И. Кареева можно видеть параллели с современной теорией «долгого Средневековья» Жака Ле Гоффа, с другой, его выводы тяготеют к цивилизационному подходу.

Однако большая часть отечественных специалистов придерживалась более традиционного взгляда, где рубежом между Средневековьем и Новым временем рассматривается конец XV — начало XVI в. Тимофей Николаевич Грановский считал такой вехой открытие Америки и начало Реформации в Германии [7, с. 27]. В то же время он отмечает, что «разделять таким образом историю, значит резать ее по живому», сам переход был длительным процессом, и «еще с 13 века заметно начинается постепенное разложение средневековых форм» [8, с. 91–92].

Веком Реформации называет XVI и XVII столетия в первой части своего «Учебника Новой истории» Роберт Юрьевич Виппер [2]. По мнению Василия Васильевича Бауэра, с «начавшейся с XV столетия реакции против средневекового порядка вещей и средневекового миросозерцания и начинается новый отдел в истории человечества, так называемая новая история» [1, с. 32]. Курс Новой истории он делит на три периода: подготовительный (XV век); период религиозной, политической и социальной революции (первая половина XVI в.); период реакции (вторая половина XVI и первая половина XVII вв.).

По мнению профессора Казанского университета Николая Алексеевича Осокина, «история XIV века лишена типичного, самостоятельного характера, так как самая эпоха не имеет почти ничего своеобразного, ей одной принадлежащего. Четырнадцатое столетие носит все признаки переходного периода». Переходность эпохи характеризуется сочетанием средневековых черт предыдущего века (мировые претензии католической церкви, сопротивление феодализма королевской власти, корпоративизм, куртуазность, схоластика) и новых явлений (новое, неофеодальное понимание государства королевской властью, подчинение короне городов и рыцарства, выделение из схоластики новых отраслей знания, трансформация поэзии) [9, с. 610]. «С XV же века наступает торжество государственных начал вместо феодализма». Происходит приготовление к преодолению духовной замкнутости, которое будет осуществлено в XVI—XVII вв., поэтому «XV век справедливо считают преддверием нового времени» [9, с. 857–859].

Таким образом, большинство дореволюционных медиевистов и специалистов по Новому времени отмечают переходный характер XIV—XV вв., выделяя такие его важнейшие черты как выход за европейские рамки в эпоху Великих географических открытий (Т. Н. Грановский, Л. И. Мечников, Н. И. Кареев), политическая (Н. А. Осокин), религиозная (Т. Н. Грановский, Р. Ю. Виппер) и культурная (В. В. Бауэр, Н. А. Осокин) трансформация.

Перейдем теперь к рассмотрению того, как с точки зрения общей периодизации европейской истории выглядит развитие Англии в XIV—XV веках. В 1850 г. по поручению министерства народного просвещения Т. Н. Грановский составил «Программу учебника всеобщей истории» для гимназии. В разделе «Франция и Англия в XIV и XV веке» упомянуты такие события, как войны Франции с Англией и война Алой и Белой роз [13, с. 596]. В курсе лекций по Новой истории, прочитанном в 1849—1850 гг., где XV веку уделено внимание как переходной стадии между Средневековьем и Новым временем, также изложена политическая история Англии этого времени (лекция 6): становление парламента, Война роз (которая объясняется причинами исключительно субъективного характера), приход к власти основателя новой династии Генриха Тюдора. Таким образом, история Англии у Т. Н. Грановского предстает прежде всего как политическая история.

Такую же оценку XIV и XV столетий можно найти в «Истории средних веков» казанского профессора Н. А. Осокина. Внимание автора приковано к англо-французским и англо-шотландским войнам, борьбе королей и аристократии. Из событий социальной истории он отводит место восстанию 1381 г. и проповеди Джона Уиклифа, в культурной жизни выделяет Дж. Чосера. Отдельная глава посвящена Войне роз — «последней реакции во имя средних веков». Хотя по времени она относится к новой истории, «по смыслу руководящей идеи завершает средневековую историю» [9, с. 1097]. Из характеристики Н. А. Осокиным этой войны интересно то,

что Йорки, по его мнению, опирались на палату общин, а Ланкастеры – на палату лордов.

Михаил Назарович Петров, профессор всеобщей истории Харьковского университета, выделяет Англию и Францию в особый регион Западной Европы, наряду с германо-итальянским, скандинавским и пиренейским [10, с. 36]. В то же время развитие двух стран, по его мнению, шло различными путями: во Франции происходило укрепление монархии, тогда как Англия является примером «ослабления этого начала и развития свободных представительных учреждений» [10, с. 68]. Причинами этого М. Н. Петров считает объединение дворянства и горожан в борьбе с королевской властью и отсутствие постоянной армии, необходимость в которой не ощущалась из-за островного положения государства и, как следствие, незначительности угрозы внешних вторжений. Влияние войны Алой и Белой роз М. Н. Петров видит в снижении роли парламента вследствие истребления аристократии, составлявшей его основу, что привело к 120-летнему периоду усиления английской монархии при Тюдорах [10, с. 74].

Н. И. Кареев (1892 г.) [4] выделяет в истории Англии XIV–XV вв. основную тенденцию политического развития — становление сословнопредставительной монархии (гл. VIII–IX) — и социального — освобождение зависимого крестьянства без земли (гл. XVI).

То есть в подавляющем большинстве обобщающих трудов (исключение составляет Н. И. Кареев) рассматривались лишь процессы политической трансформации. По всей видимости, причиной этого была связь данных трудов с преподаванием средневековой истории в университетах, где основное внимание уделялось событийной истории, а также господство позитивистской методологии истории.

Изучение социальных процессов в позднесредневековой Англии было связано с выделением с 70-х гг. XIX в. англоведения в самостоятельное направление отечественной медиевистики. По мнению одного из представителей данного направления, Александра Николаевича Савина, социальная история имеет дело главным образом с двумя сторонами общественной жизни: «с правоспособностью различных общественных классов и с их хозяйственным положением» [12, с. 324]. Именно им главным образом и было уделено внимание специалистов.

Собственно основоположником социального подхода (в классическом понимании) к истории Англии XIV–XV вв. был юрист, историк и социолог Максим Максимович Ковалевский. Эти столетия он также считает окончанием средневековой эпохи, четко фиксируя, что «кончиной Ричарда III заканчиваются средние века в Англии» [6, с. 163].

В исследованиях англоведов русской школы преобладали аграрные исследования, что было связано с особенностями пореформенного развития самого российского общества. Так, М. М. Ковалевский прямо указывает на сходство в положении английского дворянства в XV в., испытывавшего материальные трудности в связи с ликвидацией личной зависимости

крестьян в первой половине того столетия, с ситуацией помещиков в пореформенной России XIX в.

Сущность социальной трансформации Англии в позднее Средневековье заключалась в переходе от сословной структуры к классовой. М. М. Ковалевский в книге «Общественный строй Англии в конце средних веков» определяет сословия как «группы лиц, призванных к тому или другому званию и положению независимо от их выбора в силу самого рождеособенность заключается Их характерная «...принадлежность к сословию приобретается... рождением; прирожденность тех или других сословных преимуществ первое и существеннейшее их отличие...». «Замкнутость и обусловленная ею прирожденность известных прав и преимуществ составляет... несомненное отличие сословия от класса». Таким образом, классы – это группы «всем открытые, хотя и не всем доступные», в них «те или другие лица попадают в силу свободного самоопределения, благодаря избрания ими самими того или другого занятия, той или другой профессии» [6, с. 347, 348, 357]. На основании этого подхода М. М. Ковалевский выделял в социальной структуре английского общества XIV-XV вв. четыре сословия: дворянство, рыцарство, крепостное и лично свободное крестьянство (франклины). В то же время «как люди имущественно зависимые, горожане не составляют отдельного сословия от свободных владельцев графств, пользуются одинаковыми с ними правами, несут одни и те же обязанности, и могут, поэтому с удобством отнесены к одной с ними группе» [6, с. 331]. Это – существенная отличительная особенность английского общества в сравнении с континентальным. В то же время в позднее Средневековье (и даже ранее, уже с XII-XIII вв.) происходило формирование городского класса – путем оформления ремесленных и торговых гильдий.

Однако с этим мнением трудно согласиться. Особенностью сословия в первую очередь является не прирожденность прав, а сами права и обязанности. Сословие — это выделенная государственным законодательством группа людей, обладающая определенным юридическим статусом. Чаще всего сословные права передаются по наследству, но фактом их приобретения может быть также назначение на должность, пожалование, покупка, вступление в брак и другие факты. При таком понимании английские горожане были сословием бюргеров (burgess) или фрименов (freemen). Однако они были и классом. Но понятие городского класса шире, чем понятие городского сословия.

Основателем школы аграрных исследований английского общества был П. Г. Виноградов. Собственные труды Виноградова были посвящены истории раннего и классического периодов Средневековья, но его последователь Дмитрий Моисеевич Петрушевский представил анализ социальной трансформации английского общества XIV в. в работе «Восстание Уота Тайлера» (первая ее часть была защищена как магистерская диссертация в 1897 г., вторая – как докторская диссертация в 1901 г., впоследствии кни-

га неоднократно переиздавалась. В статье использовано 4-е издание 1937 г.).

Д. М. Петрушевский доказывает, что уже в первой половине XIV в. наемный труд получил в английской деревне широкое распространение. Свидетельством этому может служить рабочее законодательство, вызванное к жизни в 1349 г. Черной смертью. Это законодательство носило антифеодальный характер, оно ставило лорда в один ряд (лишь как «первого среди равных») с другими нанимателями рабочих. Оно нанесло «серьезный удар юридической форме, которая уже не соответствовала хозяйственным отношениям, требовавшим совсем иных юридических форм» [11, с. 307]. В экономической сфере важным последствием социальнодемографического кризиса стало распространение земельной аренды, то есть быстрый переход к отношениям нового (нефеодального, капиталистического) типа.

Несколько особняком среди исследований историков-аграрников стоит работа профессора политической экономии юридического факультета Московского университета (и известного издателя) Игнатия Наумовича Граната «К вопросу об обезземелении крестьян в Англии». В ней ставится попытка проверить утверждение К. Маркса (Капитал. Т. 1. Гл. 24) о том, что процесс обезземеливания английских крестьян, который привел к формированию социальных предпосылок складывания капиталистических отношений, начался в Англии в последней трети XV в. На основании статистического анализа источников (именно данное исследование можно считать началом активного использования этого метода отечественными историками-аграрниками) И. Н. Гранат приходит к выводу, что не менее трети зависимых крестьян в Англии уже в XIII в. (и даже ранее) были безземельными и вынуждены были наниматься на работу [3, с. 25–26]. Главную причину этого он видит в природно-географических условиях развития английского земледелия. В средневековой Англии существовала общинно-подворная система, главная отличительная особенность которой (в сравнении с классической общиной) заключалась в отсутствии регулярных переделов пахотной земли. Кроме того, для этой системы было характерно правило минората (наследование всей земли младшим сыном), что неизбежно приводило к обезземеливанию значительной части крестьянского населения (тех сыновей крестьян, которые не получали земельного наследства). Причиной этого обычая была не нехватка земли, а нехватка скота, в том количестве, которое требовалось для ведения хозяйства при тяжелой почве Англии.

С середины XIV в. наблюдалась значительная убыль населения Англии в целом, и в деревне в частности. Толчком к этому послужила эпидемия чумы, однако экономической причиной данного процесса являлось развитие городов. До конца XIII в. города еще были тесно связаны с деревней и лишь в XIV в. превратились действительно в торгово-ремесленные центры. В первой половине XIV в. начинается массовое переселение из деревни в город [3, с. 113–115]. Развитие промышленности, и в первую оче-

редь сукноделия, привело к появлению мануфактуры. Но ограничительные цеховые регламенты мешали ее развитию, поэтому к XVI в. производство сукна начинает перемещаться из старых городских центров в сельскую местность. Старые города приходят в упадок. «Таким образом, к половине XVI-го ст., если не ранее, следует считать завершившимся, особенно для восточных графств, первый период эмиграции населения из деревень в города, начавшийся около времени моровой язвы» [3, с. 124].

То есть «не переворот в сельском хозяйстве выбросил из деревень часть их населения, создал рабочий класс, создал промышленность, а, напротив, развитие промышленности отвлекло из деревни часть ее работников, разредило ее население и тем сделало неизбежным полное переустройство жизни деревни» [3, с. 135]. С конца XIV в. началось увеличение площадей пастбищ, что явилось логичным следствием сокращения численности населения и площади обрабатываемых земель. В XV-XVI вв. по всей стране наблюдался рост числа дворов, обладающих значительным количеством земли (свыше 40 акров). Это, по мнению автора, не результат социальной дифференциации деревни, «а превращение крепкого крестьянства в предпринимательские хозяйства» [3, с. 173–174] (то есть развитие капитализма). Однако далее, сам противореча себе, автор говорит о том, что результатом экономической трансформации стал переход от сословной структуры к классовой: в XVI в. основными фигурами в деревне становятся йомены (зажиточные хозяева, которыми могли быть и фригольдеры, и копигольдеры) и батраки-коттеры. Из-за развития овцеводства для последних оставалось в деревне все меньше работы, и потому они были вынуждены покидать ее.

Таким образом, обезземеливание крестьян в Англии, по мнению И. Н. Граната, не совпадает с периодом, отмечаемым Марксом. XIV— XV вв. рассматриваются как переходный период от феодальной системы аграрных отношений к капиталистической, основой чего стали особенности общинно-подворной системы, а причиной — прогрессивное развитие городов.

Итак, многие выводы дореволюционных историков-всеобщников по вынесенному в заглавие статьи вопросу легли в основу его дальнейшего активного изучения. XIV—XV века (обычно определяемые как позднее Средневековье) рассматривались большинством исследователей как переходный период от Средневековья к Новому времени. Главной его характеристикой являлась *трансформация* всех сфер средневекового европейского общества. Среди русских медиевистов-англоведов преобладало социально-экономическое направление, а в нем — аграрная школа, с явной недооценкой урбанизационных процессов (систематическое изучение истории английского средневекового города начнется уже в советский период). К главным достижениям исследований этого времени с точки зрения характеристики стадиальности рассматриваемого периода можно отнести выявление трансформации сословной структуры английского общества в классовую, разложения феодальных и формирования раннекапиталистиче-

ских (или предкапиталистических) отношений в деревне. Эти выводы не утратили своей актуальности и сегодня.

Литература

- 1. *Бауэр В. В.* Лекции по новой истории. Том 1. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1886.
- 2. Виппер Р. Ю. Учебник Новой истории (третье издание). М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1908.
- 3. *Гранат И. Н.* К вопросу об обезземелении крестьян в Англии. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1908.
- 4. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в Новое время (издание третье). Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904.
- 5. *Кареев Н. И*. Общий ход всемирной истории. Пос. Заокский (Тул. обл.): Источник жизни, 1993.
- 6. Ковалевский М. М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М.: Типография О. Б. Миллера, 1880.
- 7. Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья. М.: Наука, 1971.
- 8. Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- 9. Осокин Н. А. История средних веков. Казань: Тип. Императорского университета, 1889. Т. 2.
- 10. *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории. Том 2. Средние века. Часть 2. От крестовых походов до конца XV столетия (второе издание). СПб.: В. Березовский, 1908.
- 11. Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. М.: Соцэкгиз, 1937.
- 12. *Савин А. Н.* Социальная история Англии XV и XVI вв. в новой историографии // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХV. Июнь. 1901.
- 13. Сочинения Т. Н. Грановского (четвертое издание). М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1900.

STADIALITY OF ENGLISH HISTORY OF XIV-XV CENTURIES IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

A. G. Prazdnikov

Vyatka State Agricultural Academy, Kirov

Views of pre-revolutionary Russian historians on the periodization of the late Middle Ages and early Modern period are considered in the first part of the article (N. I. Kareev, T. N. Granovsky, R. Y. Wipper, V. V. Bauer, N. I. Osokin). Further, the content of the history of England XIV–XV centuries in the works of historians is analyzed. It can be divided into two branches:

political (T. N. Granovsky, N. I. Osokin, M. N. Petrov) and social (A. N. Savin, M. M. Kovalevsky, D. M. Petrushevsky, I. N. Granat).

Keywords: history of England, late Middle Ages, early Modern period, stadiality.

Об авторе:

ПРАЗДНИКОВ Андрей Геннадьевич

Вятская государственная сельскохозяйственная академия, кафедра истории и философии, кандидат исторических наук, e-mail: andrei-selek@mail.ru.

About author:

PRAZDNIKOV ANDREY GENNADIEVICH

Vyatka State Agricultural Academy, History and Philosophy Science Department, Candidate of Historical Sciences, e-mail: andrei-selek@mail.ru.

УДК 94(420)

ПРОПОВЕДЬ В УЧЕНИИ ДЖОНА ВИКЛИФА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Н. В. Щелокова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

Данная статья посвящена взглядам Джона Виклифа на роль и значение проповеди в христианском вероучении и церковной практике. Акцент сделан на противопоставлении взглядов оксфордского богослова и современной ему практики проповеди католических священнослужителей.

Ключевые слова: Джон Виклиф, католические таинства, проповеды.

Движение за реформу церкви, расколовшее католицизм на две ветви, как принято считать, началось 31 октября 1517 года, когда немецкий богослов Мартин Лютер обнародовал свои знаменитые «95 тезисов». Начавшаяся с этого момента Реформация привела не только к появлению новой волны реформаторов, но и к росту интереса к предшествующим религиозным учениям, особенно к учению английского богослова Джона Виклифа и его последователей виклифитов. В данной статье мы хотели бы остановиться на взглядах Виклифа на проповедь и ее роли в христианском богослужении. Это позволит нам объяснить популярность идей Виклифа стремлением не только к обновлению церкви, но и к очищению христианского вероучения.

Уже с 1374 года, по мнению многих историков, в трудах оксфордского теолога начинают проявляться идеи реформирования церкви [3, с. 180].

Виклиф подверг критике всю структуру католической церкви, церковную иерархию и особенно ее главу [10, р. 7–9]. Одним из ключевых тезисов экклесиологии Виклифа является то, что организация Божьего храма по типу феодальной иерархии - это ошибочное состояние (ведь такого прецедента не обнаруживается в Новом Завете), которое ведет к сосредоточению всех действий клира на мирских вещах и не способствует истинному предназначению духовенства - наставлению христианского сообщества [6, р. 34]. И здесь хочется особенно подчеркнуть, что наибольшее значение среди всех видов деятельности, с помощью которых священники были в силах осуществлять заботу о своей пастве, Виклиф отвел проповеди. Согласно его утверждению, таинства и другие церковные службы имеют свою ценность, но не ту, чтобы полностью затмить собой проповедь [12, р. 80]. Почему же Виклиф придавал проповеди столь высокое значение? Оксфордский теолог считал единственным способом спасения праведную жизнь по законам Евангелия. Верность же законам Евангелия должна пробудить проповедь священника. Поэтому такое большое внимание Д. Виклиф уделял задачам проповеди. Он подчеркивал, что «проповедь – это исходящее слово Божье, которое служит укреплению церкви», и поэтому «божественные истины» следует излагать мирянам простыми, ясными словами, отказавшись от органной музыки. И это так, так как слова Бога – это семя (Лука, 8, 11). «О! Удивительная сила божьего семени, которое побеждает сильного, делает более твердыми сердца и смягчает людей, которые, грешив, потеряли человеческий вид и очень далеко удалились от бога, обновляет и превращает в божьего человека! Такое большое чудо, как слово пастора не могло действовать, если бы не принимали участие дух жизни и вечное слово» [12, р. 5]. Что же в действительности представляла собой папская практика в современном Виклифу английском обществе?

Первое, что Виклиф подверг критике, это то, что значительная часть священников была мало компетентна в вопросах богословия и не владела мастерством проповеди. Большинство епископов, по его мнению, в силу своей неграмотности заимствовали тексты речей у послушников, чьи слова были лишены глубокой мудрости, но полны пустяками и безрассудством, которые свойственны юношам [12, р. 81]. «Евангелический доктор» порицает то, что называется практикой церковной проповеди: «Еt tota sollicitudo est eorum, non verba evangelica et saluti subtitorum utilia seminare, sed fraudes joca mendacia, per quae possunt populum facilius spoliare». В XII—XIV веках это была довольно распространенная практика — рассказывать на церковной кафедре не библейские истории, а черпать материал для проповедей из историй мира. «Theologus debet seminare veritatem scripturae, non gesta vel cronicas mundiales». Даже архиепископ Кентерберийский не нашел ничего злонамеренного положить в основу одной латинской

проповеди старофранцузскую песенку «Красивая Алиса», заменив имя героини песни на имя «Святая Дева» [7, р. 396]. Главный же упрек, который выдвигает Виклиф против такого способа ведения проповеди, заключается в том, что проповедуется не божье слово, а другие вещи. «Слово божье должно проповедоваться, так как слово божье — необходимый, здоровый хлеб!». Христиане, которые действительно проповедуют Евангелие, должны проповедовать народу евангельскую историю, так как в основе святой истории лежит вера церкви. Иисус «заповедал, чтобы проповедовались не истории, не басни, но истина Евангелия» [7, р. 396].

Второй упрек, который выдвигает Виклиф, заключается в том, что библейские мысли не раскрываются полностью. Такую проповедь он называет «мертвым словом», а не словом господа нашего Иисуса Христа, не словом «вечной жизни», и это причина господствующего в мире зла [7, р. 396]. В «Толковании на 23 главу Евангелия от Матфея» он выдвинул одно положение, которое в дальнейшем стало основным правилом для его последователей: «бедные священники слова Бога проповедуют просто, не прибегая к стихам, басням и другим ораторским приемам» [12, р. 331]. Однако, на наш взгляд, такая проповедь истин «всухую» намного уменьшала шансы виклифитов в их борьбе за влияние на массы.

Все данные замечания позволяют нам предположить, что существовавшая на тот момент практика проповеди в корне не устраивала Виклифа, и именно поэтому он именует ее «притворной и неспособной принести ровно никакой пользы» [12, р. 81]. Проповедь должна была, по его мнению, исходить от людей праведных, творящих добро, а не от алчных и скупых священников, чьи мысли были поглощены материальной стороной человеческой жизни, а не духовной.

Большое значение оксфордский богослов придавал проповеди из-за ее содержательной составляющей. Именно поэтому данный вид деятельности священников являлся, согласно его взглядам, важным и необходимым для христиан. Как правильно заметила Т. Г. Чугунова [5, с. 91–93], в воззрениях Д. Виклифа единственным предметом проповеди должно быть Слово Божье, ибо оно является незаменимым хлебом и семенем духовности человека [7, р. 222]. В качестве аргумента он приводит пример Иисуса Христа и его апостолов. Джон Виклиф пишет, что Христос как до своей смерти, так и после воскрешения из мертвых предопределил своим апостолам и ученикам проповедовать Евангелие людям, а так как со временем апостолов и учеников Христа сменили священники, они также направлены богочеловеком Иисусом Христом для распространения Евангелия [7, р. 222]. «Разнося по земле Евангелие, обладающее животворящей силой, апостолы взрастили церковь, но с тех пор, как священники стали пренебрегать проповедью, Божий храм стал приходить в упадок» [11, р. 22]. По этой причине Виклиф предлагает епископам обучать христиан вере посредством проповеди, а не только через проведение таинств, освящение церквей [11, р. 16] и литургические службы, потому как «сам Христос более определил духовенство проповедовать, чем служить мессы» [1, с. 374], а если кто отдаст предпочтение молитве, а не проповеди, пренебрежет большим ради меньшего [1, с. 374].

Также Виклиф утверждает, что католические служители запрещают проповедь Евангелие без их разрешения, так как Писание недостаточно для управления церковью, и вещающие о нем не несут людям блага [12, р. 16–21].

Таким образом, подводя итоги, мы видим, что высочайшее служение, которое люди могут получить на земле — это проповедь Слова Божьего. В своем «Евангелическом опусе» Виклиф утверждает, что нет более благородного дела для духовного лица, чем проповедь [10, р. 13]. Священнослужители должны привести людей к Богу, именно ради этого Христос оставил другие дела и занимался проповедью, и так же поступали и его апостолы, за что Бог и возлюбил их.

Также оксфордский богослов считал, что священники должны больше других стараться выполнять заповеди Божьи. Хорошая проповедь — лучшая из всех служб. Иисус Христос повелел своим апостолам проповедовать Евангелие всем людям и велел Петру заботиться о своих овцах, ибо в этом и состоит служба духовного пастыря [8, р. 102–104], так как с помощью проповеди священник способен помочь человеческой душе преодолеть самые тяжелые беды [1, с. 374].

Кроме прочего, ценность проповеди в понимании Виклифа заключалась также в том, что данная назидательная речь оказывается средством общения Бога с людьми.

Литература

- 1. Виклиф Дж. Зерцало об Антихристе. Как Антихрист и его слуги уводят истинных священников от проповеди Евангелия Христа четырьмя неправдами / Перевод и вступ. статья Т. Г. Чугуновой // Диалог со временем. 2013. Вып. 43.
- 2. *Городцев П. Д.* Предшественник реформации Джон Виклиф. Его жизнь и реформаторская деятельность. Петроград: Синод. тип., 1917.
 - 3. Карев А., Сомов К. История христианства. М.: Протестант, 1993.
- 4. Φ окс Д. Книга мучеников. М.: Издательство Христианского библейского братства св. апостола Павла, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Fox/index.php (дата обращения: 11.11.2019).
- 5. *Чугунова Т. Г.* Дж. Виклиф и У. Тиндел: Слово и церковь в английской реформационной доктрине // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 91–94.
- 6. *Bruce F. F.* History of the Bible in English. Oxford: Oxford University Press, 2002.

- 7. Lechler G. V. John Wycliffe and his English precursors. London: The Religious Tract Society, 1904.
- 8. Life and Times of John Wycliffe: The Morning Star of the Reformation. London: Religious Tract Society, 1884.
- 9. *Wicliffe J.* Select English Works of John Wyclif. Vol. 3 / Ed. T. Arnold. Oxford: Clarendon Press, 1871.
- 10. Wicliffe J. Opus Evangelicum. Vol. I. The Wyclif Society / Ed. J. Lozerth. London: for the Wyclif Society by Trubner & Co., 1895.
- 11. *Wicliffe J.* Sermones. Vol. I–II. The Wyclif Society / Ed. J. Lozerth. London: for the Wyclif Society by Trubner & Co., 1887.
- 12. *Wicliffe J.* Tracts and Treatises of John de Wycliffe: With Selections and Translations from His Manuscripts and Latin Works. Wycliffe Society / Ed. R. Vaughan. London: Blackburn and Pardon, 1845.

SERMONS IN JOHN WYCLIFF'S TEACHING: THEORY AND PRACTICE

N. V. Shchelokova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

This article is devoted to John Wycliffe's views on the role and importance of sermons in Christian doctrine and church practice. The emphasis is placed on the opposition of the Oxford theologian's views and the contemporary practice of sermons by Catholic clergy.

Keywords: John Wycliffe, Catholic sacraments, sermon.

Об авторе:

ЩЕЛОКОВА Наталия Вячеславовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, e-mail: schelokovdan@yandex.ru.

About author:

SCHELOKOVA Nataliia Vyacheslavovna

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Candidate of Historical Sciences, e-mail: schelokovdan@yandex.ru.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАННЕЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ (1529–1553)

О. Ю. Иванова

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Статья посвящена обзору ряда политических аспектов ранней английской Реформации в период правления Генриха VIII и Эдуарда VI (1529—1553). Предпринята попытка выделить особенности влияния внутриполитических и внешнеполитических факторов на ход и специфику церковных реформ.

Ключевые слова: Английская реформация, Генрих VIII, Эдуард VI, «Парламент Реформации», супрематия, внутриполитические факторы, внешнеполитические факторы.

Реформация XVI в. стала важным этапом в развитии западноевропейской христианской церкви. В результате западноевропейское общество пережило важный духовный и социально-культурный переворот, образовались новые церкви протестантского направления христианства.

В каждой стране Реформация имела местные условия и особенности, определяемые ходом предыдущего исторического развития. В Англии такой особенностью стало доминирование правительственной инициативы в ходе реформ, что было обусловлено наличием сильной централизованной монархии и существенным образом повлияло на ход церковных преобразований.

В Европе эпохи Реформации противодействие политическим притязаниям папства, стремление подчинить церковь светским властям было общей тенденцией. Основатель династии Тюдоров Генрих VII (1485–1509) и его сын Генрих VIII (1509–1547) значительно укрепили королевскую власть. Усиливались центральные органы власти (Тайный совет и его комитеты). Абсолютные монархи контролировали армию, финансы, и без подчинения государством церкви централизация власти была бы неполной. Английские монархи стремились установить контроль над церковью и превратить ее в часть государственного аппарата, чтобы использовать ее финансы, земли и идеологическое влияние. Не следует сбрасывать со счетов и финансовые причины английской Реформации. Постоянная нужда короны в деньгах делала ее заинтересованной стороной в деле секуляризации.

На религиозную политику Генриха VIII влиял комплекс внутри-, внешнеполитических и личных причин. Примером их тесного переплетения служит дело о разводе короля с его первой супругой Екатериной Арагонской. Для расторжения брака имелись политические причины: Ген-

рих VIII не имел выжившего законного наследника мужского пола, что ставило под угрозу не только будущее династии, но и результаты централизаторской политики, а это было особенно опасно в свете относительно недавно в исторической перспективе закончившейся Войны роз. Екатерина Арагонская, будучи теткой императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга, могла стать орудием в руках противников Генриха. Во второй половине 1520-х гг. внешняя политика английской короны приобрела антигабсбургскую направленность, но династические связи между английской и испанской коронами препятствовали полному разрыву англо-габсбургского союза.

Строго говоря, с юридической точки зрения король добивался не развода как такового, а аннулирования диспенсации (Особого разрешения, выдаваемого папой римским и дающего право его получателю нарушить норму канонического права, обязательную для всех. – О. И.), выданной в 1503 г. папой Юлием II и разрешавшей ему жениться на вдове брата [13, р. 13]. Для этого нужно было соответствующее решение, выданное папой Климентом VII. Определенные надежды на выгодное Лондону решение давало то, что Климент VII в свое время был кардиналомпротектором Англии при папском дворе, то есть представлял там ее интересы. Но в глазах самого папы этот аргумент перевешивали другие обстоятельства – то, что Екатерина Арагонская была теткой императора Карла V, в зависимости от которого в тот момент находилась римская курия. Поэтому удовлетворить просьбу английского короля о разводе он никак не мог. Английский монарх оказался перед выбором: либо порвать с папством и начать Реформацию, что позволило бы ему не только развестись, но и решить финансовые проблемы короны за счет церковных земель, а также укрепить свою социальную опору в лице нового дворянства и буржуазии, требовавших секуляризации и дешевой церкви, либо сохранить сложившееся положение дел, что усугубило бы политический кризис, в котором оказалась корона. Хорошо понимая сложившуюся ситуацию, Генрих VIII попытался достичь компромисса с папством, требуя от Климента VII развода и одновременно стремясь добиться от него санкции на церковные реформы. Переговоры, давление на папскую курию и угрозы в ее адрес не дали результата. Рост в Англии протестантских настроений и нарастание финансового кризиса привели к тому, что Генрих VIII принял решение разорвать отношения с папством [3, с. 101–102]. После того, как созданная для решения вопроса о разводе папская комиссия (куда входили папский легат Лоренцо Кампеджо и лорд-канцлер Англии Томас Вулси) не пришла к приемлемым для короля выводам, Генрих VIII взялся за решение этого вопроса сам. В августе 1529 г. было объявлено о созыве парламента, который решит дело о разводе. Таким образом, к осени 1529 г. Генрих VIII окончательно пришел к выводу, что будет искать решение своих матримониальных проблем внутри страны.

Таким образом, как верно заметил Ю. Е. Ивонин, созыв «Парламента Реформации», по существу дела, явился одним из результатов изменений

во внешнеполитическом курсе правительства Генриха VIII [2, с. 96]. Развод короля ускорил сроки разрыва с Римом.

«Парламент Реформации» работал с 3 ноября 1529 г. по 14 апреля 1536 г. Принятые им решения не только дали возможность развода, но и обогатили корону за счет земель и материальных богатств монастырей, а также передали Генриху VIII права и власть папы римского.

«Парламент Реформации» принял ряд статутов, закрепляющих финансовую, организационную и юридическую независимость англиканской церкви от Рима. В числе важнейших законов можно назвать статут «О частичном ограничении аннатов (суммы в размере трети годового дохода от церковного бенефиция, которую его обладатель при вступлении в должность был обязан выплатить в Рим) и посвящении епископов» 1532 г. [6, р. 737–738]. Статут «Об ограничении апелляций к Риму» 1533 г. был принят, когда дипломатические меры воздействия на римскую курию оказались исчерпанными, и король поставил своей целью скорейший развод с Екатериной Арагонской на основании решения английского суда.

Важность документа в том, что он отразил новый взгляд на отношения церкви и государства: Англия названа «державой», утверждается независимость английской церкви и государства. Цель статута — отрицание зависимости Англии от какой-либо внешней власти, как духовной, так и светской, и подчеркивание силы и могущества королевской власти: «На основании различных достоверных хроник декларируется, что английское королевство — самостоятельная и полноправная держава... управляемая единственным верховным главой и королем, кому все его подданные, к какому бы то сословию и званию они ни принадлежали, будь то духовные или светские лица, обязаны повиноваться. ... Он обладает полной властью, прерогативами и юрисдикцией осуществлять правосудие, ему же принадлежит право окончательного решения во всех делах и вопросах... в том числе и спорных духовных вопросах» [1, с. 48–50].

Статут «Об ограничении апелляций к Риму» был модифицирован статутом 1534 г. «О подчинении духовенства». Он еще раз декларировал, что английское духовенство не будет принимать никаких церковных законов без согласия короля, и вся законодательная база будет пересмотрена под его контролем специально назначенной королевской комиссией; устанавливалось, что никакие апелляции «не могут быть возбуждены или направлены за пределы королевства к римскому епископу и в римскую курию. В случае несправедливого решения в суде архиепископа будет считаться законным, если стороны подадут апелляцию Королевскому Величеству в Палату Канцлера; и в каждом случае подобной апелляции будет назначена специальная комиссия» [15, р. 24–25].

Статут 1534 г. «О полном ограничении аннатов и выборах епископов» не только ввел абсолютный запрет на их выплату, но и затронул важный вопрос о выборе епископов. Согласно английскому обычаю, в случае освобождения должности аббата капитул аббатства обращался к основателю аббатства или его наследникам с просьбой «позволить назначить» нового

аббата. Последний рекомендовал конкретного кандидата. Подобная же процедура имела место при назначении епископов королем. Таким образом, выборы аббатов и епископов являлись свободными лишь теоретически. Статут «О полном ограничении аннатов» закрепил вмешательство в этот процесс короля и превратил его из эпизодического в постоянное: декан и капитул, отказавшиеся выбрать королевского назначенца, подпадали под действие «De Praemunire» [15, р. 29–31].

В 1534 г. были принят статут «О церковных назначениях». Он определял порядок назначения епископов и архиепископов: «Кандидаты на кафедры архиепископов и епископов не должны представляться папе... В случае вакантности какой-либо архиепископской или епископской кафедры король посылает местному приору и конвенту или декану и капитулу свое разрешение, скрепленное большой печатью (т. е. дозволение приступить к выбору кандидата на вакантное место. – О. И.). Вместе с разрешением король посылает особое сопроводительное письмо, в котором названа подходящая кандидатура... В случае, если избрание не будет проведено в 20-дневный срок, король имеет право особым патентом (letters patent), скрепленным большой печатью, своей властью назначить того, кого ему угодно. Избранный или назначенный в таком порядке кандидат должен приносить присягу на верность королю и никому другому, после чего получает посвящение и вводится во владение епархией...» [1, с. 16].

Комплекс документов, принятых «Парламентом Реформации», фактически сделал церковь Англии независимой от Рима в организационном, юридическом и финансовом отношениях. Новую политическую реальность законодательно закреплял Акт «О супрематии» (1534). С его принятием все дипломатические отношения Англии с Римом были прерваны. Акт провозглашал власть английского монарха над всеми его подданными и во всех случаях; причем о супрематии короля говорилось как о чем-то уже существующем. Основная его цель – декларация изменения статуса английской церкви: это не часть единой католической церкви, а независимая церковь Англии, за которой с этого момента закрепляется название англиканской. Фактически церковь в Англии стала государственной, король получил все права папы римского. Как глава церкви он мог определять вероучение. Акт «Об ограничении апелляций к Риму» еще допускал апелляции к папе по делам о ересях, но теперь монарх получил право прееретиков. Он также получил право церковных следовать ций [15, р. 46].

Согласно каноническому праву, права священников включали potestas ordinis и potestas jurisdictionis. Под potestas ordinis понималось право посреднических отношений между человеком и Богом, важнейшей стороной чего являлось отправление таинств. На это право английский король никогда не претендовал. Хотя он назначал епископов, но никогда не посвящал их в сан и никогда не отправлял других таинств. Генрих VIII закрепил за собой право potestas jurisdictionis – управления церковью. В его понимании оно включало назначение епископов, регуляцию деятельности церковных

судов, законотворчество в области канонического права, налогообложение духовного сословия, визитации, включая монастыри, конфискация церковной собственности и управление ею. Еще одной стороной *potestas jurisdictionis* было определение истинности вероучения, и выражением этого стало в дальнейшем принятие «10 статей», «Шестистатейного статута» как государственных законов [13, р. 25–26]. За непризнание супрематии полагалась смертная казнь.

Практика государственно-церковных отношений в 1530—1540-е гг. характеризуется соединением духовной и светской власти в одних руках, примером чего может служить деятельность канцлера казначейства и государственного секретаря Томаса Кромвеля, специальным парламентским указом назначенного генеральным викарием по церковным делам. В своей деятельности он активно ущемлял церковную юрисдикцию епископов и контролировал всю церковную политику.

В конце 1530-х — начале 1540-х гг. Реформация становится менее радикальной и решительной. Это связано с колебаниями политики короля и с тем, что он достиг своих целей: церковь практически была ему подчинена, земли монастырей секуляризованы двумя статутами 1536 и 1539 гг.

В 1539–1543 гг. Генрих VIII меняет свою политику в отношении церковных реформ и начинает ориентироваться на прокатолическое крыло.

На повороты в религиозной политике Генриха влияла и внешнеполитическая обстановка. Временное ослабление позиций Габсбургов в связи с турецкой угрозой в 1532 г. и заключение антигабсбургского союза Англии и Франции позволило Генриху VIII действовать в деле о разводе более решительно и в ноябре того же года вступить в тайный брак с Анной Болейн; после этого англиканское крыло усилило свое влияние. В период наиболее активных церковных реформ король склонялся к союзу с протестантскими князьями Германии, однако этот союз так и не был заключен, поскольку Генрих VIII в своей внешней политике постоянно лавировал между князьями, Священной Римской империей, Францией и папством, и князья были ему нужны как противовес политике Карла V. Переговоры с ними он часто затягивал, так как не желал радикальных реформ вероучения и богослужения, сопутствующих политическому союзу. Одной из причин отхода к католицизму и принятия «Шестистатейного статута» было опасение совместного нападения на Англию Франции и Габсбургов. Лишь осенью 1539 г. была создана антигабсбургская коалиция Англии, герцогства Клеве и немецких протестантских князей, но она оказалась недолговечной, и провал внешней политики Кромвеля стал одной из причин его падения. Во внешней политике король переключился на союз с Габсбургами, что повлияло на его склонность к католицизму, а затем, когда в 1546 г. этот союз стал невыгоден для него с экономической и политической точек зрения, он вновь стал ориентироваться на немецких князей [3, с. 43, 47–48, 66–67, 70– 71, 75, 80, 96–97].

После смерти Генриха VIII в 1547 г. на престол взошел его несовершеннолетний сын Эдуард VI. Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет, дядя короля, сумел вопреки завещанию 13 марта 1547 г. получить титул лордапротектора и право распоряжаться всеми внутренними и внешними делами государства вплоть до совершеннолетия Эдуарда. Его власть была практически королевской. Сомерсет правил до октября 1549 г., а с 1549 по 1553 г. у власти находился герцог Нортумберленд, который не имел титула протектора, но фактически таковым являлся. Оба они были сторонниками продолжения умеренных церковных реформ.

При Сомерсете был отменен прокатолический репрессивный «Шеститатейный статут», церкви очистили от икон и статуй, начался отход от католической системы сакраменталий, в богослужение внедрялся английский язык, было отменено безбрачие духовенства, завершилась секуляризация [8, с. 167; 5, с. 301; 11, с. 199; 12, с. 354].

А.Ф. Поллард подчеркивал, что при Сомерсете реформационные преобразования были связаны в основном с изменениями церковной практики, в то время как на более серьезные доктринальные изменения протектор не решался.

В октябре 1549 г. Сомерсет потерял власть. Он оказался неспособен решить экономические и социальные проблемы. Инфляция, рост цен и расходы на войну привели к финансовому кризису: в 1547–1549 гг. цены выросли в два раза. Дорогостоящие войны с Францией и Шотландией, резкое увеличение расходов на содержание двора только ухудшали финансовое положение народа. Последовал социальный взрыв. В июне – августе 1549 г. имело место восстание в Корнуолле и Девоншире, поводом для чего стала попытка введения в действие I редакции «Книги Общих молитв», ритуалы которой многие корнуолльцы, не знавшие английского языка, не понимали. Восставшие двинулись на Эксетер. В выдвинутых во время переговоров с правительством «Эксетерских статьях» восставшие требовали вернуться к «старым добрым временам короля Генриха»: восстановить монастыри и монастырское землевладение, вернуться к католическому культу и отменить «Книгу Общих молитв», запретить использование английской Библии, вновь ввести в действие «Шеститатейный статут». По их мнению, окончательно церковные вопросы должны быть решены после совершеннолетия Эдуарда VI – таково якобы было завещание Генриха VIII, «скрываемое» Тайным советом [5, р. 305].

Жители Эксетера отказались открыть ворота восставшим и сидели в осаде больше месяца. Произошло несколько сражений восставших с правительственными войсками под командованием лорда Джона Рассела. Королевская армия одержала победу, погибло около 5,5 тысяч человек [7, р. 52–64; 4, р. 38–60].

Восстание в Норфолке (июнь – август 1549 г.) имело другой характер. Восставшие во главе с Р. Кетом выдвигали требования, затрагивавшие лендлордов, ренты и огораживания (17 из 29 пунктов) [9, р. 67]. Решение церковных вопросов, которым уделялось значительное внимание, носило радикально-протестантский характер. В глазах восставших приходские священники не должны были быть только получателями ренты с бенефи-

циев, воспринимающими приход как возможность получения дохода. Они требовали, чтобы священники добросовестно выполняли свои пастырские и учительские обязанности: лично, или пригласив учителя, учили детей катехизису и молитвам; если священник неспособен к проповеди, он должен выбрать другое лицо, способное к этому; все десятины заменялись денежным взносом, идущим на содержание священника; приходским священникам запрещалось одновременно состоять капелланами или выполнять другую службу у влиятельных особ. Духовным лицам запрещалось приобретать земли. Понимание роли священников как общественных служащих, отраженное в требованиях восставших («Норфолкской программе») характерно для протестантских учений. Восстание Кета в августе 1549 г. подавил граф Уорвик. В глазах правящей элиты ответственность за беспомощность правительства во внутренних делах нес Сомерсет.

Потерпела провал и внешняя политика Сомерсета: он втянул страну в войну с Шотландией и ее союзницей Францией и проиграл ее, потерял Булонь. Вину за провал на международной арене также возложили на протектора. Решающий момент наступил, когда граф Уорвик, составив заговор с целью свержения Сомерсета, привлек на свою сторону прокатолически настроенных политиков (бывшего лорда-канцлера Т. Райотсли, лорда Саутгемптона, Р. Саутвелла, графа Арундела) [5, р. 315]. В октябре 1549 г. Сомерсета арестовали и лишили всех постов. Его обвинили в нарушении отношений с Францией, социальной нестабильности, ущемлении прав членов Регентского совета и государственной измене. (Казнили его через два с половиной года, после того как герцог вновь продемонстрировал стремление к власти и попытался создать оппозицию Уорвику). Протекторат был отменен, и решающее влияние в правительстве приобрел Уорвик, получивший титул герцога Нортумберленда. Он не обладал широтой взглядов, присущих Сомерсету, и не был таким щепетильным, о чем свидетельствует расправа с поддержавшими его католиками [12, р. 144]. В итоге, второй период царствования Эдуарда VI (1549–1553) отмечен резким изменением религиозной политики. Осторожность была отброшена, и реформам придали ускорение [10, р. 116].

В 1549–1553 гг. больше внимания уделялось изменениям богослужения и разработке вероучения (вторая редакция «Книги Общих молитв» и «42 статьи»). После 1549 г. «религиозный климат стал более репрессивным»: это выразилось в смещении ряда епископов и замене их сторонниками активных церковных реформ, радикальными протестантами.

Таким образом, осмысление политической специфики церковных реформ в Англии позволяет сделать вывод, что они проводились под воздействием целого ряда факторов как внутри-, так и внешнеполитического характера. К внутриполитическим факторам можно отнести усиление централизации и укрепление абсолютизма, экономические и финансовые проблемы короны, восстания, стремление короны опереться на новое дворянство, а также лавирование ее между разными политическими и религиозными партиями в зависимости от текущей ситуации. Результат действия

внешнеполитических факторов — войны, лавирование английских монархов на международной арене с целью противостояния Габсбургам, поиски союзников в зависимости от собственного религиозного курса.

Литература

- 1. Английская Реформация. Документы и материалы / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М.: МГУ, 1990.
- 2. *Ивонин Ю. Е.* Внешняя политика Англии второй половины 20-х гг. XVI в. и начало Реформации Генриха VIII // Научные труды исторического факультета Запорожского государственного университета. Запорожье: «Запоріжжя», 1993. Вып. І.
- 3. *Ивонин Ю. Е.* Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии // Исследования по зарубежной истории. Смоленск: СГПУ, 2000.
- 4. *Barrett L. Beer*. Rebellion and Riot: Popular Disorder in England During the Reign of Edward VI. Kent: Kent State University Press, 2005.
 - 5. Dickens A. G. The Reformation in England. L.: Batsford, 1972.
- 6. English Historical Documents. 1485–1558 / Ed. by C. H. Williams. L., 1971.
- 7. Fletcer A., MacCulloch D. Tudor rebellions. Fifth edition. Harlow, London, 2015.
- 8. *Jordan W. K.* Edward VI, the Young King. The Protectorship of the Duke of Somerset. Cambridge, Mass.: The Belknap Press, 1968.
 - 9. Land S. Kett's Rebellion. L.: Boydell Press, 1977.
- 10. Loach J. Edward VI. New Haven and London: Yale University Press, 1999.
- 11. *Pollard A. F.* Thomas Cranmer & the English Reformation, 1489–1556. Hamden: Archon Books, 1965.
- 12. *Prill D*. The English Reformation 1529–1558. L.: University of London Press, 1973.
- 13. *Solt L. F.* Church & State in Early modern England, 1509–1640. N. Y., Oxford: Oxford univ. press, 1990.
- 14. Statutes of Realm. 1101–1713 / Ed. by A. Luders, T. Tomlins. L.: Dawsons of Pall Mall, 1810–1816. Vol. III.
- 15. Tudor Constitutional Documents (1485–1603) with an historical commentary by J. R. Tanner. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.

POLITICAL ASPECTS OF EARLY ENGLISH REFORMATION (1529–1553)

O. Y. Ivanova

Smolensk State University, Smolensk

The article reviews a number of political aspects of the early English reformation during the reigns of Henry VIII and Edward VI (1529–1553). An

attempt is made to highlight the peculiarities of the influence of domestic and foreign policy factors on the course and specifics of Church reforms.

Keywords: English Reformation, Henry VIII of England, Edward VI of England, supremacy, domestic political factors, foreign policy factors.

Об авторе:

ИВАНОВА Ольга Юрьевна

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, кандидат исторических наук, e-mail: olga05ivanova@mail.ru.

About author:

IVANOVA Olga Y.

Smolensk State University, Department of General History, Candidate of Historical Sciences, e-mail: olga05ivanova@mail.ru.

УДК94(415).06

ГЕРБЕРТ ЧЕРБЕРИ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ БАРОККО

Т. Б. Сорокина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье предпринята попытка охарактеризовать мировоззрение Герберта Чербери. На основе анализа автобиографии Герберта выявляются его представления об образовании и воспитании, о добродетелях и пороке, о морали и религии. Ценности и жизненная позиция Герберта дают возможность лучше понять культуру и ментальность английского общества XVII века.

Ключевые слова: Эдвард Герберт, автобиография, Англия, XVII век, век барокко.

XVII век — самый неопределенный период истории Европы Нового времени. Он оказался столь сложным, пестрым, противоречивым, что не укладывался ни в одно однозначное определение, и это касается не только его искусства, но и философской, и политической мысли, и отношения к религии, и его этического и эстетического сознания.

Немецкий искусствовед Генрих Вёльфлин попытался дать XVII столетию культурологическое определение, назвав его «веком барокко» [1]. Однако всеобщего признания данное определение не получило. Разумеется, свести культуру крайне неоднородного столетия к одному барокко не-

возможно, да и вообще, любые обобщения, особенно в культуре, опасны и вредны. Вместе с тем использование понятия «барокко» не в его первоначальном, конкретно-стилистическом, а в расширительном, культурнопсихологическом значении имеет определенные основания. Порожденный кризисом ренессансной культуры, сам этот стиль выражал новое, драматическое состояние общественной психологии. Определённое смысловое единство барокко как странного и неправильного стиля и XVII века, нелинейного и хаотичного периода, делает данное сравнение вполне логичным. Ещё одну важную особенность отметил американский историк культуры Р. Штромберг: «В общем и целом барокко — это стиль мышления и поведения людей "растерявшейся эпохи", разуверившейся во всем унаследованном и вместе с тем еще не нашедшей почвы для нового символа веры» [2, с. 196].

XVII век – время мучительных поисков согласования старого и нового. В это время происходит резкое размежевание и прямое противостояние философских учений. В сфере нравственности сталкиваются противоположные принципы поведения: с одной стороны, стоическая мораль, с другой стороны, мораль эпикурейская. Ещё более жёсткое противоборство представляет XVII век в религиозной сфере. Процесс секуляризации сознания, начавшийся в эпоху Возрождения, достиг в XVII в. своего расцвета. В это время было сформулировано и закреплено новое деистическое мировоззрение, от которого всего лишь шаг оставался до материализма и антиклерикализма французов-энциклопедистов. В единую систему идеи деизма были оформлены английским философом Эдвардом Гербертом Чербери (1583–1648), которого потомки окрестили «отцом английского деизма».

Герберт Чербери является одним из ярких представителей XVII века, чья жизнь и творчество позволяют глубже понять культуру и ментальность своего времени. Мировоззрение Герберта сложное и противоречивое, как век, в котором он жил. Широта интересов, бесспорно, роднит Герберта с предшествующей эпохой Возрождения. Поэтический талант уживался в нём с безупречной логикой учёного. Исследователи относят его поэтические произведения к метафизической школе английской поэзии, которая «воплотила эстетику барокко в её английском варианте» [3]. Он написал первый метафизический трактат в Англии и одну из первых работ по сравнительной теологии, и эти научные труды ставят его в один ряд с представителями века научной революции. Кроме того, Герберт — автор ряда исторических работ, самой известной из которых стала одна из первых научных биографий Генриха VIII.

Ещё одно известное произведение Герберта — его автобиография, которая позволяет судить не только о мировоззрении автора, но и о культурных смыслах его эпохи [4].

Герберту было за шестьдесят, когда он начал писать свои мемуары. Он адресовал их своим потомкам, которые, как он полагал, смогут воспользоваться его богатейшим жизненным опытом. В самом начале автобиографии Герберт заметил, что если бы все предки оставляли свои жиз-

неописания, то принесли бы своим потомкам огромную пользу [4, р. 1–2]. Автор заявляет, что описывает свою жизнь правдиво и искренно, так как, во-первых, презирает любую ложь, а во-вторых, пришло время всё вспомнить, чтобы объясниться и оправдаться перед богом и людьми. Мемуары Герберта соединяют в себе и исповедь, и оправдания, и обвинения, и раздумья.

В стилистике автобиографии, несомненно, присутствуют черты барокко: эстетика излишества и изумления, пышность, экстравагантность, парадность, декоративная театральность. Вместе с тем в мемуарах большое место отведено рассуждениям автора о медицине, образовании, воспитании, демонстрирующих глубину его познаний в различных областях. Эмоциональность изложения, изящность слога уживаются со строгой логикой научной мысли, юмор и самоирония автора соседствуют с трагическими сюжетами. В жизнеописании Герберта проявляются его могучий темперамент, острый ум, красноречие, ироничность и бесспорный литературный талант.

О себе Эдвард Герберт сообщает, что в детстве тяжело болел и долго не мог говорить, при этом всё слышал и многое понимал, но боялся сказать что-то глупое и неуместное. Один из первых вопросов, который мальчик задал окружающим, насмешив многих, был вопрос о том, как он попал в этот мир [4, р. 29]. В дальнейшем его утешала мысль о том, что если он не помнит о тех муках, которые перенёс при рождении, то, вероятно, и переход в мир иной тоже будет освобождён от страданий. Герберт делает вывод: человек не знает ни о том, как он появляется на свет, ни о том, как он покидает мир.

Находясь в чреве матери, ребёнок имеет все органы чувств, бесполезные для него в «темноте и тишине». Но эта данность свидетельство того, что будет другое существование, где человек полноценно сможет воспринимать окружающий мир. С помощью такого примера Герберт объясняет, что если жизнь не дала человеку возможности полностью реализовать себя на земле, стоит надеяться, что всё лучшее ещё впереди [4, р. 36].

О своём образовании Герберт вспоминает с нескрываемой гордостью. С семи лет Герберта начали обучать азбуке и грамматике. Мальчик оказался способным учеником и легко писал развёрнутые рассуждения на заданную тему в стихах [4, р. 38]. Когда ему исполнилось девять лет, родители решили обучить его валлийскому языку, так как многие в Уэльсе не знали другого языка. О своём учителе Эдварде Тэлволле Герберт пишет с теплотой и восхищением. По его словам, этот джентльмен владел греческим, латинским, французским, итальянским и испанским языками, имел глубокие познания в различных областях, при этом он не был путешественником и не обучался в университетах, всё это — результат самообразования. Герберта удивляло самообладание учителя, который никогда не позволял себе проявлять гнев и раздражение. Этому умению держать себя в руках темпераментный Герберт особенно завидовал, так как сам сравнивал себя с человеком, которому лучше выпустить огонь наружу, чем сжечь дом. И хотя

искусству самообладания Герберт так и не научился, зато за девять месяцев обучения он овладел валлийским языком и понемногу другими иностранными языками, которые знал учитель [4, р. 41].

Следующий период обучения проходил у Герберта в Шропшире, где менее чем за два года он выучил латынь и логику. В результате ему, наконец, удалось восстановить всё, что было упущено из-за болезни в детстве. В двенадцать лет родители решили отправить его в Оксфорд в университетский колледж. Уровень подготовки оказался достаточным для того, чтобы, по словам Герберта, уже на первом занятии по логике в колледже он смог принять участие в диспуте, а также выполнять все задания на греческом языке даже чаще, чем на латыни. Однако пребывание в колледже оказалось недолгим, из-за смерти отца Герберту пришлось вернуться домой.

Женился Герберт довольно рано на своей кузине Мэри Герберт. Жениху к тому времени исполнилось 15 лет, а невесте 21 год. По условиям завещания этот брак был необходим для сохранения земельной собственности у семьи Гербертов. Женившись, Герберт с женой и матерью снова возвращается в Оксфорд.

Он выучил без чьей-либо помощи французский, итальянский и испанский языки, используя только английские и латинские тексты, переведённые на эти языки, и словари. Кроме того, научился петь и играть на лютне. Знание иностранных языков, по мнению Герберта, помогает человеку стать гражданином мира. Музыка необходима, чтобы отвлекаться от занятий и уметь развлечь себя. И то, и другое делало его самодостаточным и оберегало от дурного влияния [4, р. 45].

С высоты своего опыта Герберт составил перечень советов, касающихся вопросов воспитания и образования детей. Главная заповедь, которую Герберт вывел из опыта всей своей жизни: обучение добродетели несравненно важнее, чем получение знаний. Злые люди, получившие знания, опаснее вдвойне для окружающих. Наряду с подобными обобщениями, Герберт обстоятельно разъясняет все тонкости обращения с детьми на каждом этапе их развития. Во-первых, он предлагает уже в младенчестве начать профилактику всех наследственных заболеваний. Лекарственные средства, по его мнению, надо добавлять в грудное молоко. Только в этом случае можно излечиться практически от всех заболеваний. Герберт пишет, что знает лучшие рецепты для лечения от всех болезней. Эти знания он приобрёл в аптеках, запоминая все предписания врачей.

Обучение детей рекомендует начинать с греческого языка, так как, вопервых, в детстве это сделать легче, а во-вторых, достижения греков во всех направлениях превзошли всех и заслуживают особого внимания. Университетские программы обучения, по мнению Герберта, много времени уделяют изучению тонкостей логики, это позволяет человеку стать в лучшем случае превосходным спорщиком. Это искусство может пригодиться адвокату, но достойному джентльмену этого мало. Важна та часть логики, которая учит людей выводить доказательства, опираясь на твёрдые и незыблемые нравственные принципы, и чётко различать правду и ложь. Для этого необходимо изучать философию Платона и Аристотеля.

Герберт перечисляет авторов, чьи труды надо изучать обязательно. Кроме Платона и Аристотеля, это «Идеи медицинской философии» датского врача Северинуса, где излагаются идеи Парацельса, которых не было у предшественников. Затем стоит прочесть труды Франческо Патрици и Телезия, которые изучили и опровергли перипатетическое учение. Философию, по мнению Герберта, достаточно изучать год, а логику – полгода. За это время мыслящий человек способен получить всё необходимое от этих двух наук. Затем можно приступать к географии, которая познакомит ученика с расположением стран, а вместе с этим полезно будет узнать о нравах, религиях, об отношениях между государствами, о преимуществах одних над другими. Затем наступает очередь астрономии, чтобы объединить знания о двух сферах – земной и небесной. Герберт сомневается, нужно ли заниматься астрологией. Возможно, замечает автор, звёзды определяют общие направления развития, но конкретные события имеют другие причины. Полезно изучать арифметику и геометрию, особенно арифметику для ведения счетов. Геометрия, по мнению автора, не имеет такой же практической выгоды, если только речь не идёт о сооружении военных укреплений.

Герберт уверен, что образованному человеку важно знать медицину и фармакологию. Человек знакомый с медициной способен поставить диагноз и себе, и окружающим, спрогнозировать течение заболевания и найти средства для излечения. Фармакологии Герберт посвящает развёрнутый рассказ с примерами удачного выздоровления людей, которых он сам вылечил лекарствами, приготовленными собственными руками. К примеру, гидроцефалию он вылечил за 5 дней с помощью мочегонных препаратов.

Герберт уверен, что изучение ботаники и лекарственных растений в частности — одно из самых достойных занятий для джентльмена. Изучение анатомии, по мнению Герберта, никогда не сделает человека атеистом, поскольку человеческий организм — это величайшее чудо.

Таким образом, узкая специализация знаний автора соединяется с ренессансной широтой интересов. Время настойчиво требует профессионалов, прекрасно ориентирующихся в рамках своей специальности. Без этого, очевидно, была бы невозможна и научная революция, связанная с кропотливой работой над постановкой экспериментов.

Завершая разговор о «человеческой» литературе, Герберт переходит к рассуждениям о богословии. Здесь проводится мысль, которая станет ключевой в его учении о религии. Моральные добродетели, определённые Аристотелем в «Этике», разделяли и стоики, и другие философы, и христиане и все народы вообще. Таким образом, пишет Герберт, все народы мира опираются на общие моральные доктрины, которые «отпечатаны» в их душах. Опираясь на эти нравственные принципы, человек способен достичь счастья. Моральные законы — это то, что объединяет всех людей. Моральная философия даёт людям самое важное знание в жизни. Велико-

душие по отношению к другим, прощение врагов создаёт душевную гармонию. Однако добродетельность не является абсолютной в понимании Герберта, во всём необходимо здравомыслие и практическая польза. «Не надо отстаивать справедливость там, где уместно милосердие, с другой стороны, глупая жалость не должна побеждать стремление к справедливости» [4, р. 77]. Поэтому главный вывод Герберта: «мудрость — душа всех добродетелей».

Пространные рассуждения о морали Герберт подкрепляет рассказами о собственных поступках, которые не позволяют усомниться читателю в добродетелях автора. Герберт уверяет, что с детства он испытывал отвращение ко лжи, предпочитая понести наказание, чем лгать. С тех пор честность оставалась для него главным жизненным принципом. Все, кто его знали, не сомневались в его добродетельности. Деньги ему давали под честное слово.

Герберт описывает случай, когда вынужден был остановиться в гостинице, где стал свидетелем разговора французских, испанских и итальянских дворян, в котором они с пренебрежением высказывались об английском короле Якове. Никто из присутствовавших не знал Герберта, и он мог бы сделать вид, что не понимает чужого языка. Но только не он. Герберт встал, представился и обратился к остальным с требованием извиниться и выпить за здоровье английского короля, в противном случае он готов был сражаться. Конфликт удалось ликвидировать извинениями [4, р. 218–219].

Относительность моральных норм Герберта — не пустые слова. Он вспоминает как, спасаясь во время кораблекрушения, вместе со своим другом с оружием в руках захватил единственную лодку на корабле, терпящем бедствие. Возможно, с точки зрения морали того времени такой поступок был вполне оправдан правом аристократа быть спасённым раньше остальных. Сам же Герберт объясняет своё поведение паническим страхом утонуть, так как плавать он не умел [4, р. 126–127].

Продолжая рассуждать о содержании образования, Герберт отмечает, что было бы целесообразно потратить время на изучение риторики и ораторского искусства. В умении доносить свои мысли до окружающих Герберт выделяет две стороны: во-первых, формулировать чётко и ясно, вовторых, надо это делать изобретательно и остроумно. Остроумие необходимо развивать, и здесь как в фехтовании, по мнению автора, чтобы отражать все удары противника, надо хорошо подготовиться. Для обучения ораторскому искусству Герберт советует читать Цицерона и Квинтилиана, хотя и тот, и другой имеют свои недостатки (первый – утомительный, второй – излишне лаконичный).

Кроме всего прочего, своим потомкам Герберт настойчиво рекомендует научиться танцевать, а затем, начиная с 12 лет, надо учиться фехтованию (сам Герберт очень в этом преуспел, никто, по его мнению, не мог с ним сравниться в умении использовать оружие), а также умению верховой езды. Герберт подробно объясняет, как надо готовить лошадь к войне. Не лишним было бы научиться плавать, хотя он сам так и не научился.

Внимания заслуживают правила поведения с детьми, слугами, работниками и соседями. Наставления по этому вопросу, по мнению Герберта, важнее всех тех знаний, которые можно получить в школе, но так как эта тема очень большая, Герберт намеревался написать отдельный трактат об этом.

Автобиография – тот жанр, который практически не ограничивает автора в выборе художественных средств. У Герберта строгие инструкции для приготовления лекарств чередуются с философскими рассуждениями о бытии, воспоминания о детстве с симптоматикой болезней, которые ему удавалось излечить. Вызывает удивление та детальность, с которой автор описывает события своей жизни. Герберт воспроизводит происшествия тридцатилетней давности с указанием мельчайших подробностей, не уставая повторять, что патологически честен. Он, бесспорно, осознаёт своё интеллектуальное и социальное превосходство, но при этом не допускает откровенного высокомерия, скорее его отношение к окружающим можно определить как великодушную снисходительность.

Он предлагает собственную программу обучения детей. Основой образования должны стать этические знания. Именно моральные законы объединяют людей и составляют базу общественного сознания. Вместе с тем перечень обязательных научных знаний, перечисляемых Гербертом, свидетельствует о новых запросах общества на подготовленных профессионалов. Кроме тех знаний, которые необходимы образованному джентльмену, Герберт рекомендует учить детей танцам, фехтованию, верховой езде, плаванию. В вопросах образования он доказывает преимущества самообразования на своём примере. Вообще все примеры, приводимые Гербертом, являются, по замыслу автора, бесценными образцами для потомков. Все они подчинены общей цели – создать идеальный образ добродетельного человека. Ничто в прошлой жизни не вызывает раскаяния и разочарования у автора. Словно бы он жил, чтобы создать образец для своих потомков. Он оправдывает себя всегда и во всём. Во всех диалогах фразы Герберта отточенные и глубокомысленные. Все его враги и оппоненты унижены или повержены. Такая идеализированная парадная картина по стилистике вполне отвечает требованиям барокко.

Литература

- 1. Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб.: Азбука классика, 2004.
- 2. *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. В 2 т. Т. 2. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- 3. Поляков О. Ю., Луков Вл. А. Метафизическая школа // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 2 (март апрель). [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/2/Poliakov~Lukov_Metaphysical-School/ (дата обращения: 09.10.2019).
- 4. *Herbert E.* The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L.: Saunders and Otley, 1826.

GERBERT CHERBERY: THE WORLDVIEW OF BAROQUE MAN

T. B. Sorokina

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

The article attempts to characterize Herbert Cherbery's worldview. Based on the analysis of Herbert's autobiography, his ideas about education and upbringing, about virtues and vice, about morality and religion are revealed. Herbert's values and his life position provide a better understanding of the culture and mentality of 17th-century English society.

Keywords: Edward Herbert, autobiography, England, 17th century, Baroque century.

Об авторе:

СОРОКИНА Татьяна Борисовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, e-mail: sorok-tat@yandex.ru.

About author:

SOROKINA Tatiana Borisovna

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Candidate of Historical Sciences, e-mail: sorok-tat@yandex.ru.

УДК 94 (100-87) (09)

ИДЕЙНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА

В. Н. Ерохин

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

В статье рассматривается религиозно-политическая ситуация в Англии в предреволюционные десятилетия XVII века. Автор характеризует богословские взгляды основных группировок, которые существовали в Англии в эти годы. В статье показана специфика кальвинизма в Англии и его эволюция в английских условиях.

Ключевые слова: Церковь Англии, протестантизм, кальвинизм, пуританизм, церковные группировки.

В первые десятилетия XVII века с вступлением на престол династии Стюартов религиозно-политическая ситуация в Англии приобрела новые характеристики. От пуританизма времен правления Елизаветы Тюдор (1558–1603) в Церкви Англии сохранилось ярко выраженное стремление усилить в церковной жизни влияние проповеди, несмотря на то, что значительная часть приходского духовенства все еще была недостаточно квалифицированной и образованной для того, чтобы самостоятельно составлять текст проповедей. В регионах, где пуританам удалось усилить свое влияние и наладить взаимодействие с симпатизировавшим им светскими лицами, сохранялась практика проведения специальных собраний с упражнениями в выступлении с публичной проповедью и толкованием текста Библии (exercises), которые предназначались для присутствовавших на таких собраниях светских лиц. Первоначально такие собрания, возникшие в 1570-е годы, назывались их организаторами «пророчествами» (prophesyings), но в таком виде эта форма церковной жизни была запрещена королевой Елизаветой в декабре 1576 года из опасений, что такие собрания волнуют прихожан и даже, как опасалась королева, чреваты неповиновением властям. В начале XVII века стали организовываться также финансировавшиеся на взносы лекторства (endowed lectureships), не зависевшие от приходской церковной системы, и дававшие возможность желающим послушать проповедника с такими религиозными взглядами пуританского толка, которые осуждались церковной администрацией. Существование лекторств выглядело как реализация одной из протестантских реформационных идей, согласно которой священники для своего служения должны быть призваны какой-то конкретной общиной, а не просто возводиться в сан, без гарантии того, что они куда-либо определятся для служения [11, р. 34–35].

Одним из центральных вопросов в английском богословии с начала Реформации стал вопрос о божественном предопределении. Споры о предопределении происходили с начала Реформации в Англии. Первые авторитетные английские реформаторы Джон Хупер (1495–1555) и Хью Латимер (1485–1555), сожженные при Марии Тюдор (1553–1558), ясно придерживались мнения, согласно которому Христос умер за всех людей. Такую же позицию занимал ранний влиятельный богослов Церкви Англии Джон Джуэл (1522–1571). Согласно их взглядам, спасающая человека вера доступна всем, кто открыл для нее свое сердце, а грешники, которые будут осуждены и погибнут, сами исключили себя из числа способных обрести спасение своими злонамеренными грехами.

Активно пропагандировать доктрину двойного предопределения одних к спасению, а других к гибели в самой жесткой форме начал преемник Жана Кальвина в Женеве Теодор Беза (1519–1605). Эта настойчивая пропагандистская деятельность Безы стала основой характеристики его взглядов как «высокого кальвинизма», называемого еще супралапсаризмом (взгляд, согласно которому Бог еще до творения

мира предопределил одних людей к спасению, а других к гибели). Авторитет и престиж Женевы сказался в том, что среди более образованных английских духовных лиц появились убежденные сторонники этого взгляда в понимании спасения. Для этой части английских протестантов «высокий кальвинизм» стал одним из способов обозначить свое осуждение католицизма с характерными для него идеями свободной воли и добрых дел в достижении спасения [11, р. 35].

При этом среди английских духовных лиц в 1580–1590-е годы случались публичные выступления против кальвинистской идеи двойного предопределения. Первым таким резонансным случаем была проповедь Сэмюэла Харснета у собора Св. Павла в 1584 году, после чего архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1583–1604) запретил ему выступать с проповедями на эту тему. Более продуманная и подготовленная атака на доктрину двойного предопределения была организована в 1595 году гугенотским беженцем в Англии Питером Баро (1534–1599), известным богословом, которому дали возможность занять старейшую именную профессуру в Кембриджском университете (Lady Margaret Professor of Divinity, основанную леди Маргаритой Бофор, матерью английского Генриха VII Тюдора (1485-1509). Единомышленником французского гугенота выступил молодой член совета Киз Колледжа (Caius College) Кембриджского университета Уильям Баррет. В ответ на эти нападки по инициативе архиепископа Кентерберийского Джона Уитгифта появились написанные на латыни Девять Ламбетских статей 1595 года, которые защищали концепцию двойного предопределения и зафиксировали большое влияние кальвинизма в Церкви Англии. Эти Ламбетские статьи пуритане хотели присоединить к символу веры Церкви Англии 39 статьям, чтобы они публиковались также и вместе с молитвенником. Но правившая королева Елизавета упрекала архиепископа Уитгифта за то, что он вообще дал возможность развернуться этой дискуссии, опасаясь лишнего повода для церковных споров. Королева как глава Церкви Англии не одобрила Девять Ламбетских статей, так что они остались неофициальными [2, р. 205; 6, р. 209-26; 10, р. 101-111).

времени, когда в 1620-е годы началось заметное Вплоть ДО возвышение церкви группировки будущего архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода, большинство образованных английских протестантов были кальвинистами в богословских взглядах, сторонниками управления, ненавидели епископальной системы папство сторонниками того, что в церкви большое место должна занимать проповедь.

Современники событий и в последующем историки неточно назвали «арминианством» стремление группировки Лода подчеркнуть значение таинств, церемоний, видимой церкви, апостольской преемственности епископов, поддержку ими теории о божественном происхождении права королей на власть, которые внешне напоминали признаки движения церкви Англии обратно к католицизму. Карл I Стюарт (1625–1649) правил

неблагоприятный ДЛЯ европейского протестантизма Тридцатилетней войны, и на этом фоне некоторые тенденции в церковной политике его правления – введение новых церемоний, усиление значения церкви как общественного института, утверждение власти епископов и самостоятельности духовенства, известные факты католицизм, довольно терпимое отношение к католикам-рекузантам (демонстративно отказывавшимся посещать службы в церкви Англии), создавали впечатление, что король и епископы задумали то ли вернуть страну в католицизм, то ли учредить какое-то свое английское подобие папизма.

Э. Милтон относит к важнейшим религиозным группам в церкви Англии в начале XVII века авангардистских конформистов (так он предлагает называть лодианцев), кальвинистов-конформистов, умеренных и радикальных пуритан [7, р. 7, 26]. Многие английские кальвинисты от супралапсаризма Безы, который называют кальвинизмом». В Англии радикальные сторонники крайнего кальвинизма потеряли свои позиции с разгромом пресвитерианского и сепаратистского движения в конце 1580-х – начале 1590-х годов. Как считает Э. Милтон, пик английского высокого кальвинизма был достигнут в 1590-е годы, а английском кальвинизме начался ОТХОД волюнтаристского акцента в толковании спасения, представленный наиболее ярко У. Перкинсом (1558–1602) с подчеркиванием значения добрых дел в теологии ковенанта. человеческих усилий, волюнтаристские акценты во взглядах, тем не менее, обычно сочетались с прочной приверженностью кальвинистскому пониманию предопределения и ортодоксально кальвинистским пяти пунктам Дордрехтского (Дортского) синода 1618–1619 гг. (их основное содержание удачно передал английский акростих в виде слова тюльпан (tulip): total depravity (полная греховность), election (безусловное избрание), limited unconditional (ограниченное искупление), irresistible grace (непреодолимая благодать), perseverance of saints (стойкость святых). От супралапсаризма Безы в первые десятилетия XVII века отошел целый ряд умеренных английских кальвинистов из числа сторонников епископальной системы управления церковью. На Дортском синоде, как показали историки, делегатыангличане в соответствии с королевскими инструкциями и своими убеждениями стремились к тому, чтобы ремонстранты были осуждены. Но британские делегаты на заседаниях синода хотели также осудить крайние кальвинистские положения, дававшие ПОВОД К антиномизму что избранные к спасению могут совершать даже утверждениям, преступления, но при этом не будут осуждены Богом, поскольку предопределены к спасению. Кальвинистское учение о предопределении подрывало и таинства, их значение и спасающую силу. Хотя британские делегаты не согласились на то, чтобы назвать каноны, принятые Дортским синодом, доктриной реформатских церквей, они считали, что каноны не противоречат учению, которого придерживалась церковь Англии, и поставили свои подписи под канонами [7, р. 394–395, 412–415, 418]. Лод исходил из того, что церковь Англии должна быть самостоятельной по отношению к континентальным реформированным церквам и к кальвинизму. Среди англиканских богословов нарастало стремление к утверждению собственной идентичности без отождествления себя с какимто другим направлением в Реформации, что наиболее ярко отразила группировка Лода.

Поначалу лодианцев идентифицировали как группировку, организационным центром которой был епископ Даремский Ричард Нил (the Durham House Group) [4, р. 41–46]. Они регулярно собирались в резиденции епископа Даремского в Лондоне. В эту группировку входили двое будущих епископов (Мэттью Рен и Джон Козин), получивших должности в 1630-е годы и ставших крайне непопулярными из-за жесткого отношения к духовным лицам с пуританскими наклонностями [11, р. 39].

Характерной чертой пуритан в предреволюционные десятилетия оставалась глубокая погруженность в размышления на моральные темы. Их отличала склонность к постоянному тревожному волновали вопросы определения избранных к спасению и осужденных к выделение проповеди как главного смыслового богослужения и стремление к регулярному чтению Писания. Священники с пуританскими наклонностями стремились поддерживать контакты друг с другом и наставлять друг друга в умениях выступать с проповедями. Озабоченность моральными вопросами отличала в это время не только пуритан, но для основной массы духовных лиц в Церкви Англии была все приверженность к совершению характерна большая установленном порядке с вниманием к таинствам как средству восприятия и спасения, ИХ в целом отличала более религиозность, чем пуритан, и не тревожила приверженность многих прихожан к традиционным формам проведения досуга, играм и народным праздникам [11, р. 41–42].

Исследователи отмечают, что влияние традиционной религиозности и нереформированной приверженности культуре сохранение было характерно для регионов, в которых доминировали в земледелии система открытых полей и тесно связанные в своей экономической деятельности манором крестьянские хозяйства. Пуританизм же распространялся и приживался среди сельскохозяйственных районов в местностях, где преобладало пастбищное хозяйство, в лесистых районах, где связи в среде населения были менее тесными, И формировался более индивидуалистичный экономической стиль жизни И деятельности. Восприимчивы были к пуританизму также те ремесленники, характер труда которых был сидячим, и у которых разговор, личностное общение могли сопровождать процесс труда (особенно у ткачей). Но в целом приверженцы пуританизма, как установлено, встречались среди лиц самых разных социальных статусов. Бывало, что представители джентри или формировавшегося среднего слоя предпринимателей в городах также воспринимали как привлекательную проповедовавшуюся пуританскими священниками строгую мораль и дисциплину, считая их удобным средством приведения к послушанию представителей социальных низов [11, p. 43].

В годы правления Якова I (1603–1625) пуритане вполне могли найти себе место внутри Церкви Англии, поскольку церковная администрация их активно не преследовала. Лишь после вступления на престол Карла I стала усиливавшаяся наращивать давление на пуритан церковной администрации лодианская группировка, действовавшая при поддержке Между пуританами и лодианцами были, исследователи, доктринальные разногласия [9]. Но различия между ними далеко не сводились только лишь к вопросам доктрины, и особенно это стало проявляться в политике, которую проводил в религиозной сфере Карл І. Пуританская религиозность и формы церковной жизни, в которой у пуритан доминировала проповедь, воспринимались лодианцами как искажающие исторические формы церковной жизни. Лодианцы не хотели сближения Церкви Англии с реформатскими кальвинистскими церквами на европейском континенте. В церковной жизни лодианцы подчеркивали значение священства, таинств, особенно причастия, как основных средств передачи благодати прихожанам. Пуританский стиль церковной жизни представлялся ИМ слишком светским, лодианцы стремились лиц, восстановить авторитет и независимость особенно духовных епископата, подчеркивали значение епископата как общественного установления, а также святость освященного церковного здания, которое пуритане фактически норовили превратить в молельный дом. В течение реформационных десятилетий после 1534 года многие церковные здания не получали в должной мере средств для ремонта, для пополнения церковной утвари, и требования лодианцев уделять больше внимания церковным зданиям были очень кстати. Но стали вызывать большое требования недовольство пуритан лодианцев повысить совершения таинств в церковной службе, почтительно относиться к церковным ритуалам и совершать их в соответствии с молитвенником, не службу ДЛЯ произнесения проповеди и сокращать не установленный порядок службы собственными импровизированными соблюдать требования предписанных молитвами, В ношении священнических облачений во время службы. Лодианцы были против учения о двойном предопределении и придерживались мнения, что Христос все же умер за всех людей. Эти идеи в основном своем содержании стали впервые реализовываться в практике церковной жизни Ланселотом Эндрюсом (1555–1626), который в правление Якова I Стюарта настоятелем королевской часовни, И повлиял формирование представлений о том, какой должна быть церковная служба, у наследника престола, будущего короля Карла І. В королевской часовне Ланселот Эндрюс стал также практиковать установку перил вокруг стола для причастия и помещение этого стола в восточной части церковного здания, в алтарном пространстве на возвышении. Алтарь с распятием в результате Реформации в Англии был убран из пространства церкви, поскольку считался специфически католическим элементом церковного убранства. Теперь же в церковную жизнь вводились ритуалы, которые для протестантов были явной реминисценцией католической богослужебной практики. Вдобавок к этому, в королевской часовне побуждали кланяться при упоминании имени Иисуса во время службы. После вступления на престол Карл I через лодианскую группировку попытался насаждать все эти особенности в организации церковной службы, введенные в королевской часовне Ланселотом Эндрюсом, по всей стране, и в 1633 году после смерти архиепископа Кентерберийского Джорджа Эббота, который не досаждал пуританам, продвинул на освободившуюся должность Уильяма Лода. Кадровая политика в церкви в целом стала строиться, исходя из стремления к административному продвижению лиц из лодианской группировки [11, р. 76–77].

Представители лодианской группировки по своим взглядам были убежденными протестантами. Но в отличие от предыдущих поколений английских протестантов лодианцы перестали подчеркивать связь Церкви Англии с европейскими реформированными церквами и настаивали теперь на том, что именно Церковь Англии становится в данный момент самым чистым воплощением подлинно апостольской католической всеохватной представляет собой средний путь (via media) испорченностью католического Рима и реформаторскими крайностями кальвинистской Женевы. Для лодианцев важнее был не авторитет взглядов Кальвина, а идеи отцов церкви и практики раннехристианской церкви, и это преподносилось как главный ориентир для организации церковной жизни. В отличие от позиции большинства английских протестантов времени правления Елизаветы и Якова I, которые отождествляли римского папу с антихристом, лодианцы стали рассматривать Рим как истинную в основе своей церковь, которая просто с течением времени была испорчена ошибочных доктрин, предрассудков фальшивых выдвижением И политических притязаний. Для большинства же английских протестантов взгляды лодианцев были предосудительны тем, что они не осуждали, как было ранее типично для реформированной Церкви Англии, абсолютно непримиримо ложь и зло папства, отказывались от рассмотрения Рима как воплощения антихриста, и вдобавок к этому, пытались вводить в церковную жизнь ритуальные практики, которые сами напоминали папистские предрассудки. Особенно тревожно воспринималось помещение лодианцами стола для причастия в церкви в положение и на место алтаря на возвышении в алтарном пространстве и ограждение стола перилами, а также настойчивое подчеркивание необходимости принимать причастие коленопреклоненно. Пуританам такая практика напоминала католическую обрядность и мессу. В отношении лодианцев возникли опасения, что они вместе с придворными католиками, которым благоприятствовала жена Карла I, католичка Генриетта Мария, и тайными католиками задумали найти способ вернуть национальную церковь под власть Рима. Обвинения и подозрения были взаимными: лодианцы, в свою очередь, обвиняли в принадлежности к пуританам тех, кто признавал доктрину двойного предопределения, хотя такие взгляды были вполне совместимы с верностью Церкви Англии и были в ней широко распространены. Карл I поддерживал лодианцев, в первую очередь, по той причине, что считал их необходимыми для борьбы с пуританами, которые, как представлялось королю, подрывают его власть и авторитет. Король исходил из необходимости параллельного поддержания дисциплины и иерархии и в церкви, и в государстве, был убежден в божественном праве королей на власть, и склонность лодианцев к церемониализму, ритуализму в церковной жизни рассматривал как подходящую также и для укрепления королевской власти [3, р. 10, 11, 17].

Лодианская группировка, укрепив свое влияние в 1630-е годы, пользовалась также тем, что имела возможности для контроля над печатью и издательской деятельностью. Публикация богословских сочинений проходила через цензуру, которую осуществляли епископ Лондонский и университеты, и возможность для печатного выражения своих взглядов для сторонников кальвинистской идеи двойного предопределения стала испытывал ограниченной. Карл I также глубокое недоверие бесконтрольным проповедям в церкви, особенно же к лекторствам, которые учреждались светскими лицами. По этой причине были изданы «Инструкции» 1629 королевские года, согласно которым было санкционировано существование лекторств, только таких где проповедовали священники, официально поставленные для служения в приход, находившийся в том же городе, где учреждалось лекторство, или в его окрестностях. Лекторам перед проповедью предписывалось совершить богослужение по установленной форме в предписываемых облачениях, надев стихарь с капюшоном. Пуританские священники широко прибегали к практике выступления в воскресный день с проповедью также и во второй половине дня, а «Инструкции» 1629 года требовали проведения во второй половине дня наставления в вере, катехизации прихожан в строгом соответствии с предписаниями молитвенника. «Инструкции» требовали также прекращения практики, широко распространенной в среде джентри. когда в семьи брали на службу в качестве домашних священников, учителей для детей лиц, которые не были допущены к священническому служению, и было резко ограничено количество лиц, которым разрешали нанимать домашних священников-капелланов. Была ликвидирована также организация, созданная в 1625 году двенадцатью лондонцами (Feoffees for финансовый Impropriations), которая создала фонд ДЛЯ благотворительных пожертвований, шедших на выкуп в приходах десятин и прав представления священников в приход (advowson), ранее попавших в годы Реформации в распоряжение светских лиц. Собранные средства удавалось направить на то, чтобы выкупленные десятины передавались духовным лицам, которые были способными проповедниками, а права представления священника в приход переходили к тем, кто мог найти такого грамотного и способного священника. Из фонда выделялись также средства на основание лекторств, прибавки к жалованью грамотным священникам, вынужденным служить в приходах с низкими доходами. Этот финансовый фонд создали умеренные по своим взглядам пуритане, и лодианцы считали такие действия заговором с целью сделать неэффективным церковный контроль за непослушными пуританскими духовными лицами. В результате в 1632 году организация была ликвидирована, а имевшиеся у нее на данное время финансовые средства были конфискованы короной [11, р. 79].

По решению Карла I в 1633 году была повторно выпущена обнародованная первоначально в правление Якова I «Книга развлечений» (Book of Sports), и от каждого приходского священника потребовали зачитать книгу своим прихожанам. Таким способом король Карл I решил пуританами, мешая пуританскому стремлению соблюдать воскресный день, посвящая его посещению церковной службы, слушанию проповедей. Карл I считал, что строгое соблюдение воскресного дня характерно только для пуритан, а в действительности эта практика уже успела довольно глубоко укорениться в стране не только в приходах, где служили пуританские священники. В следующем 1634 году по инициативе короля в стране началось проведение кампании по установке столов для причастия в восточной части церковного здания с перилами вокруг этих прихожанам предписывалось принимать там преклонив колени. Насаждение этого новшества наиболее активно происходило в графствах Восточной Англии, которые рассматривались как наиболее пуританские по характеру религиозности и в наибольшей степени отличались парламентскими политическими симпатиями. Эта кампания, вызвавшая много возмущения, как отмечают исследователи, внесла вклад в отчуждение между королем и его подданными: именно в графствах Восточной Англии после обострения отношений между королем и парламентом в революционные годы появилось больше всего сторонников парламента, в то время как в тех графствах, где не успели провести такую кампанию, роялистам была оказана гораздо большая поддержка [11, р. 79–80].

Как отмечают исследователи, даже черты личности и характер архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода внесли определенный вклад в то, что проводимая церковными властями политика создавала в 1630-е годы все большее напряжение в стране. Лод был крайне прямолинеен в своих действиях, в своем желании очистить церковь от того, что виделось ему недостатками, и упорно стремился к достижению своей цели. Как и пуритане, Лод тоже хотел вернуть церкви права на взимание десятины и другое имущество, попавшее в руки светских лиц, чтобы поддержать способных, образованных, преданных служению приходских священников, но при этом не допускал, чтобы церковными делами активно занимались светские лица ИЛИ священники-

нонконформисты. В своих публичных действиях Лод выглядит глубоко авторитарной личностью, с грубым и вспыльчивым нравом, в такой степени, что он, бывало, даже впадал в состояние ярости и на заседаниях Тайного совета, когда речь шла о церковных делах, или о вмешательстве светских лиц в дела церкви. При этом Лод был одинокой фигурой при дворе не только из-за грубости и полного отсутствия придворной учтивости, но также по причине низкого социального происхождения (его отец был портным). Административное возвышение Лода привело к тому, что он приобрел склонность к пышным проявлениям своего статуса, стал, в частности, ездить с большой свитой, что тоже многих раздражало. Лод сыграл большую роль в том, что один из судов королевской прерогативы, Звездная палата, стал крайне непопулярным из-за своих действий. Именно через суд Звездной палаты шло вызвавшее большой резонанс и недовольство действиями властей дело Уильяма Принна, Джона Баствика и Генри Бертона в 1637 году, когда за печатные нападки на епископальный строй управления церковью они были приговорены к отрезанию ушей, клеймению, выставлению к позорному столбу и штрафу в 5 000 фунтов каждый, и после этого к пожизненному заключению [11, р. 80–81].

Вместе с тем, не все инициативы Лода, касавшиеся церковных дел, были непопулярными и вредили церковной жизни, но во многом Лод испортил отношения как раз с влиятельными людьми в обществе. При Лоде церковные власти стали оказывать давление на светских лиц, которым принадлежало право допуска священника в приход с тем, чтобы они несли долю расходов по ремонту церковных зданий, и это находило поддержку у прихожан, но часто не вдохновляло патронов приходов. Церковные власти стали также требовать убрать из внутреннего пространства церковных зданий специально огороженные сидения для присутствия на службе, которые устанавливались для себя влиятельными состоятельными прихожанами, так что многим прихожанам было должным образом не видно, как служит священник. Пуританам не нравилось стремление лодианцев ограничить роль проповеди в службе, а малограмотных простых И неграмотных большинство прихожан практически не интересовалось теми глубинами значений и оттенками которые вкладывали в свои проповеди священники пуританскими наклонностями. Лод требовал следить за тем, чтобы богатые прихожане не уклонялись от уплаты десятины со своих относительно больших доходов с тем, чтобы хотя бы в этом отношении уплата десятины максимально справедливо охватывала всех. Он прилагал также большие усилия к тому, чтобы найти возможность вернуть церкви как можно больший объем имущества, оказавшийся в руках светских лиц, и повысить доходы духовенства, но достижения в этих делах были очень скромными, усиливали антицерковные настроения и находили очень мало поддержки у короля. Когда после гражданской войны по решению Долгого парламента был отменен молитвенник и официальный вариант церковной службы, это не находило понимания и отклика в народе. Даже перила вокруг стола для

причастия, породившие столько возражений и споров накануне революции, были без давления восстановлены во многих приходах в канун реставрации Стюартов, но еще до того, как об этом последовали официальные распоряжения.

Лодианская группировка, несмотря на недовольство и сопротивление, смогла многого добиться в регулировании церковной жизни и утверждении конформизма. Удалось ограничить влияние бесконтрольных проповедей и проповедников, и в целом светские лица были поставлены церковной администрацией под контроль в попытках влиять на церковную жизнь, светские инициативы не поощрялись, гораздо настойчивее подчеркивался авторитет духовных лиц, в том числе влияние церковных судов. Если бы лодианцам удалось продержаться дольше, результаты могли быть еще более значительными. Часть пуритан охватило отчаяние: в 1629—1640 годах в Америку выехали около 60 тыс. англичан с семьями, во многом по религиозным причинам. Но король Карл I опрометчиво решил ввести молитвенник Церкви Англии в Шотландии, и события покатились в революционном направлении [11, р. 81–83].

Современные историки, как пишет М. Тодд, могут и не видеть в 1630е годы существования сплоченной арминианской группировки, но её видели кальвинисты в Кембриджском университете, обращая внимание, что в университете участились случаи антикальвинистских выступлений. Она также выявила, что кальвинисты-антиарминиане составляли в Кембридже чуть менее половины глав колледжей, что не давало им возможности решительно осудить выступления антикальвинистов. Вместе с тем, по её мнению, в Кембридже существовала и арминианская группа. Следовательно, как считает М. Тодд, в 1630-е годы в церкви Англии всё же можно выявить существование противостоявших друг другу групп, ЛИ ИΧ кальвинистами И арминианами, пуританами называть «церемониалистами», контра-ремонстрантами и ремонстрантами, и эта точнее отражает положение характеристика ЯВНО церкви, существовании кальвинистского «богословского рассуждения консенсуса», «практической терпимости», о которых писали Н. Тайэк и П. Лейк [9; 5, р. 32–76; 1]. Неудивительно, что Долгий парламент в качестве одной из первых мер принял решение о создании комиссии по расследованию религиозных злоупотреблений в университетах. Поэтому причины гражданской М. Тодд ясны войны ДЛЯ противостоявшие в церкви в 1630-е годы группировки стали в 1640-е годы пуританами и роялистами [8, р. 563–579].

Литература

1. *Ерохин В. Н.* Современная британская историография об идейных течениях в церкви Англии в первые десятилетия XVII века // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. Вып. 3. Йошкар-Ола: Марийский гос. унт., 2010. С. 80–92.

- 2. *Cross C*. The Royal Supremacy in the Elizabethan Church. London: Allen & Unwin; New York: Barnes & Noble, 1969.
- 3. *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- 4. Foster A. The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562–1640 // O'Day R. Heal F. (Eds.). Continuity and Change. Leicester: Leicester University Press, 1976. P. 33–54.
- 5. *Lake P*. Calvinism and the English Church 1570–1635 // Past & Present. 1987. № 114. P. 32–76.
- 6. *Lake P.* Moderate Puritans and the Elizabethan Church. New York: Cambridge University Press, 1982.
- 7. *Milton A*. Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- 8. *Todd M*. «All One with Tom Thumb»: Arminianism, Popery and the Story of the Reformation in Early Stuart Cambridge // Church History. 1995. Vol. 64. № 4. P. 563–579.
- 9. *Tyacke N.* Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590–1640. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- 10. White P. Predestination, Policy and Polemic. Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- 11. *Woolrich A*. Britain in Revolution, 1625–1660. Oxford, New York: Oxford University Press, 2002.

IDEOLOGICAL TRENDS IN THE CHURCH OF ENGLAND DURING FIRST DECADES OF THE XVII CENTURY

V. N. Yerokhin

North-Eastern State University, Magadan

The paper deals with religious and political situation in England in prerevolutionary decades of 17th century. The author delineates theological positions of main groups which existed in England. The article shows specific traits and evolution of Calvinism in England.

Keywords: Church of England, Protestantism, Calvinism, Puritanism, church groups.

Об авторе:

ЕРОХИН Владимир Николаевич

Северо-Восточный государственный университет, кафедра социальных и гуманитарных наук, доктор исторических наук, e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru.

About the author:

YEROKHIN Vladimir Nikolaevich

North-Eastern State University, Department of Social Sciences and Humanities, Doctor of Historical Sciences, e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru.

УДК 94(361)03

СВОБОДЫ И КОНСТИТУЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БРИТАНИИ XVIII в.

М. П. Айзенштат

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Предметом рассмотрения статьи являются представления англичан XVIII в. о свободах и правах жителей королевства, о конституции, которые получили выражение в политическом дискурсе и отразили видение истории страны. Конституция Британии представляла собой комплекс хартий и законов, принятых в разное время. Апелляция к ним в ходе парламентской полемики сопровождалась интерпретацией прошлого и рождением новых исторических мифов, которые вытесняли идею о древней конституции.

Ключевые слова: Британия XVIII в., конституция, права и свободы, миф о древней конституции.

Конституция как разработанный и утвержденный основной закон государства отсутствовала в Британии XVIII века. Впрочем, в мировой истории конституционное строительство началось лишь в последней трети этого столетия. Однако в Британии роль такого закона осуществлял комплекс хартий и статутов, принятых в Средние века, а также актов конституционного характера XVII – начала XVIII в. Все они явились результатом разрешения конкретных социально-политических кризисов. Среди них: Великая хартия вольностей, Хабеас корпус акт, Билль о правах, акт о свободе вероисповедания, отмена цензуры и другие. Этот юридический казус создавал богатую почву для толкования правового прошлого страны. Так, со времен раннего Средневековья в политических кругах бытовало мнение о существовании древней конституции. Таковой одни считали законы короля Альфреда, другие – свод законов Эдуарда Исповедника [1, 3, 4]. В условиях действия прецедентного права и силы традиций в политической и повседневной жизни упоминание любого из указанных и других законов неизбежно было связано с обращением к истории страны. Таким образом, представление о свободах и конституции непосредственно вытекало из интерпретации событий прошлых лет, а их толкование – зависело от эрудиции, философских и политических взглядов отдельного человека, либо социальной группы. Это ярко проявилось уже в годы Английской революции, когда обострился вопрос о пределах власти монарха и Парламента. Тогда обе стороны апеллировали к прошлому, доказывая правоту собственной позиции.

Несмотря на формальное отсутствие конституции в современном смысле этого слова, тема конституции занимала одно из важных мест в политических представлениях, дискуссиях и работах историков XVIII в.

Актуализация истории Англии, в целом, и проблемы конституции, в частности, обусловлена свершением Славной революции, а также противостоянием тори и вигов на протяжении первых десятилетий XVIII в. Как в годы Английской революции, прошлое страны предоставляло обеим сторонам аргументы для обоснования собственной позиции. Если виги, исходя из политических принципов, полностью одобряли Славную революцию, Билль о правах и смену монархов на троне, то тори занимали противоположную позицию. Большинство из них придерживалось мнения об укоренившейся с древних времен традиции наследственной монархии в Англии и оставалось сторонниками свергнутой династии Стюартов. А с приходом Ганноверской династии, когда тори на десятилетия были отстранены от власти, усилился мотив угрозы конституции в их выступлениях. Они доказывали, что люди не вольны избирать ни форму правления, ни самого правителя, а являются подданными той абсолютной власти, которую правителям дал Бог. Такая позиция опровергала правомочность Парламента, собравшегося в 1689 г., и его решения [5, 6, 12, 13].

Идеологом тори с середины двадцатых до середины тридцатых годов был Генри Сент-Джон, лорд Болингброк. В «Письмах о пользе и изучении истории» Болингброк неоднократно останавливался на интересующих нас вопросах. Он подчеркивал неопределенность смысла слова «конституция», как и слова «свобода». Под конституцией он понимал устройство любого европейского королевства.

Болингброк был убежден в том, что Славная революция вернула усовершенствованную и обновленную англосаксонскую систему правления. Несмотря на неопределенность терминов, Болингброк использовал их, связывая конституцию со свободой. А «дух свободы», по его утверждению, был воспринят от саксонских предков и «неведомых времен народного правления». [2, с. 168, 169, 183]. Устройство и свободы взаимосвязаны, но не соединены. Угрозу же тому и другому он видел в злоупотреблениях вигов, которые расцвели в годы пребывания у власти его политического противника – Р. Уолпола.

В многотомной истории Англии Дэвид Юм показал иллюзорность утверждений о «древней свободной конституции» донормандской Англии, и призывал ценить конституцию существующую. Историческое сочинение стало иллюстрацией одного из основополагающих положений его политической философии, а именно, утверждения об эволюционном развитии государственных форм [7, р. 38, 237, 284–285, 298]. Тем не менее, при всех расхождениях Юм, как и Болингброк, подчеркивал размытость представ-

лений о конституции. Оба подразумевали под ней устройство, которое включало Великую хартию вольностей, Хабеас корпус акт и Билль о правах, но не учитывало изменений в правоприменительной практике.

Любопытным представляется факт, что в юридических энциклопедиях середины столетия отсутствовало толкование самого слова конституция.

Между тем, в парламентской полемике, и прежде всего, в речах вигов 1770—1790-х годов понятие «конституция» получило более сложное наполнение, что стало следствием изменения политической обстановки в стране, развития политической и правовой мысли и практики. Восшествие в 1760 г. на престол Георга III повлекло отстранение от власти старых кланов вигов. Оказавшись в оппозиции, виги в ходе дебатов в обеих палатах выступили в роли защитников конституции. А опасения оппозиционеров вызывало убежденность в том, что политика Георга III направлена на усиление королевской власти и отказ от положений Билля о правах. Нападая на администрацию, виги обвиняли её в нарушении конституции. Подобная риторика возрастала во время политических кризисов последней трети века. Надо отметить, что одновременно в их высказываниях выражалось неприятие идей радикалов.

Толкование вигами конституции расширялось в зависимости от обсуждавшихся проблем. Так, Дж. Савиль уподобил конституцию дереву, корни которого проросли в сердца англичан. Поэтому, утверждал он, её нельзя менять, не разбив их сердца [9, р. 1429–1430]. Хорас Уолпол сравнивал конституцию с пирамидой, устойчивость которой придают свободы, составлявшие её фундамент [8, р. 441–450]. Шеридан, говоря о революции 1688 г., заявлял, что рассматривал её как славную эру, которая принесла реальную свободу [9, р. 367–370]. Лорд Стенхоуп заявлял, что свобода прессы с полным правом может рассматриваться как главный оплот конституции, на которой основаны права, привилегии и преимущества народа. Он подчеркивал, что все важные положения английской конституции основаны на свободе прессы. В данном вопросе оратор игнорировал тот факт, что цензура была отменена в начале 1690-х годов, но сохранялись существенные ограничения на прессу. Среди главных принципов конституции Стенхоуп также отметил гражданские свободы и права подданных вооружаться для обеспечения собственной свободы и безопасности, обладать представительством (нельзя ими управлять без их согласия) и отвечать перед судом присяжных [10, р. 1043–1045]. Стенхоуп неоднократно говорил о превосходных положениях английской конституции, которые скопировали французы. Это превосходство, по его словам, составляли Билль о правах, Хабеас Корпус Акт, суд присяжных и свобода прессы [10, р. 902].

В ином ключе к вопросу о конституции обратился Р. Шеридан. Он утверждал, что дух английской конституции и её слава состоят в заложенном в ней принципе проведения любого рода реформ. «Что такое история нашей конституции, как не обширная серия реформ» — восклицал оратор во время дебатов в нижней палате. Реформами, утверждал он, народ укреплял конституцию и разрушал притеснения и тиранию. Шеридан возражал про-

тив сравнения конституции со зданием, к которому нельзя прикасаться без угрозы его разрушения [10, р. 1188, 1192].

Итак, британские законы конституционного характера являлись продуктом конкретного времени и политических обстоятельств, что предопределило «размытость» их положений и возможность различного толкования в будущем. Значительная роль, которая отводилась законам короля Альфреда или Эдуарда Исповедника, проистекала из представлений о конституции как об устройстве королевства. Это убеждение, наряду с другими факторами, позволяло видеть в законах древнюю конституцию. Миф о ней стал отправной точкой для выработки радикальной программы, содержавшей положения по переустройству системы представительства в Парламенте и расширения прав народа. Однако со второй половины века, а, главным образом, в последние его десятилетия, представление о древней конституции постепенно вытеснялось иными концептами под влиянием американской конституции и конституционализма во Франции. Тогда в политическом дискурсе Британии отмечалось расширительное толкование актов конституционного характера. Вместе с тем, взгляд на свободы не отличался существенными подвижками. Их действие распространялось лишь на часть населения, так как политическая элита, аристократия и сквайры под народом Англии подразумевали только собственников земли, остальных они относили к категории населения, низов и др. Эти свободы, утверждали виги, были отвоеваны их предками в борьбе против попыток усиления королевской власти [1, с. 119–120].

А угроза конституции из аргумента политической борьбы с оппонентами приобрела для властей реальные очертания, когда под влиянием Французской революции в Британии получили распространение радикальные идеи и создавались различные общества. В условиях надвигавшейся войны с революционной Францией перед британским кабинетом встали задачи подготовки к войне и подавления деятельности обществ. Решить их была призвана чрезвычайная сессия Парламента. В речах ораторов, особенно представителей столицы, звучали опасения в связи с возникшей угрозе конституции, которую создавали объединения, вспыхивавшие мятежи и радикальная печать [11, р. 5–11, 36–39].

Однако в этом вопросе немногочисленная группа оппозиционных вигов отстаивала противоположное мнение. Угроза конституции, полагали они, проистекала от предложенной приостановки действия Хабеас корпус акта и других законов. Намерения правительства, по мнению Ч. Фокса, спровоцировали кризис, которого ещё не было в истории страны. Наступление на свободу слова и неприкосновенность личности Фокс расценивал как предоставление королю и его министрам власти над мыслями подданных, что и создавало угрозу существования конституции в Англии [11, р. 19–20, 41, 42].

Таким образом, идея о конституции как о своде законов того или иного короля постепенно вытеснялась представлением вигов о совокупности законов, принятых в различное время благодаря мудрости предков, которые неизменно отстаивали в королевстве законность и свободы народа. Так миф о конституционализме королей сменился мифом о благородных и свободолюбивых предках, отважные и мудрые действия которых заложили основы современного порядка. Эта концепция с более либеральными или консервативными вариантами вполне устраивала политическую элиту. Но для низов более привлекательной оставалась концепция древней конституции и лозунг о возвращении народу отнятых у него прав и свобод. Среди них центральное место заняло право самим избирать своих представителей в Парламент, что и была призвана решить его радикальная реформа.

Литература

- 1. Айзенитам М. П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2019.
 - 2. Болингброк Г. Письма о пользе и изучении истории. М.: Наука, 1978.
- 3. *Семенов С. Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2008.
- 4. *Greenberg J.* The radical face of the ancient constitution. St.Edward's «Laws» in Early Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge university press, 2001.
- 5. An Historical Dissertation concerning the Antiquty of English Constitution. L., 1768.
- 6. The History of England containing the introduction. Part 1 by John Wilkes. L., 1768.
- 7. *Hume D*. The History of England from the invasion of Julius Ceasar to Revolution in 1688. V. 1–10. L., 1803.
 - 8. The Parliamentary history of England. L., 1813. V. 15.
 - 9. The Parliamentary history of England. L., 1815. V. 22.
 - 10. The Parliamentary history of England. L., 1815. V. 28.
 - 11. The Parliamentary history of England. L., 1815. V. 30.
- 12. Three political Letters to a Noble Lord, concerning Liberty and Constitution. L., 1721.
- 13. The Revolution and Anti-Revolution Principles Stated and Compared. L., 1714.

PRIVILEGES AND CONSTIUTION IN POLITICAL DISCURSE 18TH CENTURY BRITAIN

M. P. Ayzenshtat

Institute of general history Russian Academy of Sciences, Moscow

The article deals with notions privileges, rights and constitution, which were pronounced in political sphere and which reflected British ideas about Brit-

ish history. Britain hadn't special writing constitution, but there were complex constitutional charters and Acts. Historical notions about England past and historical myths accompanied political discussions and created new myths.

Keywords: 18th century Britain, constitution, rights and privileges, ancient constitution myth.

Об авторе:

АЙЗЕНШТАТ Марина Павловна

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, e-mail: m.aizen@mail.ru.

About author:

AYZENSHTAT Marina

Institute of general history Russian Academy of Sciences, Moscow, Doctor of Historical Sciences, leading researcher, e-mail: m.aizen@mail.ru.

УДК 94 (4)

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1830–1832 ГГ.

М. В. Жолудов

Рязанский государственный университет, г. Рязань

В статье анализируются особенности протекания политического кризиса в Великобритании в 1830–1832 гг. В этот период в стране резко обострилась экономическая ситуация, ухудшилось социальное положение населения. По мнению автора, в этих условиях в Великобритании возникает мощное либерально-демократическое движение за проведение умеренной парламентской реформы. В работе использованы документы Архива внешней политики Российской империи, которые показывают отношение российских дипломатов к кризисным событиям в Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Российская империя, XIX век, политический кризис в Великобритании в 1830—1832 гг., российская дипломатия.

Великобритания за свою многовековую историю претерпела множество переломных, кризисных моментов. Начало тридцатых годов девятнадцатого века стало одним из таких периодов, когда решалась судьба великой европейской державы. В 1830–1832 гг. в стране развернулась напряженная борьба вокруг вопроса об изменении системы парламентского представительства.

Парламентская реформа в Великобритании давно уже назрела. Состояние британского парламента уже не соответствовало новым социально-экономическим и политическим тенденциям в развитии страны, которые проявились в результате завершения промышленного переворота. Требовался новый избирательный закон, который удовлетворил бы политические интересы стремительно укреплявшейся промышленной буржуазии.

Дореформенная парламентская система была весьма запутанна и хаотична. Она во многом зависела от традиций и прецедентов. Наиболее одиозной была система так называемых «карманных» или «гнилых местечек». Почти половина депутатов палаты общин британского парламента избиралась от таких местечек, которые давно уже потеряли свое былое значение, но продолжали обладать правом направления в парламент одного или даже двух депутатов. Притчей во языцех стал избирательный округ Олд-Сарум, в котором не было ни домов, ни жителей, а лишь развалины старого замка. Но Олд-Сарум имел в парламенте двух депутатов, в то время как крупные промышленные города Манчестер (в 1831 г. – 182 000 жителей), Бирмингем (144 000 жителей), Лидс (123 000 жителей), Шеффилд (92 000 жителей) — ни одного [10, р. 3]. В Великобритании процветали политический патронаж, подкуп депутатов, продажа депутатских мест. Все эти явления способствовали сохранению господства землевладельческой аристократии в политической жизни страны.

Таким образом, в начале тридцатых годов XIX в. политическая борьба «средних» предпринимательских кругов Великобритании против аристократии сконцентрировалась в движении за принятие парламентской реформы. Во главе движения встала аристократическая партия вигов. Виги в течение долгого времени находились в парламентской оппозиции по отношению к партии тори. Интерес вигов к проведению парламентской реформы возник на рубеже 20-30-х гг. XIX в. Это произошло в связи с началом экономического кризиса в стране, вызвавшим рост общественного недовольства и активизацию демократического движения. Видный советский историк-англовед Е. Б. Черняк справедливо оценивал позицию вигов в сложившейся ситуации: «Вигская партия была чутким барометром оппозиции в среде господствующих классов; ее отдельные группировки выражали различную степень этого общественного недовольства. Ее левый фланг, центр и правый фланг служили нередко рупором настроений разных слоев "средних классов", от мелкой буржуазии до финансовой аристократии. На протяжении всего полуторавекового существования партия выработала свою идеологию, долголетнее пребывание в оппозиции к тори, отражавших реакционные тенденции блока господствующих классов, наложило отпечаток буржуазного либерализма на взгляды и убеждения» [7, c. 103].

На кризисную ситуацию, сложившуюся в Англии, указывали в своих донесениях русские дипломаты в Лондоне. Так, посол князь X. А. Ливен в депеше в Петербург от 30 января 1830 г. обращал внимание российского

вице-канцлера К. В. Нессельроде на то, что экономическое положение в стране значительно ухудшилось по сравнению с предшествующими годами. По мнению посла, кризис явственно наблюдался как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Причины этого явления он видел, вопервых, в усилении конкуренции со стороны континентальных производителей, особенно в хлопчатобумажной промышленности, во-вторых, в росте инфляции, повлекшей за собой дальнейшее повышение цен на хлеб. Посол в связи с этим выражал удивление по поводу бездеятельности парламента в вопросе о регулировании цен. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. В парламенте преобладали представители крупного землевладения, которым был очень выгоден рост цен на хлеб. В заключение своего донесения князь Х. А. Ливен отмечал, что если существовавшее положение сохранится, то это отрицательно скажется на популярности торийского кабинета герцога Веллингтона [2, д. 134а, л. 176].

Экономический кризис обострил и без того тяжелую ситуацию в Великобритании и сделал более актуальным вопрос о политической власти. Вопросы о «хлебных законах», налоговой системе и т. п. в связи с кризисом встали более остро. Буржуазия понимала, что решать эти вопросы в свою пользу при недостаточной политической власти, при существующем парламенте она не сможет, и была готова начать активную борьбу против преобладания аристократии в политической сфере, используя усилившееся во время кризиса недовольство народных масс Великобритании.

Летом 1830 г. в Англии произошли события, которые в значительной степени обострили борьбу за парламентскую реформу. В июне умер король Георг IV, ревностный сторонник тори и покровитель кабинета герцога Веллингтона. С именем нового короля Вильгельма IV защитники реформы связывали определенные надежды. Вильгельм слыл человеком более либеральных взглядов, чем его покойный отец. Став королем, он, действительно, активно занялся переменами, которые, правда, касались в основном незначительных вопросов. Жена русского посла Д. Х. Ливен в своем письме брату А. Х. Бенкендорфу дала любопытный портрет короля и оценку первых дней его царствования: «Во-первых, о короле – какой странный король! Добрый малый, но недалекий! Я боюсь, чтобы он не потерял голову, до того он рад царствовать. Он меняет все, за исключением, что ему следовало бы поменять, то есть своих министров» [5, с. 684].

Смерть короля Георга IV и предстоящие в связи с этим парламентские выборы заставили вигов взять в свои руки реформаторскую инициативу и более четко определить свою политическую позицию. Они понимали, что не смогут взять власть, не добиваясь реформы избирательной системы. Дольше медлить было невозможно. Обстоятельства складывались таким образом, что виги окончательно перешли в лагерь защитников реформы и взяли руководство движением в свои руки.

Парламентские выборы, прошедшие в конце июля — начале августа 1830 г., значительно изменили политическую ситуацию в Англии. Они серьезно ослабили правительство герцога Веллингтона, так как в результа-

те выборов тори потеряли пятьдесят мест в парламенте. Герцог Веллингтон и его сторонники все с большим трудом сдерживали политические атаки оппозиции. Несмотря на то, что торийской кабинет удержался у власти, выборы стали ощутимым успехом оппозиции, сплотившейся вокруг требования проведения парламентской реформы и состоявшей из вигов, а также примкнувших к ним каннингитов, ультратори и радикалов. Этот успех убедил немногих еще колеблющихся вигов в том, что поддержка реформы является лучшим способом прийти к власти. Потерявший доверие народа торийской кабинет герцога Веллингтона сумел продержаться лишь до ноября 1830 г.

В конце августа 1830 г. внутриполитическая ситуация в Англии обострилась в связи с начавшимися в графстве Кент крупными крестьянскими волнениями. Английские бедняки жгли амбары и скирды хлеба, разбивали молотильные машины. Очень быстро аграрное движение, получившее зловещее название «Свинг» (в переводе с английского языка это название может обозначать «качели», «виселица», «взмах цепом при молотьбе», «свобода»; историки дают различные интерпретации происхождения этого названия — М. Ж.), стало массовым, перекинувшись на соседние графства (всего им было охвачено шестнадцать графств южной Англии). Оппозиция в сложившихся обстоятельствах открыто заявляла, что принятие билля о парламентской реформе — это единственный путь успокоить народ и предотвратить надвигавшуюся революцию.

Развязка правительственного кризиса наступила довольно неожиданно. В день открытия сессии парламента, 2 ноября 1830 г., герцог Веллингтон выступил в палате лордов с печально знаменитым ответом на речь лорда Грея, в которой последний настаивал на необходимости проведения умеренной избирательной реформы. Веллингтон прямо определил позицию тори по этому вопросу, отвергающую любые реформы парламентской системы Великобритании. Речь торийского премьера, по существу, стала актом политического самоубийства для него и для его кабинета. Вигский журнал «Эдинборо ревью» так описывал выступление Веллингтона: «Он стоял прямой, убежденный, сорвавший маску как общепризнанный, выставленный напоказ, добровольный противник реформы» [9, р. 532]. Он вызывающе заявил: «Я прямо и без всяких колебаний выскажу свой взгляд на этот вопрос. Я глубоко убежден: страна имеет в настоящее время такой законодательный орган, который отвечает всем необходимым требованиям хорошего управления в большей степени, чем законодательный орган какой-либо другой страны. Я скажу больше: наша форма правления и система представительства пользуются, и заслуженно пользуются, полным доверием страны, а дебаты в парламенте имеют очень большое влияние на общественное мнение. Я намерен идти дальше и утверждать, что, если бы в настоящий момент я взялся сформировать такой законодательный орган для какой-нибудь страны, подобной нашей, имеющей значительную массу собственности различного рода, я не уверен, что смог бы сформировать такой законодательный орган, каким обладаем мы, потому что природа человека не способна достичь такого совершенства... Народное представительство охватывает в настоящее время значительную часть собственности страны, и интересы землевладения имеют в нем преобладающее влияние. Ввиду этого я не намерен выступать с каким-либо предложением вроде того, на которое намекал почтенный лорд (лорд Грей — М. Ж.). Я не только не намерен сам предлагать что-либо в этом роде, но прямо заявляю, что до тех пор пока я участвую в правительстве, я буду считать своим долгом противодействовать таким мерам, если они будут предлагаться другими» [11, р. 52–53].

Выступление премьера показало, что он принимает вызов сторонников реформы и готов вести борьбу до конца. Это было крупной политической ошибкой Веллингтона, который вновь не учел общественного мнения страны. Он хотел прибавить решимости своим сторонникам, а дал прекрасный политический козырь сторонникам реформы. Высокомерное заявление Веллингтона вызвало бурю возмущения среди оппозиции. Либеральная пресса, почуяв добычу, буквально бросилась на «растерзание» противника. Газета «Таймс» писала: «Заявление герцога, направленное против всякой реформы, уже само по себе не предвещало ничего хорошего, но к этому еще присоединилось опасение, что оно станет удобной ширмой для всякого рода злоупотреблений и хищений и подкрепит обломки той системы, которая была причиной столь тяжких бедствий» [12, № 320]. Высказывание «Эдинборо ревью» было весьма категоричным: «Такое поразительное мнение возможно никогда не произносилось в представительном собрании разумных людей. Ничего более отличающегося от мнения страны, более оскорбительного для ее чувств... конечно же, никогда не было сказано» [9, р. 532]. Во многих крупных городах Англии прошли массовые антиправительственные митинги и демонстрации. В столице носились слухи о якобы готовящемся убийстве Веллингтона, о каком-то походе на Лондон и т. п. В парламент посыпались петиции, протестующие против заявления премьера и требующие избирательной реформы. На улицах британских городов распространялись многочисленные нелегальные памфлеты и листовки. В одной из таких листовок говорилось: «Свобода или смерть. Англичане! Британцы! И все честные люди! Время, наконец, пришло – весь Лондон соберется во вторник, приходите вооруженными, мы уверяем вас, что 6 000 кортиков взято из Тауэра для кровожадной банды Пиля – помните проклятую тронную речь! Хотят вооружить эту дьявольскую полицию (имеются в виду отряды лондонской полиции, созданные министром внутренних дел Робертом Пилем в 1829 г. – М. Ж.). Англичане, неужели вы не покончите с этим?» [8, р. 101].

Освещая продолжающийся правительственный кризис в Англии, А. Матушевич в донесении на имя К. В. Нессельроде от 12 ноября 1830 г. отмечал, что герцог Веллингтон решил дать бой оппозиции по вопросу о реформе и что по предложению Генри Брума вопрос о реформе будет предложен на рассмотрение палаты общин уже 16 ноября. Ссылаясь на чрезвычайно сложную ситуацию, российский посланник не решился пред-

сказать исход борьбы, заметив, что соотношение голосов может измениться уже в ходе парламентских дебатов. Однако он взял на себя смелость утверждать, что если герцог Веллингтон потерпит неудачу, то ему наверняка придется уйти в отставку. А новый британский кабинет, по мнению Матушевича, вероятнее всего составят «лорд Грей, комбинация старых сторонников Каннинга, либералов по своей сути, и те тори, которые выступают против герцога Веллингтона со времени принятия Акта об эмансипации католиков» [2, д. 1386, л. 571]. Как потом оказалось, этот прогноз российского дипломата полностью подтвердился.

Накануне предполагаемого внесения в палату общин оппозиционного запроса о парламентской реформе, то есть 15 ноября 1830 г., правительство потерпело поражение по довольно мелкому вопросу — о цивильном листе. Веллингтон был рад воспользоваться предлогом для отставки, чтобы с «еще большим треском не провалиться по вопросу о реформе» [8, р. 105].

На следующий день А. Матушевич сообщил в Петербург о том, что кабинет герцога Веллингтона оказался в меньшинстве по вопросу о королевском цивильном листе и больше не в состоянии вести борьбу против реформы в парламенте. «Виги и тори (ультратори – М. Ж.) объединились в борьбе против правительства, – доносил Матушевич, – вопрос о реформе в настоящий момент отложен. По всей вероятности, главным претендентом на пост главы правительства станет лорд Грей, которого поддерживают бывшие сторонники Каннинга и оппозиционные тори» [2, д. 139. л. 342].

20 ноября 1830 г. лорд Грей сформировал новое правительство. После двадцати трех лет оппозиции виги вновь пришли к власти. В правительственной декларации, изложенной 22 ноября в палате лордов, они объявили своими главными принципами избирательную реформу, поддержание порядка в стране, сокращение государственных расходов и мир с соседними государствами. Но во главе программы нового кабинета, безусловно, стоял вопрос о парламентской реформе.

Матушевич в специальной депеше в Петербург дал подробную характеристику новому британскому кабинету. Он, в частности, писал: «Правительство, которое заместило администрацию Веллингтона, является правительством, где власть полностью доверена старым лидерам партии вигов таким, как лорд Грей, а также бывшим членам кабинетов лорда Ливерпуля и Каннинга – лорду Пальмерстону, лорду Годричу, лорду Ландздауну, лорду Мельбурну и Чарльзу Гранту. Герцог Ричмонд, хотя он и тори, также занял кресло в кабинете» [2, д. 139, л. 369]. Кабинет лорда Грея включил в себя многих видных политических деятелей страны, весьма искушенных в делах управления государством и являвшихся единомышленниками по большинству вопросов государственной политики. Матушевич в своем донесении указывал, что «в отношении ораторских талантов, присутствие которых является одним из обязательных условий представительной формы правления, новое правительство - одно из самых замечательных, которые когда-либо существовали. Оно собрало почти всех из самых красноречивых представителей обеих палат» [2, д. 139, л. 370].

По своему составу кабинет лорда Грея был почти целиком аристократическим. Считают, что это был один из самых аристократических кабинетов Великобритании на протяжении всего XIX в. Его членами были выходцы из самых знатных семейных кланов страны: лорды Грей, Дарем, Холленд, Рассел, Олторп, Стэнли, Пальмерстон. Во время личной беседы лорд Грей рассказал княгине Ливен о тех главных принципах, которыми он руководствовался при подборе министров: «Во-первых, я хотел показать, что в теперешнее демократическое и якобинское время есть возможность найти людей способных и среди высшей аристократии, но это не значит, что я желаю закрыть доступ (в кабинет) людям истинно достойным, если бы я встретил таковых среди членов палаты общин; но при одинаковых достоинствах, я отдам предпочтение аристократу, ибо этот класс служит гарантией безопасности государства и престола. Во-вторых, я не хочу, подобно моему предшественнику, блистать за счет своих коллег. Наоборот, мой кабинет составлен из людей, показавших выдающиеся парламентские способности. При выборе каждого из них я принимал в соображение его личные способности к занимаемому им посту, и я предоставляю каждому полную свободу действий в его части. Таким образом, совещания кабинета будут настоящими совещаниями, и деспотизм будет уничтожен» [5, с. 695].

Сам лорд Грей, по мнению А. Матушевича, был «медлительным и осторожным реформатором», взгляды которого по вопросу о реформе в его парламентских выступлениях были выражены «в самых общих чертах». Новый премьер давал понять, что его планы реформ очень умерены и внесут «мало изменений в систему народного представительства». При этом Грей не скрывал, что он оставляет за собой право выдвинуть реформу лишь в случае, когда обстоятельства позволили бы ему сделать это.

Российских дипломатов особенно интересовала личность нового министра иностранных дел Великобритании лорда Пальмерстона, как человека, с которым вскоре придется строить отношения между двумя державами. Х. А. Ливен дал ему блестящую характеристику в своем донесении в Петербург: «...это человек достойный и честный в полном смысле слова, искренний, открытый, добросовестнейший исполнитель своего слова; он обладает живым умом, быстрым соображением, здравым рассудком. И так как он долгое время участвовал в министерстве лорда Ливерпуля, потом Каннинга и даже герцога Веллингтона, то дела ему нисколько не чужды и не затрудняют его. К несчастию, добросовестность далеко не была отличительной чертой прежнего министерства. В этом отношении мы не только ничего не потеряли, но, наверное, выиграли» [6, с. 444]. Увы, радужным прогнозам посла не суждено было сбыться. Британский министр очень скоро показал себя активным противником русских интересов в Европе и на Ближнем Востоке. Именно он впоследствии станет инициатором вступления Великобритании в Крымскую войну на стороне Османской империи.

Для успокоения общественного мнения в правительство был введен слывший радикалом «великий агитатор» Генри Брум, который в своих

многочисленных выступлениях обещал английской общественности «скорого проведения парламентской реформы, а также выполнения в широком масштабе плана реконструкции системы юриспруденции империи» [12, № 326]. Назначение Г. Брума вызвало большую сенсацию и в самом Лондоне, и в европейских столицах, так как он не без оснований считался «главой английской демократии, успехам которой он содействовал своими необыкновенными талантами и своим красноречием» [2, д. 139, л. 369]. Однако лорд Грей, старый и умудренный многолетним государственным опытом политик, знал, что делал. Более того, он назначил Г. Брума на одну из главных должностей государства, сделав его лорд-канцлером королевства. Таким образом, с одной стороны, среди радикалов и общественного мнения были посеяны определенные иллюзии о возможности ведения правительством более радикальной политики. С другой стороны, «всемогущий и даже опасный» Брум был приручен высокой должностью и титулом лорда. С тех пор его политическая деятельность потеряла свой былой радикализм и смелость. А. Матушевич, который посвятил характеристике этого человека гораздо больше места в своем донесении, чем другим членам британского кабинета, справедливо указывал, что, «принимая должность, функции которой главным образом консервативны, он (Г. Брум – М. Ж.) сам нанес смертельный удар своей популярности» и «предал партию, в которой черпал свою силу» [2, д. 139, л. 369]. Итак, радикальная опасность была устранена, и новый кабинет взял прямой курс на проведение умеренной реформы парламента. Массовые социальные протесты в английских городах на время стихли. Народ, казалось, был удовлетворен действиями нового правительства. Политический кризис был преодолен. Билль об избирательной реформе был внесен правительством на рассмотрение палаты общин в марте 1831 г. В результате длительной борьбы билль о реформе был подписан королем 7 июня 1832 г.

Российские дипломаты в Лондоне очень внимательно следили за развитием политического кризиса в Великобритании в начале тридцатых годов XIX в. Их дипломатические депеши содержали в целом верную оценку событий, происходивших на британской политической арене. Особенно их интересовали изменения в высших эшелонах власти туманного Альбиона. Информацию об этом они регулярно доводили до сведения российского правительства. Это было весьма актуально в период, когда назревали серьезные геополитические противоречия между Россией и Великобританией в ближневосточном регионе и на Балканах.

Литература

- 1. *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009.
- 2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1830.
- 3. Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX в. Орел: изд-во ОГУ, 2008.

- 4. *Зотов С. А.* Модернизация Британской империи середины XIX века в концепции Дж. Ст. Милля // Запад и Восток: история и перспективы развития: сборник статей. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2019. С. 520–526.
- 5. *Княгиня Ливен* и её переписка с разными лицами // Русская старина. СПб., 1903. Т. 114. № 6.
- 6. *Мартенс* Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11: Трактаты с Англией. 1801–1831. СПб.: тип. М-ва Путей Сообщения, 1895.
- 7. Черняк Е. Б. Демократическое движение в Англии. 1816–1820. М.: изд-во Академии наук СССР, 1957.
- 8. Butler J. R. M. The Passing of the Great Reform Bill. L.: Longmans, Green and Company, 1914.
 - 9. Edinburgh Review. 1830. Vol. 52. № 103.
 - 10. Evans E. J. The Great Reform of 1832. L.: Methuen, 1983.
 - 11. The Hansard's Parliamentary Debates. 3rd ser. L., 1830. Vol. 1.
 - 12. The Times. 1830.

RUSSIAN DIPLOMACY AND POLITICAL CRISIS IN THE UNITED KINGDOM IN 1830–1832

M. V. Zholudov

Ryazan State University, Ryazan

The article analyzes the peculiarities of the political crisis in Great Britain in 1830–1832. During this period, the economic situation in the country sharply worsened, the social situation of the population deteriorated. According to the author, in these conditions in the UK there is a powerful liberal-democratic movement for the implementation of moderate parliamentary reform. The paper uses documents from the Russian Empire's Foreign Policy Archive, which show the attitude of Russian diplomats to the crisis events in the UK.

Keywords: Great Britain, the Russian Empire, the 19th century, the political crisis in Great Britain in 1830-1832, Russian diplomacy.

Об авторе:

ЖОЛУДОВ Михаил Валентинович

Рязанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: mikhailzhol@yandex.ru.

About the author:

ZHOLUDOV Mikhail Valentinovich

Ryazan State University, Department of World history and international relations, Candidate of Historical sciences, e-mail: mikhailzhol@yandex.ru.

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ В РОССИИ (СЕРЕДИНА 50-X – НАЧАЛО 80-X ГГ. XIX В.)

С. А. Зотов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассматривается начальный период ознакомления российской публики с творчеством видного представителя викторианской эпохи Томаса Карлейля. Делается акцент на прижизненных публикациях его произведений в России, представлены оценки первых переводчиков книг британского мыслителя на русский язык.

Ключевые слова: викторианская Британия, Томас Карлейль, сочинения, Россия, критика.

Творческое наследие известного мыслителя викторианской эпохи Томаса Карлейля (Carlyle) (1795–1881) – «учителя», «пророка», «мудреца», как его называли при жизни [31, р. 35] - огромно. Среди западноевропейских и североамериканских исследователей самой авторитетной публикацией трудов британского автора считается тридцатитомное собрание сочинений, изданное в честь его столетнего юбилея (The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition), под редакцией Х. Д. Трейлла (Traill). Оно увидело свет почти одновременно в Великобритании (London: Chapman and Hall, 1896–1899) и США (New York: Charles Scribner's Sons, 1896-1901). Правда, в издание не вошли ранние литературоведческие работы, реминисценции и многочисленная переписка Карлейля. По мнению карлейлеведа Ч. Сандерса, только переписка супругов Томаса и Джейн Карлейлей, отобразившая «разнообразие и уровень интеллектуальной жизни Англии XIX столетия» [26, р. XIV], могла бы составить в печатном варианте около четырёх десятков томов. Термин «карлейлеведение» вполне приемлем в качестве обозначения целого направления англоязычной историографии и литературной критики. По подсчётам Р. Тарра, автора второго, исправленного и дополненного библиографического сборника, посвяизучению творчества Карлейля (первый был составлен И. Дайером и был опубликован в 1928 г. [28]), за период с 1824 по 1974 г. только на английском языке вышло более трех тысяч исследований, около трех сотен газет и журналов содержали материалы о нём [30, р. 3–243, 247–254]. Русскоязычная критика сочинений британского ученого намного скромнее по количественным показателям, но также заслуживает определённого внимания специалистов.

Первые обнаруженные нами русские публикации произведений Карлейля относятся к середине 50-х гг. XIX в., когда британскому мыслителю исполнилось 60 лет, и его имя было хорошо известно на родине и за ее пределами. Указания на издание в Москве в 1831 г. философического романа Карлейля «Sartor Resartus. Жизнь и мысли герр Тейфельсдрека» в переводе Николая Горбова следует признать ошибочными [см. например: 23, с. 287]. Указанное русское издание романа появилось в 1902 г. [17]. Сам автор издал это произведение в Англии только в 1834 г. первоначально в журнальном варианте [28, р. 220]. Российская читающая публика познакомилась с творчеством Карлейля на русском языке посредством переводов, помещенных в имевших политико-литературное содержание журналах, в частности, в «Современнике» и «Библиотеке для чтения».

В конце 1855 – начале 1856 г. (заметим в скобках, что в это время Россия находилась в состоянии войны с Британией до заключения Парижского мирного договора в марте 1856 г., завершившего Крымскую войну) в трёх номерах журнала «Современник» были опубликованы отрывки из книги Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории». Первое издание этого произведения, которое сложилось из прочитанных Карлейлем в Лондоне публичных лекций весной 1840 г., относится к 1841 г. [25, р. 65]. Перевод на русский язык осуществил известный в середине XIX в. критик и знаток английской литературы В. П. Боткин. Современный белорусский англовед И. Р. Чикалова охарактеризовала его как «поклонника Карлейля» [24, с. 67]. Переводы Боткина включали две (об Одине, Шекспире и Данте) из шести частей о «Героях», взятых из «Edinburgh Review» [13, 14, 15]. В предисловии переводчик представил краткую биографическую справку об «одном из замечательнейших современных писателей Англии», а также выразил восторженную оценку его творчества, отметив «необычайную оригинальность», «поразительное глубокомыслие», устремление «на высокое, прекрасное и таинственное в природе человека» [13, с. 92–93]. По мнению биографа Боткина Б. Ф. Егорова, Василий Петрович разделял в то время эстетические взгляды британского автора на окружающий мир, его мистицизм и романтизм, поддерживал идею о решающей роли великих людей в истории и убеждение в высоком гражданском призвании поэта и писателя. В 1858 г. Боткин, посещая Лондон, намеревался лично представиться Карлейлю. Он взял рекомендательное письмо от И. С. Тургенева, который познакомился с известным британцем в 1857 г., и нанес визит Карлейлю, но не застал его дома и побеседовал с Джейн Карлейль оставила писателя. «высокомерноюмористическое» описание визитера: «Он не владел собой, как Тургенев, а кивал и жестикулировал, как француз. Он ворвался в комнату с диким выражением своего восхищения мистером Карлейлем» [цит. по: 9, с. 86].

Главный редактор «Современника» Н. А. Некрасов разделял хвалебные отзывы о трудах Карлейля: «писатель с европейской известностью», «один из самых знаменитых людей» времени, «гениальный мыслитель». Однако в России он «почти не был известен». По признанию Николая Алексеевича, именно Боткин «взял на себя труд познакомить русскую

публику» с его творчеством, а его перевод сохранил достоинства подлинника — «оригинальную, увлекательную прозу», «силу и глубину мысли» [19, с. 203].

В «Современнике» в мае 1856 г. в рубрике «Письма об английской литературе» была представлена компиляция всех частей книги Карлейля «О героях», а также ряда его литературоведческих статей с неизменной высокой оценкой [4, с. 141–145]. Автор произведений назван «бесспорно, блистательнейшим мыслителем во всей великобританской словесности». Однако статья не была подписана. С полной уверенностью можно утверждать, что авторство короткой заметки принадлежало коллеге Боткина А. В. Дружинину.

Следует подчеркнуть, что с самого начала в российской критике закрепилась русская транскрипция фамилии британского ученого как «Карлейль» вместо «Карлайл». Можно предположить, что Боткин или посчитал ее более удобно произносимой, или закрепил уже сложившуюся в российских интеллектуальных кругах традицию. Правда, в конце XIX в. профессор из Варшавы А. С. Окольский предложил вариант «Карляйль» [21], но этот вариант не нашел поддержки среди отечественных специалистов.

Транскрипцию Боткина поддержал и использовал литературовед и писатель А. В. Дружинин. В обзоре современной ему английской литературы за 1856 г. он отмечал Карлейля как «блистательнейшего мыслителя», «отчасти уже знакомого» [6, с. 357] читающей России. Однако кроме «увлекательных дифирамбов» со стороны критики публика нуждалась в «хорошей биографии» о нём [6, с. 361]. Отчасти поставленную задачу Александр Васильевич выполнил сам. В журнале «Библиотека для чтения», который он возглавлял и редактировал во второй половине 1850-х гг., в 1857 г. был опубликован анонимный перевод одного из литературных очерков Карлейля «Песнь о Нибелунгах» [16], который впервые был опубликован в 1831 г. на страницах «Westminster Review» [28, р. 6]. В начале 1860-х гг. появились две обширные статьи Дружинина [7, 8], посвященные разбору нескольких работ британского писателя, в первую очередь первых томов «Истории Фридриха II Прусского». Первый том этого самого объемного сочинения Карлейля вышел в 1858 г., заключительный, шестой – в 1865 г. [25, р. 71, 73]. Первое издание состояло из 21 книги в 4 039 страниц текста [29, р. 214]. Русский переводчик занимал достаточно критичную позицию по отношению к Карлейлю как историку. В частности, отмечались «эксцентрические воззрения на исторические личности» Карлейля, отвергнутые исторической наукой, его «разлад с каждым научным авторитетом» презрение предшествовавших «полное выводам мыслите-К лей» [7, с. 688, 695].

К эпохе Великих реформ Александра II относится первая и неудачная попытка русского издания книги, принесшей Карлейлю славу в Европе и в США, — «Французская революция. История». Она увидела свет в 1837 г. одновременно в Лондоне и Бостоне, всего при жизни автора книга выдержала 17 изданий на пяти европейских языках [подсчитано нами

по: 28, р. 85–89]. В Российской империи в 1866 г. под редакцией историка права Николая Павловича Ляпидевского был издан первый из трех томов популярной исторической работы Карлейля, правда, без примечаний и комментариев [10]. Однако том был изъят из продажи, а продолжение издания было запрещено [11, с. 103].

В 1872 г. в журнале «Отечественные записки» вышла резко негативная, единственная из известных нам в таком духе русскоязычная рецензия на творчество Карлейля. В рубрике «Иностранная хроника» анонимный автор поместил небольшую по объему заметку. Трехстраничная статья была написана на основе цитат из разных произведений британского писателя без указания их названия, а также одной немецкой газеты («National Zeitung») и одной необозначенной американской газеты. Карлейль назван «натурой экзальтированной, эксцентриком, своего рода безумцем», который в окружающем мире «не находил ничего, кроме пошлости и служения мамоне» [3, с. 351]. Он «слишком горяч и раздражителен», не мог «удовольствоваться своими симпатиями к героям прошедшего». Покоя ему не давала «ненавистная ему Англия», которую называл «отвратительной и достойной проклятия клоакой всякого рода обманов, лжей и мошенничеств». В качестве примера его подхода к проблемам времени приводился комментарий к ключевому для Европы вопросу о взаимоотношениях труда и капитала: «борьба между нанимателями и рабочими» – «только предлог к тому, чтобы одни как можно меньше платили, а другие как можно меньше работали» [3, с. 353]. Возможно, обозначенная позиция русского критика объяснялась тем, что более авторитетной точкой зрения для него стало мнение тех современников Карлейля, которые встретили в штыки его публицистические произведения 50-60-х гг. XIX в., в частности «Памфлеты последнего дня» (1850 г.), вызвавшие «вой негодования» [подробнее см.: 27]. Среди них отметим Дж. Ст. Милля, К. Маркса и Ф. Энгельса.

Первое издание работ Карлейля на русском языке, оформленное отдельной книгой, вышло в 1878 г. Им стали «Критические и исторические опыты», сборник литературных и биографических очерков писателя середины 20-х — 30-х гг. XIX в.: «Граф Калиостро», «Бриллиантовое ожерелье», «Вольтер», «Дидро», «Мирабо», «Роберт Борнс», «Вальтер Скотт» [12]. Имя переводчика не было указано, как и выходные данные оригинального текста. Отдельно отметим, что это русское прижизненное Карлейлю издание стало единственным, которое вошло в выше упоминавшийся библиографический сборник, посвященный его трудам и их критике, составленный к 1928 г. американцем И. Дайером [28, р. 21].

Кончина британского писателя 5 февраля 1881 г. имела заметный общественный резонанс в России. Появились отдельные брошюры и статьи в отечественных периодических изданиях о его жизни и творчестве, авторами которых являлись представители различных политических взглядов.

Русская писательница и общественный деятель О. А. Новикова выпустила небольшую брошюру о Карлейле в 1881 г., в которой кратко изложила этапы его биографии и творческий путь. Ольга Алексеевна была лично

знакома с британским мыслителем и высоко ценила его творчество. По ее мнению, «весь читающий мир» подчинился его «облагораживающему влиянию». Сила Карлейля заключалась «в мощном даровании, в возвышенности взглядов, в страсти к труду, в неподкупной правдивости и прямоте» [20, с. 1–2].

В славянофильской газете «Русь» от 7 февраля 1881 г. была помещена небольшая заметка за подписью «О. К.» (этим криптонимом подписывалась О. А. Новикова [24, с. 246]). В ней рассказывалось о встрече автора с Карлейлем весной 1880 г. В ходе бесед выяснилось высокое мнение известного британца о России. Приводилось одно из его высказываний: «Россия совершила много великого. У ней и будущее великое... Я люблю и всегда любил русских!» [22].

На страницах «Русского курьера» в 1881 г. была размещена статья о Карлейле, написанная философом и народовольцем П. Л. Лавровым. Петр Лаврович отнес британского автора к представителям романтизма, направления, которое «прошло невозвратно», и поэтому он оказался «одинок в истории английской мысли», без «серьезных» последователей. В то же время, по мнению русского революционера, Карлейль являлся «блестящим эпизодом в английской литературе», его главной заслугой стало «понимание рабочего вопроса» в 30-х гг. XIX в. [цит. по: 18, с. 151–152].

В марте 1881 г. в «Историческом вестнике» вышла небольшая статья о Карлейле, написанная искусствоведом и журналистом Ф. И. Булгаковым. Федор Ильич заявил о «вечном и неизгладимом» авторитете британского писателя, который в литературе своей страны сделал «эпоху». Каждое из его сочинений «ожидалось с нетерпением, читалось нарасхват, обсуждалось с уважением» [5, с. 632]. Особенность идей Карлейля состояла в мистицизме, в его «наклонности к таинственному и возвышенному». Он преклонялся перед наполненным «глубокими тайнами» миром, а человечество «представлялось ему занятым непрерывной гигантской борьбой между добром и злом» [5, с. 633]. Булгаков отметил стиль его исторических трудов, в первую очередь, «живость, с какой он схватывал и изображал физиономию событий», его дар «вызывать прошлое, оживлять и воскрешать его, составить из него целую драму». Русский критик спрогнозировал, что «имя Карлейля останется навсегда в истории мысли в Англии» [5, с. 635].

В 1881 г. самый обширный материал о биографии и сочинениях британского ученого содержался на страницах «Вестника Европы». В двух номерах журнала, майском и июньском, была размещена объемная статья, подписанная «А. С.» и составленная на основе мемуаров самого Карлейля. Двухтомные «Реминисценции» были изданы его секретарем Д. Э. Фроудом весной 1881 г., практически сразу после смерти Карлейля [28, р. 15]. Русский критик на первой же странице отметил «необыкновенный талант», «оригинальные взгляды» и «могучее дарование» британского автора [1, с. 256]. Были рассмотрены этапы биографии, проанализированы все его основные сочинения, отмечен круг последователей среди писателей и публицистов Великобритании, процитированы также оценки творчества

Карлейля со стороны современников. В частности, приводилось мнение одного из немецких критиков: «К этой сильной и самобытной личности, к этому оригинальному и бурному мыслителю... непреложны обычные мерки» [цит. по: 2, с. 649].

Кратко подводя итоги, отметим заметный интерес образованных кругов России к творчеству Томаса Карлейля. Российская публика познакомилась с частью его произведений при жизни автора через отрывочные переводы, размещенные в литературных альманахах. Читателей и критиков в России привлекало, на наш взгляд, нравственное, религиозное измерение сочинений известного британского мыслителя.

Литература

- 1. *А. С.* Томас Карлейль. Очерк его жизни и произведений // Вестник Европы. СПб., 1881. Кн. 5. С. 256–284.
- 2. *А. С.* Томас Карлейль. Очерк его жизни и произведений. II // Вестник Европы. СПб., 1881. Кн. 6. С. 619–656.
- 3. [*Б. а.*] Иностранная хроника // Отечественные записки. СПб., 1872. № 12. Декабрь. С. 351–354.
- 4. [*Б. а.*] Письма об английской литературе // Современник. СПб., 1856. Май. С. 141–145.
- 5. *Булгаков* Ф. Томас Карлейль // Исторический вестник. СПб., 1881. Март. С. 631–636.
- 6. Дружинин А. В. Письма об английской литературе и журналистике // Дружинин А. В. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. V. СПб.: тип. Импер. Акад. наук, $1865. \, \text{C.} \, 357-361.$
- 7. *Дружинин А. В.* Фридрих Вильгельм I // *Дружинин А. В.* Собр. соч. в 8-ми тт. Т. V. СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1865. С. 688–740.
- 8. Дружинин А. В. Первые годы царствования Фридриха Великого (По Карлейлю) // Дружинин А. В. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. V. СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1865. С. 741–793.
 - 9. *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб.: Наука, 2004.
- 10. История Французской революции Карлейля / Под ред. Н. Ляпидевского. Т. 1. Бастилия. М.: тип. Лазарев. ин-та, 1866.
- 11. Кареев Н. И. Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1923.
- 12. *Карлейль Т.* Исторические и критические опыты / Пер. с англ. М.: тип. И. И. Родзевича, 1878.
- 13. *Карлейль Т.* О героях. Об Одине / Пер. В. П. Боткина // Современник. СПб., 1855. Октябрь. С. 92–118.
- 14. *Карлейль Т.* О героях. О поэте Шекспире // Современник. СПб., 1856. Январь. С. 33–54.
- 15. *Карлейль Т.* О героях. О поэте Данте // Современник. СПб., 1856. Февраль. С. 92–104.
- 16. *Карлейль Т.* Песнь о Нибелунгах // Библиотека для чтения. СПб., 1857. Январь. С. 109-154.

- 17. *Карлейль Т.* Sartor Resartus. Жизнь и мысли герра Тейфельсдрека / Пер. с англ. Н. Горбова. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнарев и К°, 1902.
- 18. Лавров П. Л. Этюды о западной литературе. Петроград: Колос, 1923.
- 19. *Некрасов Н. А.* Заметки о журналах за октябрь 1855 года // *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем в 15 тт. Т. 11. Кн. 2. Критика, публицистика 1847–1869. Л.: Наука, 1990.
- 20. *Новикова О. А.* Вести из Англии. Томас Карлейль. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1881.
- 21. *Окольский А. С.* Фома Карляйль и английское общество в XIX столетии. Варшава: тип. Варшавс. учеб. окр., 1893.
 - 22. О. К. Несколько слов о Карлейле // Русь. 1881. № 13. 7 февраля.
- 23. *Саймонс Дж*. Карлейль / Пер. с англ. и коммент. Е. Сквайрс. М.: Мол. гвардия, 1981.
- 24. *Чикалова И. Р.* Великобритания: изучение в Российской империи (XIX начало XX вв.). СПб.: Алетейя, 2017.
- 25. Carlyle's House: Illustrated Catalogue, Chronology and Descriptive Notes. L., 1907.
- 26. *Clubbe J*. Charles Richard Sanders // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham (North Carolina), 1976. P. XIII–XIX.
- 27. Coldberg M. A. Universal «howl of execration»: Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham (North Carolina), 1976. P. 129–147.
- 28. *Dyer I. W.* A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana. N. Y., 1968 (reprint of 1928 edition in Portland (Maine)).
- 29. *Peckham M*. Frederick the Great // Carlyle Past and Present. A Collection of New Essays / Ed. by K. J. Fielding and R. L. Tarr. L.: Vision Press, 1976. P. 198–215.
- 30. *Tarr R. L.* Thomas Carlyle: a Bibliography of English-Language Criticism. 1824–1974. Charlottesville: Univ. press of Virginia, 1976.
- 31. *Tennyson G. B.* Carlyle Today // Carlyle Past and Present. A Collection of New Essays / Ed. by K. J. Fielding and R. L. Tarr. L.: Vision Press, 1976. P. 27–50.

THE FIRST EDITIONS OF THOMAS CARLYLE'S WORKS IN RUSSIA (MID-50 – EARLY 80-ES OF THE XIX CENTURY)

S. A. Zotov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

The article considers the initial period of familiarization of the Russian public with the works of a prominent representative of the Victorian era Thomas Carlyle. The author focuses on lifetime publications of his works in Russia, presents the assessments of the first translators of the British thinker's books into Russian.

Keywords: Victorian Britain, Thomas Carlyle, works, Russia, criticism.

Об авторе:

ЗОТОВ Сергей Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

About author:

ZOTOV Sergey Aleksandrovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Candidate of Historical Sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

УДК 94(5)

РОССИЯ И АНГЛИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ В XIX ВЕКЕ

Б. В. Сафронов

Рязанский государственный университет, г. Рязань

Регион Центральная Азия играет все большую роль в мировой политике. Предложение Китая о создании нового «Шелкового пути» предоставляет возможность государствам Центральной Азии принять участие в этом глобальном проекте. Поэтому интересно рассмотреть процесс возникновения государственности в этом регионе и участие в этом процессе других государств. В первую очередь это, конечно, России и Англии, чье соперничество на протяжении долгого времени играло важную роль в формировании региона. Следует оценить роль этих держав в возникновении будущих современных государственных образований и значение создания этого регионального образования. Завоевание Средней Азии проходило в условиях, когда на мировой арене политику определяли не только Англия, Россия, но и другие европейские державы.

Ключевые слова: ханства, государственность, международные отношения, противоречия, экспансия, колониализм, война, завоевание Туркестана.

Роль Центральной Азии в мировой политике в настоящее время неуклонно возрастает. Это связано с тем, что в последнее время из-за сложных отношений между США и Китаем, США и Россией центр мировых экономических отношений смещается в Азию. Китайская идея создания нового «Шелкового пути» предоставляет возможность государствам Центральной Азии принять участие в этом глобальном проекте. С этими процессами связан интерес к истории возникновения государств в этом регионе и участие в этом России и Англии.

Наступление царской России в Средней Азии началось в 30–40 годах XIX века. В момент наступления России на Среднюю Азию эти территории были населены разнообразным по составу населением, они были отсталыми в экономическом и политическом отношении. Большая часть народов находилась еще в патриархально-родовом состоянии, не имели своей государственности и вели кочевой образ жизни. Наиболее развитыми, перешедшими в стадию начала феодальных отношений были три государственных образования: Кокандское и Хивинское ханства и Бухарский эмират.

В 50-х годах XIX века усилились противоречия между Россией и Англией, связанные с проникновением англичан в Среднюю Азию, и в первую очередь борьба за влияние в существующих феодальных княжествах Хиве, Бухаре, Коканде. Англия, как всегда, преследовала в этом регионе несколько целей:

во-первых, экономические — это захват рынков сбыта, в которых так нуждалась английская буржуазия, так как рынки Индии, Ирана и Афганистана уже не удовлетворяли англичан;

во-вторых, политические, которые были направлены на ограничение влияния России в этих местностях и использование их как плацдарм против России, прикрывающий английские владения в Индии.

Активность англичан приводила к свертыванию русской торговли, которая была традиционной во взаимоотношениях России с народами Средней Азии. Русские купцы издавна торговали на азиатских рынках, и поэтому появление столь сильного конкурента как англичане было встречено с беспокойством. Англичане в целях завоевания расположения местного населения торговали иногда даже себе в убыток.

В целях укрепления своего влияния в Средней Азии англичане использовали Турцию, так как турецкий султан считался халифом всех правоверных. Особую активность турецкие и английские эмиссары проявили в период Крымской войны, пытаясь организовать антирусские выступления среднеазиатских ханств. В результате этих усилий кокандский хан Худояр (1829–1886) попытался вернуть крепость Ак

Мечеть, захваченную в своё время русскими войсками, но его двенадцатитысячный отряд был разгромлен.

Английские агенты регулярно появлялись в этих ханствах, и их появление не проходило без внимания русской администрации. В 1856 году оренбургский генерал-губернатор Василий Алексеевич Перовский (1795–1867) получил сведения, что в Хиву: «приехали в последнее время девять гератцев и один англичанин с предложением посредничества в делах ханств с туркменами, каракалпаками, киргизами» [3, с. 315].

Внутренние противоречия, раздирающие среднеазиатские ханства, не позволяли им объединиться для отражения экспансии Англии и России. Кокандский хан пытался наладить отношения с Афганистаном и Хивой против Бухары, претендуя на земли, лежащие в верховьях Амударьи. Эти действия осложняли проникновение англичан в этот регион и мешали созданию антирусских настроений. Для жителей этих государств не было тайной, как англичане устанавливали свое господство в Индии и как они расправились с восставшими в 1857 году сипаями.

Россия к этому времени вышла на границы ханств и внимательно следила за всеми поползновениями англичан в этом районе, и сама пыталась расширить сферы своего влияния. Крымская война, задача завоевания Кавказа, события на Дальнем Востоке не позволили ей активно противостоять Англии. Но Средняя Азия всегда оставалась в поле зрения российской внешней политики. В 1857 году в Петербург прибыли посланцы из Хивы и Бухары с поздравлениями Александру II в связи с его восшествием на русский престол. В этом же году в среднеазиатские ханства был отправлен Николай Павлович Игнатьев (1832–1908). Миссия Игнатьева заключалась в том, чтобы добиться соглашений о протекторате России над этими ханствами. Полного успеха эта миссия не достигла, но был отмечен рост активности Англии в этом регионе. В 60-х годах ряд государственных деятелей выдвигали предложения достижения согласия с Россией на центрально-азиатском направлении.

Реформы, начатые в России в 1861 году, заставили правительство России вести более активную политику в Средней Азии: зарождавшейся русской буржуазии требовались новые рынки и, кроме того, необходимо было сдерживать экспансию англичан. Для решения этой задачи было необходимо установить свое господство над среднеазиатскими ханствами. Такое господство позволяло, кроме экономических целей, иметь возможность влиять на английскую внешнюю политику. Для этого надо было изредка демонстрировать свою готовность посягнуть на английские владения в Индии, что иногда делала Россия, но это был чистый блеф. Россия никогда всерьез не рассматривала вопрос захвата Индии, но эта потенциальная угроза всегда нервировала англичан и заставляла их идти на компромиссы. «Мы убеждены, что завоевание Индии никогда не было действительною и первоначальною целью русской политики», писал русский ученый Ф.Ф. Мартенс (1845–1909) [6, с. 8].

Осенью 1864 года Россия начала агрессивные действия против ханств. Оправдывая действия России в Средней Азии, 21 ноября 1864 года канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) отправил русским посланникам за границей циркуляр, в котором обосновывал действия России. «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которыя приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобных случаях интересы безопасности границ в торговых сношениях всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает, прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел оно бывает вынуждено привести пограничные народы к более или менее прямому подчинению. По достижению этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но в свою очередь они подвергаются нападениям более отдаленных племен. Государство обязано защищать их от этих грабительств и наказывать тех, кто их совершает, отсюда необходимость далеких продолжительных периодических экспедиций против врага... Чтобы быстро прекратить эти постоянные беспорядки, устраивают среди враждебного населения несколько укрепленных пунктов... Таким образом государство должно решиться на что-нибудь одно: или отказаться от этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянные неурядицы, делающие невозможными здесь никакое благосостояние, никакую безопасность и никакое образование или же все более подвигаться в глубь диких стран, где расстояния с каждым сделанным шагом увеличивают затруднения и тягости, которым оно подвергается. Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия. Соединенные Штаты в Америке, Франция в Алжире, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии. Все неизбежно увлекались на путь того движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости где величайшая трудность И состоит уменье остановиться» [6, с. 27–28].

Момент наступления на Среднюю Азию был выбран с учетом того, что в это время Англия испытывала серьезные затруднения в Европе и в колониях Америки, и Средняя Азия в политике Англии отошла на второй план.

Первый удар был нанесен по Кокандскому ханству. В сентябре 1864 года был занят Чимкент, 17 июля 1865 года — Ташкент. Это привело к тому, что в 1867 году было создано Туркестанское генералгубернаторство, ставшее оплотом для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию.

Цели России в Средней Азии были четко обозначены в записке подполковника Генерального штаба Александра Ивановича Глуховского, направленной им в 1866 году генерал-губернатору Туркестанского края. Это была программа действий России в Средней Азии: «... Для России

необходимо: 1-е, утвердить свое господство на берегах Аму-Дарьи; 2-е, не допустить утвердиться в Бухаре влиянию какой-либо другой европейской державы; 3-е, обеспечить жизнь и имущество как своих подданных, так и по возможности жителей Средней Азии; 4-е, развить нашу торговлю... России не только не следует присоединять теперь к своим владениям Бухарское ханство, но даже нет необходимости и делать его вассальным к нам государством. В том и другом случае от России потребуются большие издержки, и она скорее будет связана во многих своих действиях. Поэтому было бы гораздо полезнее и выгоднее образовать из бухарского ханства самостоятельного союзника, верность и преданность которого были бы обеспечены самым прочным образом... необходимо принять более действительные меры, которые могли бы поставить эмира в полную зависимость от России.

...Никакие убеждения, советы и угрозы России не могут пересоздать вековое устройство мусульманских государств на европейский лад. Середины не существует, а предстоит одно из двух: или завладеть среднеазиатскими ханствами или обставить ханов так, чтоб они не смели шагу сделать без согласия России...» [12, с. 107].

В 1866 году русские войска начали наступление на Бухару, были заняты Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. Бухарский эмир Музаффар (Сеид Музаффарудин Бахадур Хан) (1834–1885), с одной стороны, в 1867 году отправил своего представителя Муссабека в Оренбург для подготовки соглашения с Россией, а с другой стороны, отправил эмиссаров в Хиву и Коканд с целью создания союза для борьбы с Россией. Он объявил о войне с «неверными», но после поражения от русских войск стал всячески затягивать заключение письменного соглашения, что заставило русские войска продолжить военные действия и в мае 1868 года они заняли Самарканд.

В январе 1868 года был подписан торговый договор, а в феврале 1868 года кокандский хан Худояр признал себя вассалом России.

В июле 1868 года был заключен мирный договор России с Бухарой. Бухарский эмир выполнил все условия, которые были предъявлены ему генералом Константином Петровичем фон Кауфманом (1818–1882) после занятия Самарканда.

- «1) В состав земель, подвластных его императорскому величеству императору всероссийскому, кроме прежде занятых русскими земель... включается город Самарканд, просивший принятие в подданство белого царя со всеми селениями от него зависящими.
- 2)... Высокостепенный эмир обязуется строго наблюдать за безопасностью и сохранностью русских подданных, находящихся внутри пределов его владений, с их караванами и все вообще имуществом...» [12, с. 108]. В этом договоре учитывались не только интересы русского купечества, точно такие же права получали и торговые представители Бухары.

Успехи России на среднеазиатском направлении привели к активизации деятельности англичан, которые стали поставлять оружие в ханства и угрожать России. Эти угрозы всерьез обеспокоили министра иностранных дел А. М. Горчакова, и он выступил против занятия Самарканда и договора с Бухарой. Но Кауфману при личной встрече с Александром II удалось убедить царя в необходимости проведения наступательной политики в Средней Азии. «Наша дипломатия, да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии. Выяснилось же главное – полное непонимание положения России в Средней Азии. Да это бюрократическое невежество наше поразительно... само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его.

Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам. Ведь несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии... Эта узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить, что уже и показала в Крымскую кампанию» [10, с. 906–907].

В 1868 году Россия основала на юго-восточном побережье Каспийского моря город Красноводск, который стал важным оплотом России для дальнейшего продвижения в сторону туркменских владений.

В 1869 году министр иностранных дел в правительстве Уильяма Гладстона (1809–1898) лорд Джордж Кларендон (1800–1870) начал переговоры с русским посланником Филиппом Ивановичем Брунновым (1797–1885) о разграничении сфер влияния между Россией и Англией в Средней Азии. Он предложил создать между ними «пояс, который бы предохранял их от всякого соприкосновения» [3, с. 822]. Эта зона должна была быть создана за счет территорий Афганистана. Это стало камнем преткновения, так как возникли вопросы о территориях, принадлежащих эмиру. Вначале переговоры провалились, афганскому продолжались. Россия была заинтересована в мирном разрешении вопроса, А. М. Горчаков писал послу в Англии Ф. И. Бруннову: «Оба правительства были в одинаковой степени одушевлены желанием предупредить всякий повод к разногласиям между ними в этой части Азии ... Мы предпочли добросовестно изучить вопрос, так как дело шло об установлении прочного и долговечного основания для политической организации Средней Азии, а равно и добрых дружественных отношений, которые оба правительства имели в виду утвердить между собой как в настоящем, так и будущем на том же основании» [8, с. 143–145].

Была создана смешанная англо-русская комиссия по разграничению территорий. Но практика показала, что проблемы остались. Каждая из сторон пыталась использовать принятые решения в своих интересах.

В середине 1870-х годов взаимодействие двух держав характеризовалось напряженностью. В период пребывания у власти второго кабинета Дизраэли возобладали сторонники наступательной политики в Центральной Азии и более жесткого противостояния

продвижению России, которая рассматривалась как угроза британскому господству в Индии [5, с. 184].

4 декабря 1872 года было принято решение о походе на Хиву. 20 мая 1872 года русские войска под командованием Кауфмана заняли Хиву. Хан сбежал, но у России не было планов включать Хиву в состав Российской империи. Поэтому было предложено хану вернуться и вновь занять престол и заключить договор с Россией. Этот договор был заключен в августе 1873 года:

- «1) Сеид-Мухамед Рахим Богадур хан признает себя покорным слугой императора всероссийского. Он отказывается от всяких непосредственных дружеских отношений с соседними владетелями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них<...>
- 8) Все вообще города и селения Хивинского ханства отныне открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность караванов и складов отвечает ханское правительство<...>
- 13) Торговые обязательства между русскими и хивинцами должны быть исполнены свято и нерушимо как с той, так и другой стороны<...>
- 17) Объявление Сеида-Мухамеда Рахима Богадура хана, обнародованное 13-го числа минувшего июня об освобождении всех невольников в ханстве и об уничтожении на вечные времена рабства и торга людьми, остается в полной силе, и ханское правительство обязуется всеми зависящими от него мерами следить за строгим и добросовестным исполнением этого дела» [8, с. 130–134]. Кроме того, в договоре оговаривались условия выплаты России военных издержек, понесенных в ходе войны с Хивой.

В сентябре 1873 года был заключен новый договор между Россией и Бухарой. В нем, в частности, говорилось:

«Статья 1. Пограничная черта между владениями е. и. в. императора всероссийского и его высокостепенства Эмира бухарского остается без изменений.

Статья 5. Все города и селения бухарского ханства открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность русских караванов внутри бухарских пределов отвечает бухарское правительство» [8, с. 135–159].

В 1873 году началось восстание местного населения против Худоярхана, который установил в ханстве режим жесточайшей эксплуатации. Царское правительство решило оказать помощь Худояр-хану в подавлении восстания. Часть кокандских феодалов приняла участие в этом восстании, они поддерживали связи с англичанами, которые пытались использовать это восстание в своих интересах. Восстание было подавлено, и Кокандское ханство было ликвидировано. Под названием «Ферганская область» оно вошло в состав Туркестанского генерал-губернаторства. В 1873 году Россия заключила с Англией соглашение, признав Афганистан сферой влияния Англии.

Продвижение России в Средней Азии очень беспокоило английское правительство: «С 1875 по 1878 г. Англия делала самыя недвусмысленная и самыя враждебныя демонстрации против России с целью повредить ея обаянию и лишить всех удовлетворений, право на которые давали ее бесчисленные жертвы, принесенные русским народом в пользу своих собратьев, томившихся под мусульманским игом» [6, с. 61–62].

А. М. Горчаков 29 апреля 1875 года указывал: «что соперничество между Россией и Англией противоречит обоюдным интересам». Горчаков заверил, что Россия не намерена больше расширять свои владения в Средней Азии» [4, с. 67]. Английское правительство, заинтересованное в том, чтобы Россия поддержала Англию против Германии, старалось убедить Россию в своих дружественных намерениях. Бенджамин Дизраэли (1804–1881) 13 мая писал русскому послу в Англии Петру Ивановичу Шувалову (1827–1889): «Ничто не может помешать России и Англии договориться друг с другом в Азии. Там хватит места для обеих» [4, с. 68].

Англичане вели активную антирусскую политику туркменских племен, особенно они активизировались в 1877 году. Но все попытки организовать туркменских ханов на войну против России Эта активность не осталась незамеченной русским правительством. Было принято решение о захвате этих территорий. Первая экспедиция русских в Туркмению была организована в 1879 году и не принесла успеха. В 1880 году попытка была повторена. В 1881 году войска Михаила Дмитриевича Скобелева (1843–1882) захватили Ахал-Текинский оазис. М. Д. Скобелев разослал воззвание к туркменам: «Объявляю вашему ахалтекинскому населению, что силою войск великого моего государя крепость ваша Геок-Тепе взята и защитники перебиты... могущественного Белого царя пришли сюда не разорять жителей Ахалтекинского оазиса, а, напротив, умирить и водворить в них полное спокойствие с пожеланиями добра и богатства» [7, с. 178–179].

В 1884 году возникли проблемы, связанные с Мервом. Афганские войска захватили Пендж и предъявили на него свои права. Это вызвало негативную реакцию со стороны России. 18 марта 1885 года афганцы были разбиты. Победа была безоговорочной: русские войска потеряли убитыми 9 человек и 35 ранеными [13, с. 205]. Вмешались в конфликт и англичане. При этом конфликт грозил перейти в войну, но удачные дипломатические действия привели к тому, что англичане не получили возможности ввести свой флот в Черное море. Большую роль в этом конфликте сыграла Германия. Отто фон Бисмарк (1815–1898), ввязываясь в этот конфликт, конечно, не предполагал, что он разрешится так, как он разрешился. Он надеялся на то, что конфликт приведет к ухудшению англо-русских отношений и к упрочению позиций Германии. Он писал: «Если бы возник

англо-русский союз, он смог бы в любой момент усилить себя посредством присоединения Франции» [4, с. 205].

Окончательно присоединение Средней Азии к Российской империи было закончено в 1885 году. Формально независимыми оставались бухарское и хивинское ханства, фактически подчинявшиеся Туркестанскому генерал-губернатору.

Изменения в отношении русской политики в Средней Азии пришлись на 60-80 годы XIX столетия, так как реформы, начатые в царствование Александра II, вывели на международную арену не только интересы помещиков, но и нарождавшейся русской буржуазии. Государство теперь должно было защищать интересы не только дворян в лице помещиков, но и появившегося нового класса буржуазии. Развитию капиталистических отношений в России мешала узость российского рынка, поэтому требовалось расширить рынок счет внешних приобретений. за Ближайшими территориями, которые были пригодны для колонизации, была территория Средней Азии, где большинство государственных образований находились на стадии феодальных отношений. В результате к России была присоединена огромная территория, расположенная от Аральского моря до Памира с севера на юг и от Каспийского моря до Тянь-Шаня с запада на восток. Средняя Азия стала колонией России, превратившись рынка сбыта сырьевую базу ИЗ В для промышленности. Захват Средней Азии давал России возможность использовать стратегическое положение противодействия ee для английским планам создать здесь свой оплот для противодействия России. На захваченных территориях были ликвидированы тяжелые феодальные проявления, ликвидировано рабство, усилился процесс проникновения капиталистических отношений, также началось вовлечение среднеазиатских народов в мировой процесс.

Литература

- 1. Афганское разграничение: Переговоры между Россией и Великобританией: 1872–1885. СПб.: М-во ин. дел, 1886.
- 2. *Глуховской А. И.* Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб.: тип. А Груздева, 1867.
 - 3. История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1.
 - 4. История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 2.
- 5. *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.
- 6. *Мартенс* Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Э. Гартье п/ф Кн. скл. «Рос. Библиографа», 1880.
 - 7. Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб.: А. С. Суворин, 1887.
- 8. Сборник договоров России с другими странами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952.

- 9. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1903. Т. 1.
- 10. *Толбухов Е*. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. № 6.
 - 11. Халфин Н. Победные трубы Майванда. М.: Наука, 1980.
- 12. Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М.: Просвещение, 1970.
- 13. *Широкорад А. Б.* Россия и Англия: 50 лет союзники, 450 лет враги. М.: Вече, 2018.

RUSSIA AND ENGLAND IN CENTRAL ASIA IN THE PERIOD OF COLONIZATION IN THE XIX CENTURY

B. V. Safronov

Ryazan State University, Ryazan

The Central Asian region plays an increasingly important role in global politics. China's proposal to create a new Silk Road provides central Asian states with an opportunity to participate in this global project.

It was therefore interesting to consider the emergence of statehood in the region and the participation of other states in the process. First of all, it is of course Russia and England, whose rivalry has long played an important role in shaping the region. The role of these powers in the formation of future modern state entities and the importance of the creation of such regional education should be assessed. The conquest of Central Asia took place in an environment in which politics on the world stage is not only defined by England. Russia, but also other European powers.

Keywords: khanates, statehood, international relations, contradictions, expansion, colonialism, war, conquest of Turkestan.

Об авторе:

САФРОНОВ Борис Витальевич

Рязанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: safronis@yandex.ru.

About author:

SAFRONOV Boris V.

Ryazan State University, Department of General history and international relations, Candidate of Historical Sciences, e-mail: safronis@yandex.ru.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КРИЗИС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Е. А. Николашина

Рязанский государственный университет, г. Рязань

В статье проанализирован кризис верхней палаты Британского парламента 1909–1911 гг. в контексте глобализации, рассмотрен полилог культур по политико-правовым вопросам.

Ключевые слова: парламент, диалог культур, мягкая сила, глобализация, кризис парламентаризма.

В настоящее время термин «мягкая сила» все чаще встречается при рассуждениях о новом мировом порядке. Это термин появился в конце XX века благодаря американскому политологу Джозефу Наему-младшему [6, с. 8]. В 1990 г. им была опубликована одноименная статья в журнале Foreign Policy, в которой он рассуждал об изменении существующего мирового устройства после завершения «холодной войны» [8, р. 153–171]. Дж. Най впоследствии развивал эти идеи, однако восприятие «мягкой силы» как особой силы, основывающейся на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики, по-прежнему занимает ключевую позицию в представленной концепции. «Мягкая сила» противопоставлена «жесткой» силе, которая основывается на принуждении или подкупе. В настоящее время термин стал употребим во многих странах. Часто к нему добавляется термин «умная сила» (smart power), в том случае, если необходимо говорить о сочетании сил «мягкой» и «жесткой» [7, р. 7–9].

В 2012 году президент России В. В. Путин подчеркивал, что «традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой "мягкой силы", есть над чем подумать». В свою очередь Палата лордов Великобритании в парламентскую сессию 2013–2014 гг. создала специальный Комитет по «мягкой силе» и влиянию страны [6, с. 8–9].

Конец XX — начало XXI в. характеризуется значительными изменениями в мировом порядке. В настоящее время активно продолжает происходить глобализация мировых процессов не только политического, экономического, но и общественно-социального характера. Новое глобальное общество определяет и новые качества личности, которая должна быть готова к продуктивному взаимодействию с представителями различных культур в условиях поликультурного мира. Ведущие ученые различных

научных направлений ведут разговор о многоликости новой глобальной культуры. При этом американский социолог П. Бергер и политолог С. Хантингтон строят свое предположение на том, что глобализация ведет к унификации культур: «... термин "глобализация" вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной» [4, с. 6]. При этом сами авторы говорят о том, что унификации культур не происходит. Глобальная культура не просто не заменяет национальную, но способствует ее развитию.

В рамках данной статьи остановимся на опыте Великобритании. С наступлением XX века серьезные изменения произошли относительно мирового положения Британии, а также они затронули принцип стабильности британского общества — парламент. Вопрос о целесообразности модернизации парламентского механизма, а в особенности Палаты лордов, занимал одно из центральных мест в политической повестке дня и был предметом острой межпартийной борьбы. Целью данных изменений было приведение его в соответствие с постоянно изменяющимися политическими и социально-экономическими условиями рассматриваемого периода.

То, что начало XX века стало переломным периодом в истории Великобритании, было обусловлено не только утратой ею роли мирового промышленного лидера, но и внутренними процессами, которые были связаны с демократизацией избирательного права. Власти были вынуждены найти эффективные пути решения социальных проблем. Правление либералов в 1906–1911 гг. отчетливо продемонстрировало эту тенденцию. Впервые в законодательной практике страны были подняты вопросы пенсионного обеспечения престарелых и социального страхования незащищенных категорий граждан, что стало первыми шагами на долгом пути к будущему курсу на становление государства всеобщего благоденствия. Существовал также второй, не менее любопытный фактор — трансформация партийной доктрины на основе нового либерализма. В рассматриваемый период сформировалась новая самостоятельная парламентская сила — лейборизм, — что также обуславливает внимание к фактически последнему историческому пику активности либералов [10].

По своему социальному составу Палата лордов была, по сути дела, продолжением консервативной партии. В случае, когда консерваторы оказывались в парламенте в меньшинстве и, соответственно, терпели поражение по какому-либо важному вопросу, Палата лордов обеспечивала защиту одной из борющихся сторон, используя свою сдерживающую функцию. Таким образом игнорировался сам смысл двухпалатности парламента [1, с. 110].

Наследственная верхняя палата всячески ограничивала законодательную деятельность Палаты общин, поскольку имела возможность отклонить любой её законопроект. Такое положение дел не могло устраивать буржуа-

зию, вынуждая мириться с привилегированным положением лендлордов. Внесенный проект перераспределения парламентских полномочий был призван укрепить политические позиции промышленной буржуазии [3, с. 144–145], в связи с чем встретил ожесточённое сопротивление лордов. Подобная реакция позволила либеральному кабинету урезать полномочия верхней палаты — был представлен знаменитый парламентский билль, который значительно ограничил конституционные права лордов.

Некоторые представители консервативной партии увидели в ограничении вето признаки социалистической угрозы. Говорили о том, что либералы, «ненавистники принципа наследственности», устранив лордов со своего пути, нацелятся на более значимый наследственный институт — монархию. Главное темой в дебатах стал вопрос о манипулировании голосами избирателей и искажении воли народа. Либералы отстаивали доктрину мандата. Они воспринимали ее как поддержку большинством избирателей предвыборной платформы своей партии на всеобщих выборах. Тори всячески оспаривали ее, тем самым показывая, что правящая партия получила мандат не на парламентский билль и гомруль, а на продолжение фритреда. Кто-то делал акцент на царившей в обществе апатичности. Юнионисты, в свою очередь, отвергали саму теорию мандата, которую считали бессмысленной в условиях, когда проигравшая партия представляла почти половину электората.

Необходимость реформирования парламента была вызвана не столько изъянами верхней палаты, сколько недостатками репрезентативной системы и доктрины мандата. Тори продолжали отстаивать полномочия и непогрешимость верхней палаты. Приводились «доводы» о том, что Палата лордов отвергает только законопроекты, «никому не доставлявшие удовольствия» [3, с. 149]. Консерваторы настаивали на том, что независимая Палата лордов с полными полномочиями должна остаться высшей апелляционной инстанцией в законотворчестве. Несмотря на совершенные несущественные демократические преобразования состава и незначительное повышение ее авторитета, сохранялась наследственность аристократии, что в свою очередь гарантировало лидирующее положение Палате общин, избираемой всенародно. Говорить о возможности компромисса было уже невозможно. Правительство предупредило, что парламентский билль должен быть принят в неизменном виде. Министры объединили либералов, ирландцев и лейбористов в коалиционный лагерь защитников реформы и, уже сообща, критиковали альтернативные предложения консерваторов.

Либеральные реформы «тормозились» лордами, которые рассматривали билль как препятствие для последующего законодательства. Таким образом, билль не был самоцелью, но лишь инструментом, без которого был бы невозможен дальнейший прогресс. Партия руководствовалась исключительно созидательными мотивами.

Парламентский билль удовлетворял насущные потребности правящей партии и открывал большие перспективы для воплощения мечты националистов. Трудовики также воспринимали его вполне приемлемо благодаря

тому, что правительство отказалось от изначально планируемых немедленных решений по вопросам реформирования состава верхней палаты. Конфликта в среде либералов между сторонниками одно- и двухпалатной систем избежать было бы невозможно. Невозможно было бы и добиться полного расположения лейбористов, которые хоть и заявляли, что билль не отвечает всех их чаяньям и стремлениям избавиться от второй палаты в полной мере, но признавали проект «конкретным практическим предложением», возвращавшим людям «хартию свободы» [9, р. 50].

23 мая 1911 г. утвержденный общинами билль был передан второй палате. Дебаты были беспрецедентно остры. Судьба проекта окончательно решилась 9–10 августа, когда поставленные в известность о гарантиях, данных премьер-министру королем Георгом, лорды предпочли правительственную меру созданию огромного количества либеральных пэров, которые смогли бы уже сейчас, без двухлетней задержки, провести гомруль. Голоса распределились следующим образом: 131 — за реформу и 116 — против. Большинство же влиятельных членов верхней палаты во главе с Ленсдауном воздержались от вотирования. Подобный ультиматум кабинета был вполне ожидаем.

Так был утвержден билль, получивший название «Акт о парламенте для определения отношений между Палатой лордов и Палатой общин и для ограничения срока полномочий парламента 18 августа 1911 года», ставший результатом парламентского кризиса начала XX века. Поводом к реформированию парламента послужил конфликт правительства с Палатой лордов, которая отклонила предложенный правительством и утверждённый Палатой общин бюджет. А в итоге встал вопрос о самом существовании Палаты лордов. Выход был найден в реформе парламента, ограничившей права верхней палаты. Люди без личного состояния — мелкая буржуазия, интеллигенты, рабочие — получили объективную возможность претендовать на место в Палате общин.

Оттеснив на второй план Палату лордов и контролируя большинство в Палате общин, правительство превращалось в главный орган государственной власти, возвышавшийся над парламентом [1, с. 116].

Едва завершился конституционный кризис, приведший к принятию Акта 1911 г. и лишению Палаты лордов права наложения абсолютного вето на публичные законопроекты, как король Георг V столкнулся с еще более суровым конституционным кризисом, который впервые за почти три столетия вывел на первый план возможность начала гражданской войны в Британии. Новый кризис был порожден положениями Акта 1911 г. Лишение Палаты лордов абсолютного вето заставило вновь поднять вопрос о самоуправлении Ирландии, который до того времени всегда блокировался верхней палатой. Ирландские националисты сыграли значительную роль в политическом содействии либеральному правительству, главным условием которого было внесение либералами и обеспечение прохождения через парламент законопроекта о гомруле для Ирландии при первой возможно-

сти, а такая возможность реально появилась только после принятия Акта 1911 г.

Консерваторы были настроены решительно против законопроекта и даже добавили к своему противостоянию самоуправлению Ирландии конституционный аргумент. Они заявили, что после принятия Акта о Парламенте возник пробел в Конституции, имея в виду преамбулу, гласившую о временном положении верхней палаты парламента. Консерваторы утверждали, что до тех пор, пока такая палата, сформированная на основе народного представительства, не создана, Конституция оставалась неопределенной, испытывая недостаток сдержек и противовесов, и что именно король должен был заполнить этот вакуум либо путем использования права вето на законопроект, либо путем использования своей прерогативы роспуска министров, если они откажутся провести всеобщие выборы до появления гомруля в своде законов.

Конституционный кризис, связанный с законопроектом о самоуправлении Ирландии, окончательно расставил всех игроков на конституционном и законодательном поле Британии по своим местам, и подобное разделение функций сохранилось по сей день. Монарх, хотя и рассматривал возможность наложения вето на законопроект, которое не применялось до него два столетия, тем не менее не сделал этого. Впоследствии вопрос отказа в даче королевской санкции вообще всерьез не рассматривался в конституционной и законодательной практике Британии. После 1914 г. монарх больше не сталкивался с такими кризисами в законодательной сфере, как в начале века. Палата лордов так и оставалась в том «временном» виде, как это закреплено в Акте 1911 г., практически до конца XX столетия. Полномочия верхней палаты парламента по сей день остаются теми же, которые закреплены в Актах о Парламенте 1911 и 1949 гг. Палата общин с каждым годом и увеличением электората превращалась из нижней палаты по названию в верхнюю палату де факто по своим полномочиям и влиянию. Положение Палаты лордов сильно пошатнулось, но она, тем не менее, хотя и с ограниченными полномочиями, продолжила свое существование и влияние на управление государством.

Акт о правительстве Ирландии, закрепивший вопросы самоуправления, стал первым Актом, принятым без согласия верхней палаты в соответствии с процедурой, установленной Актом 1911 г.

Конституционный кризис был преодолен с принятием парламентского акта, который стал важной вехой в развитии британского государства. Значимость нововведения не получила единой оценки в исторической литературе. К. Б. Виноградов считал, что хотя закон и ограничивал право вето Палаты лордов, он сохранил за ней серьезные возможности препятствовать любым прогрессивным мероприятиям [2, с. 129]. К. Кук также высказывал убеждение, что созданные условия оказались неблагоприятными для последовавших либеральных биллей спорного характера. К примеру, два правительственных проекта — об отделении церкви от государства в Уэльсе и об отмене «множественного голосования» — были дважды отвергнуты

лордами и могли пройти в третьей сессии в 1914 г., но этому воспрепятствовало начало войны. Просчет либералов, следовательно, заключался в том, что по парламентскому акту законотворчество затягивалось на три года. За это время могло произойти многое. Другие ученые иначе расставляли акценты. Н. Блюитт, признавая новые процедуры громоздкими и обременительными, все же подмечал, что они позволили сделать первые шаги к решению проблем Уэльса и Ирландии. В самом деле, благодаря им осталось меньше принципиально неразрешимых противоречий и тупиковых вопросов. Несомненно, центральным моментом являлось то, что реформа зафиксировала лидирующее положение общин – органа, представлявшего нацию. Как написал К. В. Эпштейн, данный закон превратил британскую конституцию в действительно демократический инструмент [3, с. 147]. Вместе с установлением платы депутатам в 1911 г., которая открыла путь в политику людям скромного достатка, парламентский акт знаменовал процесс неизбежной в условиях расширения избирательного права демократизации власти.

Вхождение России в международное экономическое, социокультурное и образовательное пространство, которое активно происходит в настоящее время, обусловливает все повышающийся спрос на высококвалифицированных специалистов гуманитарного профиля. Изучение истории, выявление очевидных и неявных мотивов коренных трансформаций исторически устойчивых институтов способствует осознанию значимости событий не только для изучаемой страны, но и для глобального общества. Участником эффективного полилога культур может стать только понимающая особенности современной социокультурной среды личность. Существующая необходимость развития умения общаться на межкультурном уровне, повышения значимости гуманитарного образования во всем мире вызывает новые подходы к образовательному процессу по всему миру [5, с. 161].

В современном противоречивом межнациональном мире присутствует ярко выраженная необходимость самоидентификации с определенным единством с целью культурной трансляции от поколения к поколению. Все чаще вопросы истории рассматриваются в коммуникативном и социокультурном пространстве. Поликультурное образование предполагает самопознание посредством познания и изучение опыта иных стран, прочих культур, различий и единств в культурах, толерантное отношение к существующим культурным различиям.

Литература

- 1. Алексеев Н. А. Палата лордов британского Парламента: от Суда короля Эгберта до революции премьера Т. Блэра. 825–2003. М.: БЕК, 2003.
 - 2. Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970.
- 3. *Литвинова Е. А.* Историко-правовые аспекты парламентской реформы в Великобритании в начале XX века. Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Рязань, 2010.

- 4. Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантигтона. М.: Аспект Пресс, 2004.
- 5. Николашина Е. А. Социокультурное пространство развития коммуникативной компетентности будущих педагогов // Язык и коммуникация в контексте культуры: сборник научных трудов по итогам XI Межвузовской научно-практической конференции (22–23 мая 2019 г., г. Рязань). Киров: АНО ДПО «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании», 2019.
- 6. *Харитонова Е. Н.* «Мягкая сила» в Великобритании. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
 - 7. Nye J. Smart power // New Perspectives Quarterly, 2009. Vol. 26. № 2.
 - 8. *Nye J.* Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171.
- 9. Speaking for Themselves. The Personal Letters of Winston Churchill and Clementine Churchill. L.: Doubleday, 1998.
- 10. *Tanner D*. The Strange Death of Liberal England // The Historical Journal. Dec. 1994. Vol. 37. № 4.

PARLIAMENTARY CRISIS IN GREAT BRITAIN AT THE BEGINNING OF XX CENTURY IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE DIALOGUE OF CULTURE

E. A. Nikolashina

Ryazan State University, Ryazan

The analysis the Parliamentary crisis of 1909–1911 is given according to the current globalized processes. The multilogue of cultures on the law and policy questions is studied.

Keywords: the Parliament, the culture dialogue, soft power, globalization, parliamentary crisis.

Об авторе:

НИКОЛАШИНА Екатерина Анатольевна

Рязанский государственный университет, кафедра иностранных языков, кандидат исторических наук, e-mail: e.nikolashina@365.rsu.edu.ru.

About author:

NIKOLASHINA Ekaterina Anatolyevna

Ryazan State University, Department of Foreigh Languages, Candidate of Historical Sciences, e-mail: e.nikolashina@365.rsu.edu.ru.

КОНЦЕССИОННЫЙ ЗАЕМ ОБЩЕСТВУ «ЛЕНА-ГОЛДФИЛДС» (1935 Г.) КАК ФОРМА АНГЛО-СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Соколов

Рязанский государственный радиотехнический университет, г. Рязань

В статье рассматривается концессионная политика советского государства в контексте развития англо-советских экономических связей. Анализируется мнение большевистского руководства по этому вопросу. Особое внимание уделено выпуску и реализации беспроцентных обязательств СССР в пользу Общества «Лена-Голдфилдс».

Ключевые слова: Великобритания, концессия, нэп, концессионный заем, англо-советский договор, руководство ВКП(б.)

В 1920-е гг. предоставление концессий явилось основной формой взаимодействия советского государства с зарубежным капиталом. В 1925 г. советское правительство заключило концессионный договор с компанией «Лена-Голдфилдс Лимитед» (The Lena-Goldfields Limited), образованной четырьмя английскими фирмами, имевшими до революции в России шахты и предприятия. Основными сферами ее деятельности были: горнодобывающая промышленность, золотодобыча и выплавка цветных металлов. «Лена-Голдфилдс» была одной из самых больших концессий, управлявшая отдельными, широко разбросанными комплексами в Сибири, на Алтае и на Урале. Она получила разрешение на разработку на Лене золотопромышленности. По договору компания должна инвестировать в экономику СССР не менее 22 млн рублей [1, с. 124]. Через девять лет договор с «Лена-Голдфилдс» был официально расторгнут. Этому предшествовало ухудшение советско-английских международных отношений, негативная оценка со стороны партийно-государственного концессий. предвзятое отношение западных ЦК ВКП(б), который еще в 1924 г. указывал, что договор с «Лена-Голдфилдс» создаст «крайне нежелательный прецедент, могущий связать нас по рукам и ногам в предстоящих переговорах с буржуазными правительствами и группами капиталистов» [9, с. 67]. И лишь затем, после того как нарком внешней торговли Л. Б. Красин конкретно раскрыл плюсы для СССР при заключении этого договора, Сталин снял свои возражения. В начале 1930 г. «Лена-Голдфилдс» предъявила советскому правительству иск в третейском суде. 24 августа 1930 г. Сталин в письме к Молотову интересовался: «Как "Лена-Голдфильдс"?» [3, с. 204]. Через несколько лет, когда английская фирма решила прекратить свои функции, речь пошла об условиях передачи концессионного предприятия правительству СССР. Об этих условиях Молотов и Жданов подробно извещали Сталина 15 октября 1934 г., когда тот был в отпуске. В письме на имя генсека Молотов писал: «Наше последнее предложение "Лене" было 2 млн фунтов с рассрочкой на 20 лет из 4%, что в итоге дает 2 819 тыс. фунтов. После долгой торговли Маршал предложил уплатить начальную сумму 3 млн фунтов в течении 20 лет...» [5, л. 30]. На другой день Сталин ответил: «Насчет "Лены" согласен». О ходе переговоров с представителем «Лена-Голдфилдс» Артуром Маршалом председатель Главного концессионного комитета при СНК СССР В. А. Трифонов извещал Сталина, Молотова и Литвинова еще 14 октября того же года [10, с. 223–224]. Политбюро ЦК на протяжении сентября – октября 1934 г. несколько раз рассматривало вопрос о «Лене-Голдфилдс» [4].

Национальное правительство Макдональда внимательно следило за переговорами советского правительства с английской фирмой. В начале марта 1934 г. полпред СССР в Великобритании И. И. Майский в телеграмме, направленной в НКИД, сообщал относительно заседания в палате общин: «Очень хорошую речь произнес консерватор Бутби, поставивший крест над царскими долгами и призывавший к англосоветскому сближению как лучшей гарантии всеобщего мира. Он, равно как и многие другие, однако, настаивал на необходимости скорейшего урегулирования дела "Лена Голдфилдс", усматривая в нем в настоящее время главное препятствие к созданию более дружественной атмосферы между нами и Англией» [2, с. 167]. 4 ноября 1934 г. руководитель комиссариата иностранных дел Литвинов направил Майскому телеграмму: «Соглашение с компанией «Лена-Голдфилдс» сегодня [2, с. 380]. Согласно договору между Главным концессионным комитетом при СНК СССР и обществом «Лена-Голдфилдс» все предприятия «Лена-Голдфилдс» в СССР со всеми строениями, оборудованием, сырьем, топливом и другими материалами, а также все полуфабрикаты и готовые изделия, все дебиторские счета и другие требования к третьим лицам переходили Советскому правительству. Правительство уплатить обществу «Лена-Голдфилдс» 3 млн стерлингов, без начисления каких-либо процентов, в период с 1 мая 1935 г. по 1 ноября 1954 г. 11 января 1935 г. «Лена-Голдфилдс» уведомила Главный концессионный комитет о ратификации договора общим собранием акционеров общества; СНК СССР утвердил договор 9 марта 1935 г. В постановлении СНК СССР Народному комиссариату финансов поручалось уплатить обществу 3 млн фунтов стерлингов, из которых 50 тыс. фунтов путем перевода и 2 млн 950 тыс. фунтов обязательствами от имени правительства СССР [6, л. 156].

В марте 1935 г. НКФ СССР выпустил беспроцентные облигации в пользу фирмы «Лена-Голдфилдс» на общую сумму 2 млн 950 тыс. фунтов стерлингов. Оплата по этим облигациям производилась два раза в год — 1 мая и 1 ноября. Местом платежа являлся Московский Народный банк в Лондоне. 21 марта 1935 г., в день вступления в силу договора о

прекращении концессии, председатель Главконцесскома В. А. Трифонов направил письмо в Сектор валюты и Внешней торговли НКФ, в котором сообщал, что 50 тыс. фунтов стерлингов должны быть переведены в Лондон не позднее семи дней со дня вступления договора в силу. Первый срок платежа обязательств назначался на 1 мая 1935 г. на сумму 92 500 фунтов стерлингов [6, л. 175]. Через три дня НКФ направил записку в коммерческий отдел Гознака с просьбой изготовить 2 848 обязательств номиналом 1 000 фунтов стерлингов и 95 обязательств по 100 фунтов стерлингов, содержащих текст на русском и английском языках с условиями выпуска данных государственных обязательств [6, л. 163].

Спустя год Общество «Лена-Голдфилдс» сообщило в Главконцесском при СНК о передаче части беспроцентных обязательств СССР ряду частных лиц и организаций, среди которых были крупнейшие британские банки: Чамберс Банк, Вестминстер Банк, Мидлэнд Банк, Ллойдс Банк [7, л. 18, 28]. В конце 1935 г. по поручению заместителя Госбанка СССР А. Сванидзе Моснарбанк купил у «Лена-Голдфилдс» облигаций на сумму 396 тыс. фунтов стерлингов с дальнейшей перепродажей их другим английским банкам [8, л. 91]. Несмотря на действия Госбанка по поддержке курса обязательств СССР за рубежом, иностранные владельцы стремились избавиться от этих ценных бумаг. В октябре 1940 г. в адрес Роскомбанка из Нью-Йорка поступила телеграмма о том, что крупные держатели заинтересованы в продаже обязательств «Лена-Голдфилдс» на несколько сот тысяч фунтов срочных в мае и ноябре 1941 и 1942 годов [8, л. 148].

В связи с началом Второй мировой войны платежи по обязательствам были приостановлены. Однако в апреле 1941 г. директор Оперативного отдела УИНО Госбанка Зайцев сообщал начальнику УИНО Правления Госбанка П. М. Чернышову, что последний платеж по обязательствам Правительства СССР Обществу «Лена-Голдфилдс», срочным 1 ноября 1940 г. в сумме 92 500 фунтов стерлингов согласно распоряжению Председателя Правления Госбанка СССР т. Булганина был зачислен на особый счет в Оперативном отделе УИНО [8, РГАЭ. Ф. 2324 Оп. 34. Д. 639. л. 165]. В справке по концессии «Лена-Голдфилдс», составленной главным бухгалтером УИНО НКФ Н. Хлыновым в октябре 1949 г., отмечалось, что зачислено на блокированный счет в УИНО с 1 ноября 1940 г. 1 327 500 английских фунтов, остается к погашению 605 тыс. английских фунтов [8, л. 235].

В послевоенный период в совместном заявлении Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона от 12 февраля 1967 г., в частности, говорилось; «Оба Правительства договорились об окончательном урегулировании взаимных имущественных и финансовых претензий, которые возникли между Советским Союзом и Соединенным Королевством после 1 января 1939 г. и были предметом переговоров в течение последних лет, и обязуются не предъявлять друг другу, а также не поддерживать этих претензий в

дальнейшем. 5 января 1968 г. посол СССР в Великобритании М. Н. Смирновский и министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун подписали в Лондоне соглашение об урегулировании взаимных претензий, включая претензии общества "Лена-Голдфилдс"» [2, с. 827].

Литература

- 1. *Балашов А. М.* Возрождение и развитие предпринимательства в России в период нэпа (государственно-частное партнерство с участием иностранного капитала). Старый Оскол: ТНТ, 2012.
- 2. Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М.: Политиздат, 1971.
- 3. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995.
- 4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 953, 954.
 - 5. РГАСПИ. Ф. 538. Оп. 11. Д. 51.
- 6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 13. Д. 419.
 - 7. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 419.
 - 8. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 639.
- 9. *Хромов С. С.* Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920–1926. М.: ИРИ РАН, 2001.
- 10. Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

THE ISSUE OF INTEREST-FREE BONDS IN FAVOR OF THE LENA-GOLDFIELDS COMPANY AS A FORM OF ANGLO-SOVIET ECONOMIC COOPERATION

A. S. Sokolov

Ryazan state radio engineering University, Ryazan

The article deals with the concession policy of the Soviet state in the context of the development of Anglo-Soviet economic relations. The opinion of the Bolshevik leadership on this issue is analyzed. Special attention is paid to the issue and implementation of the interest-free obligations of the USSR in favor of the company «Lena-Goldfields».

Keywords: Great Britain, concession, NEP, concession loan, Anglo-Soviet Treaty, leadership of the VCP (b).

Об авторе:

СОКОЛОВ Александр Станиславович

Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, кафедра истории, философии и права, доктор исторических наук, e-mail: falcon140770@yandex.ru.

About author:

SOKOLOV Aleksander Stanislavovitch

Ryazan state radio engineering University named after V. F. Utkin, Department of history, philosophy and law, Doctor of Historical Sciences, e-mail: falcon140770@yandex.ru.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНИЕ ВЕКА, РАНННЕЕ НОВОЕ, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(3)

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА АВРЕЛИАНА В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ю. В. Куликова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

В середине III в. н. э. Римская империя оказалась в политическом хаосе, а внешние и внутренние проблемы лишь усугубляли ситуацию, поставив государство на грань разрушения. Провозглашаемые императоры вынуждены были направлять все силы и средства для предотвращения вторжений германцев на Западе и войны с Сасанидами на Востоке. В этих условиях внутренние проблемы зачастую отходили на второй план, но именно это стало одной из причин проявления сепаратизма, фактически разделившего империю. Когда к власти приходит честолюбивый военачальник Аврелиан, ситуация коренным образом меняется. Новому императору за пять лет своего правления удалось не только восстановить единство империи, но и провести ряд крупных реформ. Однако в античной и раннесредневековой историографии складывается весьма неоднозначный образ этого римского императора, и порой весьма трудно отделить недостоверные факты от истины.

Ключевые слова: Римская империя, Аврелиан, император, историография, правление, армия.

Император Аврелиан занимает особое место в истории императорского Рима. После долгих лет кризиса, политической неразберихи и практического раскола империи, к власти пришел человек, который за короткий период своего правления сумел найти путь выхода из тяжелейшей ситуации, сложившейся в Римском государстве, восстановив его целостность.

На время правления императора Аврелиана приходятся не только масштабные военные действия, но и крупные реформы. Казалось бы, выдвинутый войсками очередной претендент на императорскую корону, но ему удалось найти давно утерянное согласие между армией и сенатом, между императорской властью и римской аристократией, теми крупными землевладельцами, которые составляли сенаторское сословие и были категорически против реформ, проводимых так называемыми «солдатскими» императорами, которые скорее стремились отнять спорные экзимированные земли и запустить руку в очередной раз не только в эрарий, но и в собственность аристократов, чтобы угодить требованиям армейских кругов.

Очевидно, что античная историография этого периода должна была подробно описать деяния императора Аврелиана, тем более что именно к этому римскому правителю у античных авторов не было претензий в отсутствии должного внимания к делам благополучия государства. Однако, напротив, достоверных подробностей его жизни чрезвычайно мало. Безусловно, в этой связи чрезвычайно важно понимать, что документов касательно периода третьей четверти III в. практически не сохранилось. Проблема заключается также и в нарративных источниках, которые по большей части сохранились фрагментарно, а некоторые вообще не дошли до нас. В первом случае примером может служить «Хроника» греческого историка III в. Дексиппа, а во втором – несохранившаяся общая история Римской империи, следы которой прослеживаются в трудах многих римских историков. В то же время более поздние источники – работы византийских и раннесредневековых авторов - часто опираются на свидетельства несохранившихся трудов, поэтому к фактам, предоставляемым ими, стоит относиться с достаточной долей критики и, в частности, сведениям, касающимся биографии императора Аврелиана. Кроме того, в трудах Отцов Церкви можно заметить явный субъективизм. Это и понятно, император Аврелиан фактически начал переход к новой системе управления и провел религиозную реформу. Его титул на монетах и надписях приравнивает его к сонму богов, а для подданных он теперь совсем не равный среди равных – Domino et Deo Nato [10, 35–36]. Для христиан же мог быть только один бог и только один господин, стоящий над ними, в этом и заключается негативное отношение к императору Аврелиану Отцов Церкви.

Причина отсутствия информации об императоре может скрываться в исторической ситуации, сложившейся в Римском государстве в этот период. Нестабильность власти, постоянные военные действия и, соответственно сменяющиеся военачальники и полководцы, о которых подчас ничего не было известно. Поэтому когда Аврелиан неожиданно оказался облачен в пурпур, знавшие его Клавдий и его брат Квинтилиан и, возможно, другие полководцы, ставшие узурпаторами, умерли, а сенаторы могли знать только по слухам о полководце, непрерывно воевавшем на Дунае. Стоит предположить, что Аврелиан вообще мог не бывать в Риме и даже в Италии до этого момента. Именно этим можно объяснить его неожиданный военный просчет во время вторжения ютунгов через Дунай на Апеннинский полуостров, когда император не мог предусмотреть маневра германского племени, устремившегося к самому Риму, он просто не был знаком с особенностями географии Италии. Интересно, что после своего провозглашения Аврелиан оставался покровителем придунайских земель, что отражено на монетах в его титуле GENIUS ILLYRICI [10, 111].

Если говорить о внешности Аврелиана, то наиболее объективным источником могут служить монеты этого римского императора, хотя в письменных источниках и присутствует его описание, но бюстов и статуй, которые ученые однозначно относят к Аврелиану, не сохранилось.

Иконография монет представляет нам портрет сурового неулыбчивого мужчины худощавой внешности, без малейшего намека на мягкость в характере, о чем свидетельствует твердая линия подбородка, подчас особо подчеркиваемая античными художниками, и напряженный взгляд глубоко посаженных глаз [10, 6; 138; 154]. На всех монетах Аврелиан изображается не с бородой, ставшей привычным атрибутом со времен императора Адриана, а с легкой щетиной, что указывает на достаточно педантичное отношение человека к чистоте. Даже по-военному короткая стрижка кажется излишне укороченной, ведь на изображениях других императорах можно увидеть более длинные волосы, кудри, хотя, скажем, тот же Клавдий II Готский, видимо, близкий друг и соратник Аврелиана, также коротко стригся, но и на его портретных изображениях подчас можно увидеть длинные пряди волос, ниспадающие на шею, и даже достаточно густую бороду, что в иконографии Аврелиана вообще не наблюдается. Можно сказать, что так называемые «иллирийские императоры», к которым относят и Клавдия II, и Аврелиана, вводят новую моду, которая не менялась со II в. н. э., т. е. со времени правления династии Антонинов. Новый образ императора с короткой стрижкой и легкой щетиной, видимо, в официальной пропаганде должен был подчеркивать собранность и деловитость правителя, которому некогда заниматься посторонними делами, и который полностью погружен в заботы о процветании и безопасности государства.

Высокий лоб Аврелиана на всех изображениях прорезан линиями морщин [10, 73]. Удивительно, но такие подробности внешности обычно не отмечаются на более ранней иконографии. Аврелиан имел высокие скулы и красивую линию бровей, которые достаточно выразительно окаймляют глаза [10, 1; 6]. Стоит отметить внимание художников той эпохи к этим нюансам внешности императора, которую они явно хотели подчеркнуть в портретном изображении. Особое мощное сложение они акцентируют благодаря мощной шее императора [10, 62–63]. В этой связи сведения античных авторов лишь добавляют необходимые нюансы: «...Аврелиан имел привлекательную внешность, отличался мужественной красотой; он был довольно высокого роста, обладал очень большой телесной силой...» [11, XXVI, 6, 1].

Наиболее полную информацию об императоре Аврелиане, по идее, должны предоставить Биографии римских августов, которые были написаны в IV в., однако вместо характеристики правления автор пускается в пространные размышления о биографическом жанре, о важности происхождения и приводит многочисленные письма, с которыми якобы он ознакомился практически случайно в Ульпиевой библиотеке.

«...главное знать не то, где родился каждый из них, а то, каким правителем он был» [11, XXVI, 3, 3), вероятно, это прекрасное оправдание отсутствию фактов.

Флавий Вописк Сиракузянин не уверен в информации о происхождении императора Аврелиана, поэтому даже не уверен в ее достоверности. По его словам, среди других нет единого мнения о месте рождения Авре-

лиана – то ли в Сирмии, то ли в прибрежной Дакии [6, IX, 13; 9, XXXV, 1; 11, XXVI, 3]. Возможно, в случае с Сирмием античный автор смешал сведения с Диоклетианом, также относящимся к династии «иллирийских» императоров и разместившим там свою резиденцию, с другой стороны, значение Сирмия стало столь велико, что он не только был резиденцией некоторых императоров и местом проведения церковных соборов, в этом городе император Аврелиан разместил один из своих монетных дворов [1]. В современной историографии Сирмий считается местом рождения таких выдающихся императоров, как Деций, Клавдий Готский и его брат, Аврелиан, Диоклетиан и ряда других императоров, однако никаких точных доказательств этому не существует. Следует обратить на внимание на замечание биографа императора Флавия Вописка Сиракузянана, которое могло бы пройти незамеченным, но в свете вышеуказанной информации неожиданно становится актуальным: «Случается, что родина людей, происходивших из незначительных мест, неизвестна, и они по большей части сами придумывают себе родину, чтобы благодаря славе, которой окружены эти места, придать себе блеск в глазах потомства» [11, XXVI, 3, 2].

Вполне очевидно, что придунайские провинции для Аврелиана были наиболее знакомы, он прекрасно ориентировался по течению Дуная, и не раз использовал это для предотвращения нападения германцев, в то время как Италия была для него менее или совсем незнакома. Поэтому стоит согласиться с мнением М. Гранта [1], что Аврелиан происходил из этого района, и сообщение Флавия Вописка Сиракузянина и Евтропия о месте рождения – прибрежная Дакия наиболее достоверно, хотя в III в. этот район назывался Нижняя Мёзия.

Что касается его семьи, то тот же Флавий Вописк предоставляет информацию о низком происхождении Аврелиана, но тактично написав, что его родители весьма небольшого достатка [11, XXVI, 4, 1]. Античный автор говорит об этом уверенно, но с некоторым сожалением, что объясняется ситуацией, сложившейся в государстве в этот период, когда императоры именно простого происхождения порой делали для Империи гораздо больше, чем аристократия.

Псевдо-Аврелий Виктор упоминает, что Аврелиан сын отца среднего достатка «genitus patre mediocri» [9, XXXV], но одной из причин, подтолкнувших Аврелиана пойти на службу, вероятно, была именно бедность, о чем проскальзывает упоминание в его биографии [11, XXVI, 15, 2]. Псевдо-Аврелий Виктор не уверен в достоверности остальных сведений, касающихся семьи императора, поэтому и вставляет фразу «как некоторые передают», что отец Аврелиана – колон в поместье сенатора Аврелия между Дакией и Македонией «...ut quidam ferunt, Aurelii clarissimi senatoris colono inter Daciam et Macedoniam...» [9, XXXV]. Также известно, что у Аврелиана была сестра, а также племянник [9, XXXV, 9] или племянница [11, XXVI, 36, 3]. Нет сведений о происхождении Аврелиана ни у Зосима, ни у Павла Орозия, ни у Зонары. Кажется, авторы, столь предвзято относившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам, акцентируя внимание на их происсившиеся к более ранним императорам и происсившиеся к более ранним императорам и происсившиеся к более ранним императорам и приметорам и пр

хождении, более не считают эти сведения важными. И это действительно так. В глазах античных историков этого периода гораздо важнее происхождения того, кто облачается в пурпур, его деяния, то, что он сделал для государства. Эту мысль подтверждают слова Флавия Вописка Сиракузянина о том, что при описании деяний великих государей, главное знать не то, где он родился, а то, каким правителем он был [11, XXVI, 3, 3], ведь, продолжает он, разве менее знаменитым окажется Аристотель из Стагиры, родившийся в незначительном поселении, в то время как великие достижения в области философии возвели его до небес.

Вполне возможно, что когномен Аврелиан появился позднее после его усыновления, а его настоящее имя Домиций, которое, кстати, имеет достаточно древние корни и относится к плебейскому роду. Поэтому вопрос о социальном статусе императора Аврелиана достаточно дискуссионный, а этническое происхождение остается неизвестным. Если его родной отец являлся колоном, то можно предположить, что в нем текла кровь одного из германских племен. Еще со времен Марка Аврелия императоры расселяли побежденных германцев в качестве своих колонов [3, с. 43]. Известно, что многие из императоров третьего столетия имели так называемое чисто «варварское» происхождение, или уже романизированное. Последний вариант более спорный, ведь ни он, ни его родной отец и мать явно не являлись римскими гражданами, кроме того, возможно его мать имела восточные корни, как сообщают античные авторы, она являлась жрицей сирийского культа солярного божества [11, XXVI, 4, 3]. Неизвестно, оставались ли его родители живы к моменту усыновления Аврелиана, но в результате он получил римское гражданство, хотя это произошло уже после того, как он поступил на службу в римскую армию и даже успел отличиться доблестью и храбростью [11, XXVI, 11]. Будущий император был женат, и, хотя он имел единственную дочь, его семья, судя по всему, была необычайно крепкой [11, XXVI, 42; 50, 2]. Ни один из античных авторов и даже раннехристианских ни разу не укоряет Аврелиана в развратном или распущенном поведении ни до провозглашения его императором, ни после облачения в пурпур, мало того, упоминают о его сдержанности [11, XXVI, 5, 1]. Все это свидетельствует о его преданности не только слову, но и брачным клятвам. В биографии самого Аврелиана приводится интересный сюжет. согласно которому он единственный из всех жестоко наказал за прелюбодеяние одного воина, подвергнув его страшной казни [11, XXVI, 7, 4].

Античные авторы акцентируют внимание на физических качествах императора, на его исключительных природных дарованиях [11, XXVI, 4, 1]. Биограф Аврелиана упоминает о большой телесной силе, которой обладал этот человек [11, XXVI, 6, 1], а Аврелий Виктор — о его моральной силе, которая особо проявлялась через суровость и неподкупность [4, XXXV, 11], но при этом его строгость, по мнению современников, была слишком чрезмерной [11, XXVI, 6, 1]. И это понятно. Несмотря на официальное сохранение принципата как формы управления Аврелиан все же шагнул далеко вперед, требуя неукоснительного соблюдения

дисциплины, строгой отчетности и единовластного контроля со своей стороны, к чему римляне еще не вполне были готовы.

Также античная и раннехристианская историография отмечает такую неприглядную черту Аврелиана как жестокость, с которой он относится не только к другим народам [9, XXXV, 9], но и к мятежникам внутри государства [9, XXXV, 4]. Евтропий обвиняет его не только в склонности к жестокости, но и невоздержанности «animi tamen inmodici et ad crudelitatem propensioris» [6, IX, 13, 1]. О невоздержанности Аврелиана упоминает также и Лактанций «esset natura vesanus et praeceps» [2, IV. 1], а вот Павел Орозий ничего не пишет о его характере. Нет сомнений, что эта невоздержанность не касалась ни злоупотребления вином, ни любовной страсти: Аврелиан вообще редко позволял себе развлечения [11, XXVI, 50, 4]. Скорее упомянутая невоздержанность относилась именно к вспыльчивому характеру Аврелиана, но удивительно, что биограф находит причину для того, чтобы его оправдать, говоря, что в условиях постоянных мятежей такая суровость и жестокость вполне оправданы, хотя и можно было бы действовать более мягкими мерами [11, XXVI, 21, 5–6; 26].

Античные историки также особо обращают внимание на его выдающийся военный талант. Евтропий пишет, что Аврелиан «муж в военном деле весьма искусный» [7, IX, 13, 1]. И даже Орозий не удерживается от замечания, что император являлся талантливейшим в военном деле [7, VII, 23, 3]. Порой Аврелиана упрекают за любовь к сражениям [11, XXVI, 6], хотя, что может быть странным в том, что человек полностью отдается делу, которому он посвятил значительную часть своей жизни. Однако то, что более поздним историкам виделось как жестокость, могло быть на самом деле стремление вернуть в римскую армию прежнюю дисциплину и порядок, которые явно были утеряны из-за политической нестабильности и повышения роли армии в политической жизни. Аврелиан должен был показывать своим примером соблюдение дисциплины, которую он требовал от своих подчиненных, именно поэтому он выглядит в глазах античных авторов излишне строгим, поскольку всегда наказывал тех, кто не следует установленным правилам, прежде всего, неукоснительно исполнять свои воинские обязанности и помнить о чести воина, не позволяющей грабить население [11, XXVI, 8]. Ведь полководец, предъявляя чрезмерные требования к солдатам, также рисковал своей жизнью, и мог быть убит не только из-за отсутствия денежных раздач и т. п. Подтверждением этого служит тот факт, что после провозглашения императором одной из реформ Аврелиана была реформа армии. Есть один факт, который встречается у всех античных авторов – любовь Аврелиана к сражениям, а точнее, к мечу, по их выражению, который он с небывалым умением использовал, и этот навык Аврелиан поддерживал ежедневными тренировками [11, XXVI, 49].

Безусловно, для человека, поступившего в римскую армию, важным становилось не только материальная сторона дела, но и возможность сделать карьеру, что стало доступно любому благодаря реформам предыдущих императоров. И в немалой степени на карьеру Аврелиана оказало

влияние благоволение императора Валериана I [11, XXVI, 8–9], который, очевидно, благодаря особому чутью умел подбирать людей, одаренных военными и административными способностями. Требеллий Поллион отмечает этот факт в одном из своих произведений: Валериан вызывает удивление тем, что все, кого он только ни поставил полководцами, впоследствии достигли императорской власти... ясно, что при выборе полководцев для государства старый император был таким, какого требовало счастье римского народа... [11, XXIV, 10, 15] Видимо, Аврелиан весьма серьезно относился к своей службе, что подтверждается словами Зосима о его честолюбии [12, I, 55], иначе не удержался бы на должности столь длительный срок, пережив нескольких императоров.

Необходимо отметить, что сведений о периоде жизни Аврелиана до облачения в пурпур чрезвычайно мало, разве что только то, что он был уже овеян славой, и слух о его победах достиг Рима [8, 126]. По большей части античные авторы стремятся подчеркнуть, что характер и привычки императора практически совсем не изменились после провозглашения, и даже, кажется, восхищаются этим обстоятельством. Аврелиан оставался попрежнему непритязательным в быту, непреклонным, строгим и неподкупным, хотя и обладал вспыльчивостью нрава [11, XXVI, 45; 9, XXXV, 9; 2, IV, 1].

Античные авторы, повествуя о карьере императора Аврелиана, упоминают разные события, из которых становится ясно, что среди всех его качеств особо ценным оказывались верность присяге и неукоснительное исполнение приказов. В это сложное время, когда особо ярко проявлялись тенденции к сепаратизму, чему способствовала армия, прочно занявшая наивысшие позиции в политике, императоры не могли доверять даже своему ближайшему окружению. И дело порой не только в стремлении к власти и богатству, честолюбие порой проявлялось и в желании проявить себя с целью повышения по карьерной лестнице в военных действиях, а подобное подчас может перейти границы дозволенного. Поэтому нет ничего удивительного, что Аврелиан требовал от других строгой дисциплины и ответственности.

Вместе с тем нельзя отрицать, Аврелиан имел стремление к относительному материальному благополучию, однако оно по большей части имело практическое назначение и никогда не становилось основной целью. Так, отказавшись поселиться на Палатинском холме, он расположился в садах Саллюстия, где продолжал свои ежедневные упражнения, «даже если был не совсем здоров» [11, XXVI, 49, 1]. Это лишний раз подтверждает, что для Аврелиана его служба была одновременно и его жизнью, как настоящий воин он был приучен упражняться изо дня в день, и даже императорокая диадема, которую, кстати, он первым из всех римских императоров стал носить постоянно, не изменила его привычки.

Интересную подробность сообщает Флавий Вописк Сиракузянин, что когда он был ранен, еще будучи на службе в римском легионе, он все же пересел верхом, так как в городе, куда они прибыли, не принято было пе-

редвигаться на повозках [11, XXVI]. Это характеризует его как человека, который уважал и строго соблюдал законы, согласно которым, видимо, вынужден был казнить сына своей сестры [10, XXXV, 9], но если для эпохи Республики такие поступки вызывали уважение, то иначе было в этот сложный период, когда войны, набеги и эпидемии безжалостно уносили жизни сотен людей. Античные авторы акцентируют внимание на этом факте, но удивительно, они кажутся в некоторой растерянности, потому что в период политической нестабильности законы зачастую уже не действовали, и когда провинившихся своих рабов Аврелиан отсылает в суд для разбора дел или совершает казнь, это приводит в явное недоумение. Аврелиан же ставил закон над всем, и даже он сам должен был подчиняться его силе, что в этот период яркого проявления сепаратизма кажется чем-то устаревшим.

Античные авторы описывают императора Аврелиана спасителем, Псевдо-Аврелий Виктор сравнивает его с Александром Македонским и Цезарем, ведь его деяния всего за пять лет правления вновь сделали сильным Рим, восстановив единство империи, одержав победу над основными врагами [9, XXXV, 2]. При всех разногласиях по вопросу о его происхождении, античные авторы сходятся во мнении, что признание Аврелиана императором было в том числе и заслугой его блистательной карьеры, ведь слухи о его победах достигли Рима, и если представители сената напрямую с ним не были знакомы, то его имя все же было известно [8, 126]. Однако раннехристианская историография не столь благосклонна к Аврелиану. Лактанций возводит якобы невоздержанность императора с фактической вседозволенности, говорит о творимых им бесчинствах и кровавых расправах [2, IV. 1], и даже его смерть фактически позиционируется как наказание свыше. И тем не менее, в этот сложный мятежный период именно Аврелиан воплотил в себе черты того долгожданного правителя, который хотел создать нечто новое, но при этом оставаясь верным традициям. Историки того времени рисуют образ больше человека, чем императора, который отличается верностью и преданностью, для которого главным судьей всех его деяний была его собственная совесть, остававшийся в это сложное время римским воином в полном смысле этого слова, помня о том, что он призван защищать, а не грабить, помогать, а не обижать население провинций [11, XXVI, 7, 5; 14, 1]. Даже для Отцов Церкви Аврелиан был императором, который заботился о государстве, если бы не его гонения на христиан [7, VII, 23, 3].

Однако именно к строгим требованиям, практически неограниченной власти самого императора, ставшего Богом и Господином для своих подданных, решительно перейдя тот рубеж, который отделял первого среди равных и все же граждан от полновластного властителя над своими подданными, можно отнести причину, по которой был затеян весь заговор против Аврелиана. Гибель императора Аврелиана стала неожиданностью для всех, хотя в это неспокойное время, казалось бы, такое положение вещей должно было стать привычным. Однако, как отмечает Аврелий Вик-

тор, моральные качества Аврелиана и его правление, за время которого он установил должный порядок, оказали столь сильное влияние на изменение мировоззрения римлян, что его гибель, вопреки обыкновению, никому не дала повод к дерзости и хвастовству, а стала причиной единения в скорби по этому выдающемуся человеку [4, XXXV, 11]. И только Отцы Церкви относят причину гибели императора к началу его гонений на христиан [2, IV.1; 7, VII, 23, 3].

Уважение к Аврелиану особенно ярко проявилось после этого трагического события. Впервые за многие десятилетия армия, принимая на себя всю вину, попросила сенат назначить достойного преемника и выразила готовность безоговорочно признать выбор. Флавий Вописк Сиракузянин отмечает, что войско не сочло возможным провозгласить новым императором кого бы то ни было из тех, кто был причастен к убийству «столь хорошего императора» [11, XXVI, 40, 1–2]. Биограф добавляет, что полгода империя оставалась без правителя, а все распоряжения Аврелиана строго исполнялись, а Псевдо-Аврелий Виктор удлиняет этот срок до семи месяцев [9, XXXV].

В античной историографии отмечается, что многие современники не имели однозначного мнения, поэтому Аврелиана нельзя однозначно отнести ни к хорошим, ни к дурным императорам, так как ему недоставало милосердия, и, прежде всего, он был в большей степени полководцем, чем государем, поэтому и методы для «лечения» государства избрал «дурные». В надписях и на монетах помимо победных титулов Germanicus Maximus, Parphicus Maximus и др. император Аврелиан именуется Restitutor Orbis, Restitutor Orientis, Restitutor Gentis, Magnus et Perpetuus, а также Invictus [5, XIII, 8997; XVII, 3, 404; 1; 10, 260; 289; 298; 351; 401], и именно он для всей Римской империи стал настоящим Dominus et Deus, сотворившим невозможное за столь короткий срок.

Аврелий Виктор передает, что Аврелиан правил мудро и щедро [5, XXXV], соглашаясь с ним, Флавий Вописк Сиракузянин вынужден признать, что реформы и преобразования Аврелиана настолько достойны восхищения, что полезнее императора для Римского государства не было [11, XXVI, 21, 8; 41, 6; 44, 1–2]. Его правление было славным, он принес мир и восстановил единство и внушил страх даже сенату. Таким образом, в глазах античных авторов, несмотря на всю строгость и суровость, император Аврелиан оказался тем правителем, которому столетия спустя удалось вернуть веру в мощь и величие вечного Рима [4, XXXV, 14].

Литература

1. *Грант М.* Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н. э. / Пер. с англ. М. Гитт. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – Аврелиан. [Электронный ресурс]. URL: http://ancientrome.ru/imp/aurel.htm (дата обращения: 10.10.2019).

- 2. Лактанций. О смертях преследователей. Ч. VI. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/o-smertjakh-presledovatelej/#1_4 (дата обращения: 10.10.2019).
- 3. *Фюстель де Куланж Н. Д.* Римский колонат: происхождение крепостного права / пер. с фр., под ред. проф. И. М. Гревса. 2-е изд. М.: URSS, 2010.
- 4. Aurelius Victor Sextus. De Caesaribus. Origo gentis Romanae. Liber de viris illustribus urbis Romae. Epitome de Caesaribus, ed. Fr. Pichlmayr, corrected by R. Gruendel. Leipzig, 1966.
- 5. Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVII / Ed. Th. Mommsen et al. Berolini: Weidmann, 1869–1986.
- 6. *Eutropius*. Breviarium ab urbe condita / Ed. F. Ruehl. Leipzig, 1887 (repr. Darmstadt, 1975).
- 7. Orosius Paulus. Historiae adversus paganos: I–VII / Ed. C. Zangemeister. (Teubner). Leipzig, 1889.
- 8. Post Dionem excepta ex Anonymo. Aurelianus // FHG. IV. 1851. 191–199.
- 9. *Pseudo-Aurelius Victor*. Epitome de Caesaribus. [Электронный pecypc]. URL: http://thelatinlibrary.com/victor.caes2.html (дата обращения: 10.10.2019).
- 10. The Roman Imperial Coinage: in 6 Vol. / H. M. A. Mattingly, E. A. Sydenham, P. Webb. London, 1968. Vol. V, part 2: Aurelianus.
- 11. Scriptores Historiae Augustae / Ed. by E. Hohl, corrected by Ch. Samberger, W. Seyfarth. Vol. II. Leipzig, 1971 (Teubner).
 - 12. Zosimus. Historia Nova / Ed. F. Paschoud. Paris, 1971.

THE IMAGE OF THE EMPEROR AURELIAN IN THE ANTIQUE HISTORIOGRAPHY

J. V. Kulikova

Moscow State Pedagogical University, Moscow

In the middle of the 3rd AD the Roman Empire was in political chaos, and external and internal problems only exacerbated the situation, putting the state on the brink of destruction. Proclaimed emperors were forced to devote all forces and means to prevent German's invasions in the West and war with the Sassanids in the East. In these circumstances, internal problems were often overshadowed, but this was one of the reasons for the separatism that effectively divided the empire. When an ambitious warlord Aurelian comes to power, the situation changes radically. The new emperor during the five years of his rule managed not only to restore the unity of the empire, but also to carry out several major reforms. However, in ancient and early medieval historiography formed a very ambiguous image of this Roman emperor, and sometimes it is very difficult to separate false facts from the truth.

Keywords: Roman Empire, Aurelian, Emperor, historiography, rule, army.

Об авторе:

КУЛИКОВА Юлия Викторовна

Московский педагогический государственный университет, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, кандидат исторических наук, e-mail: glanam_yul@mail.ru.

About author:

KULIKOVA Julia Victorovna

Moscow State Pedagogical University, Department of Historical Ancient World and Middle Ages, Candidate of Historical Sciences, e-mail: glanam_yul@mail.ru.

УДК 94 (41/99)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ СУДЬБЫ КОНУНГОВ ПО ДАННЫМ КОРОЛЕВСКИХ САГ

Е. С. Носова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Статья посвящена изучению восприятия социально-политической дефиниции «судьбы» в Скандинавских странах в эпоху раннего средневековья. В частности, особое внимание уделяется изучению различных лексем, связанных с эволюцией концепта «судьбы» по отношению к королевской власти от мифологических времен до исторического времени.

Ключевые слова: королевские и родовые саги, королевская власть, конунг, норны, династия Инглингов, судьба.

Корпус представлений о судьбе относится к древнейшим и ключевым логотипам самосознания человека в культуре, поскольку объединяет в себе константные проблемы, цели и смысла жизни человека, его сущности и предназначения в мире. Таким образом, концепция судьбы присутствует во всех мифологических, религиозных и этических системах, составляя ядро национального и индивидуального сознания.

Под термином «судьба» понимается «мифологема, выражающая идею детерминации как несвободы» [1, с. 158]. По словам С. С. Аверинцева, судьба «скрыта в темноте... не высветленная никаким смыслом, – притом именно в качестве несвободы» [1, с. 158]. Судьбу можно предугадать, благодаря предсказаниям и видениям, но ее невозможно познать.

Судьба в эпоху раннего средневековья воспринималась как неотвратимость жизненного цикла человека, но в скандинавских источниках она зачастую предстает как социальное измерение человеческого существования, то есть «вещно-непроницаемой, неосмысленной и неотвратимой в отношениях между людьми» [1, с. 158], поэтому, с одной стороны, судьба — это универсальная категория, выступающая как универсальный контекст человеческих взаимоотношений с миром, с другой стороны — судьба каждого индивидуальна и уникальна. Вполне естественно, что представление о судьбе имеет множество граней, по которым можно реконструировать различные аспекты мировоззрения и культуры.

В данной статье будет предпринята попытка реконструировать эволюцию представлений о судьбе представителей королевской власти от мифологических представлений до исторического времени.

Основными источниками по данной проблематике являются: Старшая Эдда [5], Круг Земной [6], исландские родовые саги [3], которые были записаны в XIII веке, хотя повествование идет о событиях VI–X вв. Вполне естественно, что значительный временный промежуток, разделяющий время устного бытования саг, мифологических песен и время их письменной фиксации, наложил отпечаток на имеющуюся в них информацию о судьбе. В частности, в источниках смысловое наполнение термина «судьба» отчасти сближается с понятием божественного Провидения. В связи с этим в зарубежной и отечественной историографии предлагалось несколько методов для изучения данной проблематики. Например, У. Батке [9] предлагал использовать сравнительный анализ различных религиозных источников. А. Я. Гуревич говорил о необходимости использования методов, связанных с исторической ментальностью [2]. К. Бек-Педерсен придерживается взглядов, связанных с лингвистическим методом исследования скандинавского материала [10].

В древнескандинавских источниках зафиксирован большой словарь, относящийся к концепции судьбы. В мифологической картине мира «судьба» трактуется как фатализм — ragna rök. Время мира не бесконечно, оно имеет свой конец. Мир погибнет с наступлением Рагнарёка. Этой судьбе подчинены герои и боги. В последней строфе «Снов Бальдра» Вёльва изгоняет бога Одина из мира Нифльхель со словами:

Домой поезжай! Гордись своей славой! Отныне сюда никто не придет пока свои узы Локи не сбросит и не настанет гибель богов! (ragna rök) [5, с. 159].

Т. В. Топорова при исследовании мифологических песен Старшей и Младшей Эдд обратила внимание на семантические мотивировки судьбы в древнеисландском языке – *scöp* (судьба, несчастье), *auðna* (судьба, удача,

быть предопределенным судьбой), *mjötuðr* (судьба, рок, тот, кто измеряет судьбу), *rök* (причина, судьба, чудо, могущество), *lög* (закон судьбы), *urðr* (судьба, имя одной из трех норн), которые раскрываются в форме устойчивых образных оборотов поэтической речи, характеризующих механизмы и способы реализации судьбы [7, с. 163–166]. В мифопоэтической картине метафоры судьбы определяется через конкретные физические действия. Например, норны «прядями судьбы» соединяют земли, которыми суждено владеть конунгу Хельги убийце Хундинга.

На восток и на запад концы протянули, конунга земли нитью отметили; к северу бросила Нери сестра нить, во владение север отдав ему [5, с. 73].

Нити судьбы охватывают земное пространство, над которым должен властвовать конунг. Предопределенная конунгу власть в эддических песнях предстает как власть наилучшего вождя: «нить золотую свили и к небу к палатам луны – её привязали» [5, с. 73].

Также обращает на себя внимание и тот факт, что судьба определяется социальным статусом. Наиболее полно идея о могущественности власти конунга выражена в пророчестве произнесенной валькирией Сигрун:

«Будешь ты править долго и счастливо, конунг достойный, Ингви потомок; ты ведь сразил храброго князя, был он убийцей страх порождавшего. Отныне, властитель, твои по праву кольца из золота, знатная дева; будешь владеть долгие годы дочерью Хёгни и Хрингстадиром и многими землями...» [5, с. 78].

Судьба конунга в эддической поэзии выражается не только правом владения страной, но и в обладании девой Хёгни, то есть валькирией, олицетворяющей победу в битве. Конунгу предназначено быть «прославленным и лучшим считаться среди королей» [5, с. 73].

Наличие нитей, связывающих судьбы, предполагает наличие противоположного образа, то есть разрыва нитей судьбы. В этом плане достаточно ярким примером может служить «Сага об Инглингах» в «Круге Земном», повествующая о мифологических правителях Швеции.

«Смерть и погребение правителя расценивались как важнейшие факты его биографии. ... При этом обращают на себя внимание обстоятельства этих смертей правителей: в подавляющем большинстве... смерть наступает в результате необычных, а нередко и позорных обстоятельств» [4, с. 77]. Мы не найдем здесь прямых указаний на воздействие судьбы, но, как известно из примеров мифологических песен, судьба всегда проявляется в кульминационный момент, а именно в момент смерти героя.

В саге представлена череда закономерных смертей, которые были предсказаны вёльвой Хульд в «Прорицании вёльвы»:

Братья начнут биться друг с другом, родичи близкие в распрях погибнут [5, с. 13].

Возможно, что эддическое пророчество было использовано Снорри Стурлусоном в момент записи саги. Убийство родственников внутри одного рода считалось самым страшным преступлением. Оно не могло быть компенсировано как материально, так и морально. Это злодеяние по сути своей предвещало наступление Рагнарёка. Как видно, в основу саги положена идея судьбы, но, в отличие от эддической судьбы, которая по сути своей была фатальна, судьба в истории складывается не без участия людей, добивающихся собственных целей. Нити судьбы разрывались конунгами вследствие совершенных ими поступков. Например, конунг Даг погибает после одержанной победы в заморском походе от рук раба из Страны Готов [6, с. 27–28]. Ванланди из рода Инглингов убит по наущению брошенной им жены [6, с. 18–19]. Фельнир умирает, находясь в состоянии опьянения [6, с. 16–17].

Смерть конунга Хальвдана Черного является поворотным моментом перехода от эпической эпохи к исторической. С одной стороны, в саге присутствует упоминание о предсказании его смерти, которое было сделано богом Одином на пиру конунга Харальда «твой отец теперь мертв» [6, с. 41]. С другой стороны, мы видим, что предсказание было сделано не норнами судьбы, а непосредственно богом, в связи с этим судьба теряет свое надвременное значение и соответственно теряется концепция фатальности судьбы.

Начиная с правления конунга Харальда Прекрасноволосого, в сагах присутствует новое восприятие концепта «судьбы». Судьба героя саги предопределена, так как она является универсальной категорией: жизненный путь каждого человека предсказан «нитями судьбы», но теперь герой творит свою историю ради реализации судьбы. Единственной этической категорией для совершения своей судьбы является слава, «долгая память потомков». «Слава» выявляется в поведении и в поступках героя, она не

представляет собой некого фатума или пассивно полученного дара судьбы, она все время нуждается в действии, которое подкрепляются теми или иными поступками. Вследствие этого герой проявляет активное отношение к выполнению предначертанной ему судьбы. Как верно подметил А. В. Циммерлинг, «при всей стереотипности изложения события подлежат передаче лишь потому, что есть представления об их сверхиндивидуальной ценности, то есть существует "предвзятая идея", упорядочивающая факты биографии» [8, с. 32].

Данное понимание восприятия судьбы в социокультурной среде возникло потому, что в период становления раннефеодального государства в Норвегии формировались эталоны поведения различных социальных групп. Это могли быть «модели поведения», предполагающие различные этические идеалы, относящиеся к конунгам, бондам, рабам.

Также хотелось бы обратить внимание и на другой, не менее важный аспект изменения восприятия концепта судьбы на политическом уровне. Судьба конунга в песнях Старшей Эдды подчинена законам космоса, в королевских сагах идея судьбы реализуется на уровне династии и государства. Данная трансформация, возможно, связана с изменением религиозных преставлений. В Саге об Инглингах история государства привязана к воле богов – Фрейра или Одина. Они творят свои предсказания в отношении правящего дома. С приходом христианского вероучения, начиная с правления Хакона Доброго, постепенно происходит высвобождение истории государства из-под опеки мифа, приобретая самостоятельное значение и направленность. В сагах о Харальде Серая Шкура, об Олаве Тихом, О Магнусе Голоногом и т. д. отсутствует предсказание о судьбе правящей династии. В центре повествования саги не кульминационный момент смерти, а итоги правления конунга, его личностные качества. Конечно, с приходом христианства не происходит автоматического уничтожения веры во всесильную судьбу. Теперь судьба приобретает черты Божьего Провидения и тесно связана с историей государства вследствие сакрализации королевской власти, таким образом судьба конунга и государства теперь воспринимается как единое целое. В Саге об Олаве Святом повествуется о том, что Олав «намеревался вернуть себе свою страну, а затем и свою власть, если Бог дарует ему долгую жизнь» [6, с. 335]. Бог превращается в детерминирующую силу, олицетворяющую идею судьбы. «Судьба рассудит, кому достанется победа... Я либо одержу победу над бондами, либо погибну в бою. Я буду молить бога, чтобы мне было суждено то, что он считает для меня наилучшим» [6, с. 354].

Суммируя все вышесказанное, мы можем говорить о том, что на социально-политическом уровне концепт «судьбы» подвергся значительной трансформации в Скандинавских странах в эпоху раннего средневековья, что прекрасно отразилось в источниках: в эддической поэзии и в сагах.

В эддической поэзии используются лексемы «судьбы» (sköp, rök, lög) и «богов» (regin, goð, höpt, bönd), которые обозначают единую силу, детерминирующую развитие вселенной. Боги и люди связаны оковами судь-

бы. Судьба — фатальна, ее не изменить. Также в Старшей Эдде фиксируется повышенный социально-политический статус конунгов. Они обладают государствами, славой и могуществом, но они не отделены от своей судьбы, которую «сплели» им норны. Такой же образ детерминирующей судьбы вырисовывается и в Саге об Инглингах.

В королевских сагах концепт «судьбы» кардинально меняется. Это во многом связано с процессом централизации страны и проникновением христианского вероучения. Теперь судьба конунга связана не столько с его личными качествами, сколько с государством, поэтому судьба теперь не воспринимается как детерминирующая сила. Акцент повествования смещается на могущество династии норвежских конунгов, на итогах их правления. Место судьбы занимает божественная воля. Воля Бога не является универсальной силой, потому что она обращена только на избранных, то есть на конунгов.

Литература

- 1. *Аверинцев С. С.* Судьба // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 158.
- 2. *Гуревич А. Я.* Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 148–156.
- 3. Исландские саги / под общей ред. О. А. Смирницкой. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. Т. 1. Т. 2.
- 4. *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменных традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 г.: Историческая память и формы её воплощения. М.: Восточная лит., 2003. С. 48–92.
- 5. Старшая Эдда / Пер. с древнеисланд. А. Корсуна. СПб.: Азбука, 2000.
- 6. *Стурлусон С.* Круг Земной / пер с древнеисланд. Гуревич А. Я. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»: Наука, 1995.
- 7. *Топорова Т. В.* Древнегерманские представления о судьбе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 162–167.
- 8. *Циммерлинг А. В.* В поисках устного текста // Слово в перспективе литературной эволюции: к 100-летию М. И. Стеблин-Каменского. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 21–42.
- 9. *Baetke W.* Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung // Germanischer Schicksalsglaube 1934. B. 10. S. 226–236.
- 10. Bek-Pedersen K. The Norns in Old Norse Mythology Edinburg: Dunedin Academic Press, 2011.

THE POLITICAL INTREPRETATION OF EVOLUTION IN THE KONUNG'S FATE ACCORDING TO THE ROYAL SAGAS

E. S. Nosova

The Moscow Pedagogical State University, Moscow

The article is devoted to the research of the perception of the socio-political definition of the «fate» in the Scandinavian countries in the early Middle Ages. In particular, special attention is paid to the lexemes that are related to the evolution of concep of fate in relation to the royal power from mythological times to historical time.

Keywords: royal and patrimonial sagas, royal power, king, norns, Ingling dynasty, fate

Об авторе:

НОСОВА Екатерина Сергеевна

Московский педагогический государственный университет, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова, кандидат исторических наук, e-mail: knosova@yandex.ru.

About author:

NOSOVA Ekaterina Sergeevna

Moscow Pedagogical State University, Department of Ancient History and Middle Ages, Candidate of Historical Sciences, e-mail: knosova@yandex.ru.

УДК 94 (410)+ 811

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ XVI В. ОБ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Т. Г. Чугунова

Нижегородский государственный педагогический университет, г. Нижний Новгород

В статье предпринята попытка проанализировать отношение религиозных реформаторов XVI в. (М. Лютера, У. Тиндела) к изучению языков сакральных текстов — древнееврейского, древнегреческого и латинского. Реформаторы призывают, прежде всего, к овладению древнееврейским и древнегреческим — языками Священного Писания, на которых изначально запечатлено Слово Бога. Что касается латыни, языка враждебной для реформаторов католической церкви, препятствующей

распространению Слова Божия, то английский мыслитель в отличие от немецкого коллеги не настаивает на её изучении, напротив, он пишет о ненужности латинского языка для мирян.

Ключевые слова: перевод, Священное Писание, древнееврейский, древнегреческий, латинский языки.

Какими бы методами не осуществлялась религиозная Реформация, и в какой бы форме она не проходила, перевод Библии на родной язык являлся ее необходимою принадлежностью. Многие реформаторы переводили Священное Писание с латинской Вульгаты, но более новаторскими являлись переводы с первоисточников — древнееврейского и древнегреческого языков. Одним из первых, кто, по точному замечанию Э. Ю. Соловьева, «попытался снять с Писания латинский замок», был немецкий реформатор М. Лютер [4, с. 52]. Его почин продолжил английский реформатор У. Тиндел, который занимался переводом Священного Писания в Германии, и, возможно, был знаком с Лютером.

Реформаторы с большим почтением относились к древним языкам. Мартин Лютер всегда говорил, что понять смысл Писания можно, лишь зная древние языки. Немецкий реформатор с сожалением отмечал, что «после апостолов святые отцы, не знавшие древних языков, исказили Писание» [2, с. 167]. «Следовательно, если бы мы захотели изучать Писание по истолкованиям отцов церкви, читать множество книг и комментариев, это было бы неразумным занятием», – пишет Лютер в сочинении «К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» [2, с. 167]. «И надлежит совершенствоваться христианам Священного Писания, единственной книги, сотворенной специально для них, то грех и позор, что мы не знаем ни предназначенную для нас книгу, ни язык и Слово нашего Господа», констатирует реформатор [2, с. 167].

Мартин Лютер, как известно, большое внимание в своих трудах уделял реформированию школьного и университетского образования. Одно из главных мест среди всех предметов как раз и отводилось изучению древних языков. Немцы, ПО его мнению, пренебрежительно относятся к искусству и языкам, поэтому их называют в других странах «немецкими дурнями и животными» [2, с. 163]. Лютер призывает изучать библейские языки. «Ведь мы не можем отрицать, пишет автор, – что, хотя Евангелие пришло и ежедневно приходит к нам посредством Святого Духа, оно вместе с тем достигает нас, усиливается и сохраняется благодаря посредничеству языков» [2, с. 164]. По мнению немецкого реформатора, «Бог не случайно повелел запечатлеть Свой Завет на двух языках: Ветхий – на древнееврейском, а Новый – древнегреческом» [2, с. 164]. «Если Бог не пренебрег этими языками и отдал им для распространения Своего Слова предпочтение перед другими языками, должны и мы почитать их прежде всех остальных», - отмечает реформатор [2, с. 164]. Лютер приводит в качестве примера слова апостола Павла, который восхвалял древнееврейский язык как заслуживающий особого почитания и, подчеркивая его превосходство над другими языками, исходил из того, что на нем запечатлено Слово Божие (Рим., 3). «Именно поэтому, — делает вывод Лютер, — древнееврейский язык называют святым языком» [2, с. 164]. Точно также и древнегреческий вполне позволительно, по мнению реформатора, называть святым. Ведь он был избран для того, чтобы на нем запечатлеть Новый Завет [2, с. 164]. Древнегреческий язык Лютер сравнивает с родником, из которого, благодаря переводам, «Слово Божие вытекло на разных языках, освятив их» [2, с. 164]. Реформатор пишет, что «языки — это ножны, в которых хранится меч Духа. Они — ларец, в котором переносится это сокровище. Они — сосуд, вмещающий этот напиток. Они — хранилище, где лежит эта пища» [2, с. 165].

Ситуация с изучением древнееврейского в Германии в XVI веке была гораздо лучше, чем в других европейских странах. Виттенбергский университет, например, где преподавал Лютер, МОГ профессорами древнееврейского языка, они также были и в других немецких городах. Одним из самых крупных ученых-гебраистов того времени был Иоганн Рейхлин. В 1506 году он опубликовал сочинение «О языка» (De Rudimentis Hebraicis), началах еврейского грамматику и словарь, известные во всей Европе. Ученый издавал учебники по древним языкам, перевел большое количество произведений античной литературы. Его вполне можно назвать титаном филологии, включая сюда, безусловно, Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона. Искупительные псалмы на древнееврейском языке, составленные И. Рейхлином, с переводами и комментариями, были изданы в Германии в 1512 году [8, р. 25]. Рейхлин стал новатором в изучении библейского иврита и, несмотря на нападки доминиканцев в 1510 году, желающих сжечь все еврейские книги, вредящие, на их взгляд, христианской вере, он защищал этот библейский язык и права евреев на собственную религию [1, с. VII–XIII]. И. Рейхлин также стал создателем фонетической системы чтения древнегреческих текстов, так называемой системы итацизма (в отличие от Эразмова этацизма).

М. Лютер тоже был превосходным лингвистом своего времени. Он предостерегал, что без знания древних языков нельзя понять латинский и родной немецкий. «Если мы не доглядим и упустим изучение языков, то не только потеряем Евангелие, но, в конце концов, придем к тому, что не сможем правильно говорить и писать ни на латыни, ни на немецком», – писал реформатор [2, с. 165].

Что касается изучения латыни, языка католической церкви, которую так хотели реформировать Лютер и его сторонники, то немецкий реформатор отмечает, что латинский язык должен изучаться в школах и университетах. В произведении «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» он пишет о необходимости

учреждения школ для девочек, где бы изучалось Евангелие на немецком и на латинском языках [3, с. 73]. Лютер с восхищением говорит о том, что в Древнем Риме подростки в совершенстве владели латынью и древнегреческим [2, с. 162]. О необходимости изучения древнегреческого языка и культуры Греции в целом писали в свое время многие латинские интеллектуалы V–VI столетий (Эннодий, Кассиодор и др.) [14].

Уделяя большое внимание устройству библиотек, немецкий реформатор также акцентирует внимание на том, чтобы в них было Священное Писание на разных языках, и, в первую очередь, на латинском, древнегреческом и древнееврейском [2, с. 176].

В отличие от Лютера, английский реформатор Уильям Тиндел, которого многие историки называют последователем немецкого реформатора, напротив, нетерпим к использованию латинского языка представителями духовенства и не настаивает на его изучении мирянами.

В сочинении «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять» английский реформатор пишет следующее: «Апостол Павел в первом Послании к Коринфянам, главе 14, запрещает говорить в церкви с паствой на другом языке, чем тот, который все разумеют, ибо тогда миряне не поучаются. Как мирянин будет отвечать "аминь" (говорит Павел) на твое благословение или на благодарение, если он не знает, что ты ему говоришь. Ведь он не поймет, благословляешь ты или проклинаешь. По мнению папы, все должны читать Евангелие по-латыни. Пусть молятся только по-латыни, пусть болтают "Pater Noster" вместо "Отче наш". Это всё равно, что проповедовать свиньям, если вы проповедуете людям на языке, который они не понимают» [11, р. 135]. Про папистов Тиндел иронично говорит, что «они всё делают по-латыни, лишь проклинают по-английски» [11, р. 151]. Таким образом, использование латинского языка, Тиндел большое внимание уделяет развитию и совершенствованию своего собственного английского языка, стремясь поставить его на службу Священному Писанию [5, с. 179]. Во введении к Пятикнижию Моисея он осуждает духовенство, которое считает незаконным для мирян иметь Священное Писание на родном языке, поскольку это сделает их еретиками. Причину такого поведения духовенства Тиндел видит в их боязни, что миряне раскроют ложь. которую вместо правды преподает духовенство [13, р. 4]. «Они управляют вами, чтобы вы не знали Священного Писания, не имели текста на родном языке и пребывали в темноте благодаря тщетному суеверию и ложной доктрине, удовлетворяя их грязные похоти, гордость, амбиции и жадность, возвеличивая их честь выше короля и Бога», - сокрушался английский реформатор [13, р. 4].

В период обучения Тиндела в Оксфорде там шла борьба между преподавателями – так называемыми «греками» и «троянцами», первые из которых хотели перестроить традиционное обучение, включив в программу изучение древнегреческого языка и, как казалось их противникам, тем самым глубоко оскорбляли латинистов, подвергая

опасности превосходство священного для них языка католической церкви [6, р. 265]. Тиндел оказался невольным свидетелем ожесточенного соперничества своих наставников, о чем он вспоминает в «Ответе на Диалог сэра Томаса Мора»: «Помните ли вы, как около тридцати лет назад и в наши дни старые лающие собаки, ученики Дунса Скота, называемые скотистами, вели борьбу против греческого и еврейского языков; гореучителя, которые преподавали латинский язык, кричали, что есть лишь одни Теренций и Вергилий, а все остальное они будут жечь» [9, р. 75–76]. Как видно из этого пассажа, английский реформатор был на стороне тех, кто преподавал древнееврейский и древнегреческий языки.

Если в начале своего творческого пути У. Тиндел заявляет о том, что языки Священного Писания легко переводятся на родной язык, то на позднем этапе позиция реформатора становится более умеренной. Во введении к Новому Завету 1534 года Тиндел уже с осторожностью говорит о переводимости языков, отмечая, что многие библейские фразы лучше звучат в оригинале. Реформатор призывает читателей изучать языки Священного Писания [12, р. 3]. Тиндел стал первым в Англии, кто употребил в переводе еврейских книг на английский язык имя Бога – Иегова (Jehovah). Это имя появляется в переведенной им Библии более двадцати раз. Реформатор использует имя Бога в основном в первых пяти книгах Библии: Бытии 15:2; Исходе 6:3, 15:3, 17:16, 23:17, 33:19, 34:23; Второзаконии 3:24 и других местах [13]. В лютеровском переводе Библии имя Бога вообще не используется, немецкий реформатор употребляет только слова «Бог» (Der Gott) или «Господь» (Herr) [7]. Однако в проповеди, основанной на книге пророка Иеремии, 23: 1–8, произнесенной в 1526 году, Лютер сказал, что имя Иегова принадлежит только истинному Богу.

реформатора видят большую разницу между простым проповедником и истолкователем Писания, знающим древние языки. «Проповедник, или учитель вполне может читать Библию и так, и сяк, упражняться, как ему вздумается..., но его проповедь быстро надоест и пройдет мимо ушей слушателей. Если же проповедник знает языки, его новизной, убежденностью, проповедь отличается глубоким проникновением в суть Писания, утверждением веры при помощи Его (Божьего) слова и доводов», – пишет Лютер в сочинении «К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» [2, с. 168]. По мнению Лютера, простой проповедник может понять христианское вероучение, жить в святости, но он не сможет самостоятельно истолковывать Писание и дискутировать, не зная древних языков [2, с. 167]. Тиндел также указывает, что проповедник, не знающий языков, «не воспринимает свет Писания, а превращает его в набор загадок», он не понимает Писание, как простой народ – молитвы на латинском языке [10, р. 388].

Таким образом, европейские религиозные реформаторы, поставив целью перевод Священного Писания на вернакуляры, внесли огромный вклад в исследование и постижение сакральных языков. В своих

призывали читателей многочисленных сочинениях ОНИ овладевать чтобы читать библейскими языками ДЛЯ τογο, Слово Божие первоисточнике. Благодаря усилиям реформаторов удалось преодолеть пренебрежительное изучению древнееврейского отношение К И латынью древнегреческого, c стали входить которые наряду В образовательные программы многих европейских университетов.

Литература

- 1. *Кун Н*. Спор о еврейских книгах, процесс Рейхлина с кельнцами и «Письма темных людей» // Источники по истории Реформации. Москва: тво «Печатня С. П. Яковлева», 1907. Вып. 2. С. VII–XIII.
- 2. *Лютер М*. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // *Лютер М*. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520–1526 гг. / Пер. с нем. Ю. А. Голубкина. Харьков: Око, 1994. С. 155–180.
- 3. *Лютер М*. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // *Лютер М*. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520-1526 гг. / Пер. с нем. Ю. А. Голубкина. Харьков: Око, 1994. С. 11-94.
- 4. *Соловьев Э. Ю.* Мартин Лютер выдающийся деятель немецкой и европейской истории // Вопросы истории. № 10. 1983. С. 33–52.
- 5. *Тиндел У.* Предисловие Уильяма Тиндела к Пятикнижию Моисея // *Чугунова Т. Г.* Уильям Тиндел. Историческая биография. Нижний Новгород: НГПУ, 2014. С. 179–181.
- 6. *Catto J. I.* Theology after Wycliffism The History of the University of Oxford, II: Late Medieval Oxford / Ed. by J. I. Catto & R. Evans. Oxford: The University Press, 1992. P. 263–280.
- 7. *Luther M.* Biblia, das ist: Die gantze heilige Schrifft: Deudsch. Wittenberg, 1557.
- 8. *Lloyd J. G.* The Discovery of Hebrew in Tudor England: A Third Language. Manchester: St. Martin Press, 1983.
- 9. *Tyndale W.* An Answer to Sir Thomas More's Dialogue // Tyndale William. An Answer to Sir Thomas More's Dialogue, The Supper of the Lord and Wm. Trasy's Testament Expounded / Ed. by Henry Walter. Parker Society. Vol. 44. Cambridge: The University Press, 1850. P. 1–215.
- 10. *Tyndale W*. The Exposition of the first Epistle of S. John // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one Tome together, being before scattered now in Print here exhibiten to the Church / Ed. John Foxe. London: Printed by J. Daye, 1573. P. 387–429.
- 11. *Tyndale W.* The Obedience of a Christen man // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one Tome together, being before scattered now in Print here exhibiten to the Church / Ed. John Foxe. London: Printed by J. Daye, 1573. P. 97–183.

- 12. *Tyndale W.* Tyndale's New Testament. A modern-spelling edition of the 1534 translation / Ed. and introduction by David Daniell. New Haven and London: Yale University Press, 1989.
- 13. *Tyndale W.* Tyndale's Old Testament. A modern-spelling edition of the Pentateuch (1530), Joshua to 2 Chronicles (1537) and Johan (1531) / Ed. and introduction by David Daniell. New Haven and London: Yale University Press, 1992.
- 14. *Tyulenev V. M.*, *Khazina A. V.*, *Sofronova L. V.*, *Chougounova T. G.*, *Balashova E. S.*, *Hasanova V. Sh.*, *Nochtvina B. A.* «The Greek World» in the Perception of Latin Intellectuals // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20. № 4. P. 651–659.

RELIGIOUS REFORMERS OF THE XVI-TH CENTURY ON ANCIENT LANGUAGES STUDYING

T. G. Chougounova

Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod

The article attempts to analyze the attitude of religious reformers of the XVI-th century (M. Luther, W. Tyndale) to the study of sacred's texts languages – Hebrew, Ancient Greek and Latin. First of all, the reformers call, for the studying of the Hebrew and ancient Greek – languages of the Holy Scripture, in which the Word of God was originally sealed. As for Latin, the language of the Catholic Church, hostile to the reformers, the English thinker, unlike his German colleague, does not insist on studying it, on the contrary, he argues that it is useless for laity to study Latin.

Keywords: translation, Holy Scripture, Hebrew, ancient Greek, Latin.

Об авторе:

ЧУГУНОВА Татьяна Георгиевна

Нижегородский государственный педагогический университет, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, кандидат исторических наук, e-mail: tat-chugunova@yandex.ru.

About author:

CHOUGOUNOVA Tatiana Georgievna

Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Department of World History, classical disciplines and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: tat-chugunova@yandex.ru.

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ НА МЕДАЛЯХ ГЕНРИХА IV

Т. Н. Лощилова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Статья посвящена анализу античных образов, представленных на медалях Генриха IV. Краткий статистический анализ медалей позволяет сделать предположение о превалировании использования античных сюжетов для репрезентации королевской власти в данный период, а также еще раз подтверждает тезис о частом использовании изображений Геракла и Марса при формировании образа первого короля династии Бурбонов, что в свою очередь подчеркивает идею преемственности с предыдущей династией Валуа, которые, начиная с середины XVI столетия, активно используют античные образы и, в частности, историю подвигов Геракла, для характеристики своего правления.

Ключевые слова: Генрих IV, медали, Геракл, античные сюжеты, эпоха Возрождения.

Одним из важнейших элементов для характеристики блестящего правления Генриха IV Бурбона (1594–1610 гг.) стал постепенно и планомерно созданный образ Великого короля, воплощенный в конной статуе, с 1614 года и до настоящего времени находящейся на Новом мосту в Париже. Создание этого памятника по приказу вдовствующей королевы Марии Медичи в целом подвело некий итог как правлению первого короля династии Бурбонов, так и завершило формирование его облика как правителягероя. Ушли в небытие все политические и религиозные претензии, которые высказывались в ходе его неоднозначного правления, в памяти надолго закрепился облик короля как героя и защитника французского народа, сохранившего единство страны и даровавшего религиозный мир.

Изучению процесса формирования образа короля, анализа символического поля королевских регалий посвящено некоторое количество исследований как общего характера [13, 14], так и посвященных непосредственно образу Генриха IV [4, 10, 12, 16]. Последние подчеркивают планомерность, поступательность и продуманность данного процесса. Одним из важных элементов формирования данного образа стали античные сюжеты, которые использовались на памятных медалях Генриха IV, которые изготавливались в период его правления.

Медали, мода на которые приходит во Францию с эпохой Возрождения, стали значимыми подарками для придворной знати. Сюжеты, отображённые на медалях, диктуются заказчиком изделия и, как правило, носят аллегорический характер, подчеркивая значимость изображенного события или персоналии. Медаль, возрожденная итальянскими мастерами, несла на

себе в период XVI столетия по большей части античные сюжеты. Примечательно то, что некоторые изображения, которые есть на медалях, встречаются также и в художественных произведениях этого периода [2]. Следовательно, это был определенный код, понятный и легко читаемый современниками, который еще раз подчеркивал или объяснял, конкретизировал то или иное событие, которому была посвящена медаль.

Произвести статистический анализ изображений с медалей времен Генриха IV и прийти к выводу о преобладающем использовании античных символов во время его правления позволяет коллекция эстампов, выполненная Себастьяном Леклерком (придворным гравером Людовика XIV) с медалей, хранившихся в Королевской сокровищнице к 70-м годам XVII столетия [22, 3]. Благодаря этому собранию, включающему в себя 11 листов оттисков с медалей, разбросанных по многочисленным нумизматическим коллекциям, возможно проследить некоторые закономерности в использовании тех или иных сюжетов, раскрыть эволюцию образов, связанных с репрезентацией королевской власти.

Тематика сюжетов медалей традиционно охватывает важнейшие события правления короля такие, как коронация, свадьба, рождение наследника, военные победы, дает нам облики особо значимых приближенных. Интерес к искусству Возрождения предопределил подавляющее преобладание античных сюжетов на медалях.

Прежде всего, медаль передает истинный облик короля, его изображение имеет ярко выраженные портретные черты [7]. Генрих IV предстает на медалях в едином проработанном облике: четкий профиль с ярко выраженным носом с горбинкой, пышные усы, борода и волосы, часто улыбка и обязательный лавровый венец победителя делают образ узнаваемым и запоминающимся. Необходимо заметить, что именно это погрудное изображение короля чеканят и на монете [15].

Лавровый венец, сменивший корону на голове короля еще со времен медальерных и монетных изображений Франциска I (1515–1547 гг.), подчеркивает преемственность в использовании античной традиции и обращение к образам римских императоров. Это один из значимых сюжетов, который применяется для подчеркивания величия французской короны в целом и, в частности, воспевающий короля как победителя и триумфатора. Он оказывается наиболее предпочтительным для изображений Генриха IV [6]. На медалях и монетах Генрих IV изображен исключительно в лавровом венце, а не в короне. Корона (в виде короны, впоследствии получившей название короны Бурбонов) как символ королевской власти является на медалях отдельно, но не на голове короля. В таком же лавровом венце изображен король на уже упоминавшемся памятнике на Новом мосту.

Неоднократно встречаются на медалях и переплетающиеся лавровые и пальмовые ветви. Очень часто оплетая меч или скипетр, они провозглашают умиротворенный характер правления Генриха IV. Эту же идею подчеркивает и появившийся на изображении кадуцей (жезл Гермеса, обла-

давший способностью примирять враждующие стороны). Интересно, что именно этот символ присутствует на медалях, сообщающих о победах Генриха IV на завершающем этапе религиозных войн.

Медаль, созданная в честь коронации Генриха IV, наполнена именно этими символами – на аверсе – образ короля в лавровом венке, на реверсе – античная богиня, стоящая на шаре, держит в руках пальмовую ветвь как символ мира и победы, провозглашающий здоровье и долголетие, в другой – лавровый венок победителя. Слева от богини изображена палица Геракла как символ военных побед, а справа – кадуцей Гермеса [17].

Одним из самых часто встречающихся является образ Геракла. Привфранцузскую традицию co времени бракосочетания Генриха II (1547–1559 гг.) с Екатериной Медичи [11, 18] и часто встречающийся на медалях Карла IX (1560–1574 гг.), он становится не только самым ярким, но и значимым образом для Генриха IV [20]. Все в этом античном герое импонировало и пересекалось с судьбой нового короля: вечно гонимый, доказывающий свою силу и благородство, совершающий подвиги Геракл стал прекрасной и легко узнаваемой иллюстрацией жизни короля. Особенно часто образ Геракла используется на медалях, посвященным военным победам Генриха IV и, в частности, значимой для него победе над герцогом Савойским в 1600 году, не желавшим исполнять условия мирного договора 1598 года [8].

Интересна своей трактовкой античного сюжета еще одна медаль, изданная в год рождения наследника — будущего Людовика XIII. На аверсе монеты дан профильный портрет королевской четы — Генриха IV и Марии Медичи, на реверсе же медали они изображены в виде античных богов — Марса и Минервы, между которыми стоит, наступив на хвост дельфина, маленький наследник. Минерва держит Марса за руку, как бы успокаивая и сдерживая его воинственные порывы, его шлемом играет дофин. Сюжет явно носит миротворческий характер, определенный именно рождением будущего короля и возможностью в дальнейшем мирного и спокойного правления династии [5].

Образ Минервы как богини справедливой войны и мудрости станет сопровождать облик Марии Медичи не только на медалях, но и на художественных полотнах, позднее (и это будет связано с изменением статуса королевы) оказывается замещенным образом Юноны, матери богов и покровительницы очага и мира в целом [2].

На медалях встречаются античные сюжеты, которые используются достаточно редко. Например, образ Беллерофонта на крылатом коне Пегасе, повергающем трехголовое чудовище — Химеру, созвучный в своей истории с образом Геракла, еще раз подчеркивает и провозглашает образ короля-героя, спасающего страну от разорения и войн [19]. Или же образ Фетиды, купающей в водах Стикса младенца Ахилла, даруя ему таким образом неуязвимость, присутствует на еще одной медали, посвященной рождению дофина, что подчеркивает как дата 1601 год, так и изображение коронованного дельфина на ее аверсе [21]. Еще одно изображение с образом

античной богини, но не античным сюжетом, на котором Минерва поднимает Геркулесовы колонны и смотрит на плодородную долину, обрамленную горами с девизом «Возможно, моя цель», провозглашает устремления нового французского короля закрепить свое лидирующее положение в борьбе с домом Габсбургов (Геркулесовы столбы являются одним из важных элементов герба дома Габсбургов со времени правления Карла V) [18].

Проведенное исследование позволяет еще раз подтвердить факт о важности и значимости в период XVI века использования античных сюжетов в процессе формирования облика государя новой правящей династии и провозглашения характера проводимой им политики. Эти сюжеты были хорошо читаемы и активно используемы, несли современникам значимую дополнительную информацию, позволили французским королям, как предшествующей династии Валуа, так и возвышающейся династии Бурбонов, подчеркнуть и поднять статус своего происхождения и правления, соотнося его с образами римских императоров, античных героев и даже богов.

Литература

- 1. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pod-senyu-lyudovika-svyatogo-etiko-pravovye-osnovy-monarhicheskogo-kulta-vo-frantsii (дата обращения: 25.09.2019).
- 2. Лощилова Т. Н. Мария Медичи: история несостоявшегося мифа // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 6 (70) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840002250-4-1 (дата обращения: 25.03.2019).
- 3. Лощилова Т. Н. Эстампы Себастьяна Леклерка с медалей Генриха IV как исторический источник // Genesis: исторические исследования. 2019. № 3. С. 1–12. [Электронный ресурс]. URL: https:// nbpublish.com/library_read_article.php?id=29372 (дата обращения: 25.09.2019).
- 4. *Лощилова Т. Н., Носова Е. С.* «Добрый король Анри»: к истории одного мифа // Genesis: исторические исследования. 2019. № 4. С. 1–23. [Электронный ресурс]. URL: https:// nbpublish.com/library_read_article.php?id=29389 (дата обращения: 25.09.2019).
- 5. Медаль на рождение Людовика XIII // Музей Метрополитен. Нью-Йорк, США. [Электронный ресурс]. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/195408 (дата обращения: 25.09.2019).
- 6. Медаль с изображением Генриха IV в лавровом венке // Department des monnaies, médailles et antiques de la Bibliothèque nationale de France. Cabinet des Médailles, série royale Henri IV n° 284. [Электронный ресурс].

- URL: https://www.bnf.fr/fr/monnaies-et-medailles (дата обращения: 25.03.2019).
- 7. Медаль с портретным изображением Генриха IV // Национальная библиотека Франции, Кабинет медалей, монет и древностей. Париж, Франция. [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b7700256n (дата обращения: 25.09.2019).
- 8. Медаль, посвященная победе Генриха IV над герцогом Савойским. France, Henri IV (1589–1610), bronze medal, 1602. Opus: P. Danfrie; Mazerolle, 282; T. N. II, 3, 2; Jones, 193. [Электронный ресурс]. URL: https://www.deamoneta.com/auctions/view/331/982 (дата обращения: 25.09.2019).
- 9. Медаль. Генрих IV в образе Марса // Национальная галерея искусств. Вашингтон, США. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nga.gov/collection/art-object-page.98142.html (дата обращения: 25.09.2019).
- 10. *Мунье Р*. Убийство Генриха IV (14 мая 1610 г.) / Пер. с франц. М. Ю. Некрасов. СПб.: Евразия, 2008.
- 11. Π ивень M. Γ . Античные образы в декоративной живописи Кватроченто. M.: Буксмарт, 2018.
- 12. *Плешкова С. Л*. Генрих IV Французский // Вопросы истории. 1999. № 10.
- 13. Польская С. А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- 14. Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2006.
- 15. Ходовые монеты времен Генриха IV // Национальная библиотека Франции, Кабинет медалей, монет и древностей, Париж, Франция. [Электронный ресурс]. URL: https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb44798359h (дата обращения: 25.09.2019).
- 16. Эльфонд И. Я. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего средневековья // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. С. 346–364.
- 17. Эстамп с коронационной медали Генриха IV // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. [Электронный ресурс]. URL: https://numelyo.bmlyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005750 (дата обращения: 25.09.2019).
- 18. Эстамп с медали Афина и геркулесовы столбы // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. [Электронный ресурс]. URL: https://numelyo.bmlyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005764 (дата обращения: 25.09.2019).
- 19. Эстамп с медали Генрих IV в образе Беллерофонта // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. [Электронный

- pecypc]. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005762 (дата обращения: 25.09.2019).
- 20. Эстамп с медали Генрих IV в образе Геркулеса // Коллекция Эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. [Электронный ресурс]. URL: https://numelyo.bmlyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005754 (дата обращения: 25.09.2019).
- 21. Эстамп с медали на рождение дофина (Фетида и Ахилл) // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. [Электронный ресурс]. URL: https://numelyo.bmlyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005758 (дата обращения: 25.09.2019).
- 22. Lecler S. Estampe. [Электронный ресурс]. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/list/?order_by=Relevance&cat=quick_filter&search_keys[0]=%22Monn aies%2Bet%2Bm%C3%A9dailles%2Brelatives%2B%C3%A0%2Bl%27histoire%2Bde%2BFrance%2Bde%2BCharles%2BVII%2B%C3%A0%2BLouis%2BX III%22&search_keys[BML_42]=%22Monnaies+et+m%C3%A9dailles+relative s+%C3%A0+l%27histoire+de+France+de+Charles+VII+%C3%A0+Louis+XIII%22 (дата обращения 18.03.2019).

ANTIQUE PLOTS ON THE MEDALS OF HENRY IV

T. N. Loshchilova

Moscow State Pedagogical University, Moscow

The article is devoted to the analysis of ancient images presented on the medals of Henry IV. A brief statistical analysis of the medals suggests the prevalence of the use of ancient subjects to represent the Royal power in this period, as well as once again confirms the thesis of the frequent use of images of Hercules and Mars in the formation of the image of the first king of the Bourbon dynasty, which in turn emphasizes the idea of continuity with the previous Valois dynasty, which, since the middle of the XVI century, actively use ancient images and, in particular, the history of the exploits of Hercules, to characterize their rule.

Key words: Henry IV, medals, Hercules, ancient subjects, Renaissance.

Об авторе:

ЛОЩИЛОВА Татьяна Николаевна

Московский педагогический государственный университет, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, кандидат исторических наук, e-mail: tn.loschilova@mpgu.su.

About author:

LOSHCHILOVA Tatiana Nikolaevna

Moscow State Pedagogical University, Department of Ancient History and Middle Ages, Candidate of Historical Sciences, e-mail: tn.loschilova@mpgu.su.

УДК 94 (492)(460)

ИСПАНО-НИДЕРЛАНДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ НА ВЕСТФАЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РЕСПУБЛИКЕ СОЕДИНЁННЫХ ПРОВИНЦИЙ

М. П. Беляев

Российский университет кооперации, г. Мытищи

Испано-нидерландские переговоры на Вестфальском вызвали неоднозначную реакцию в Испании и голландской республике. Испанская корона не хотела признавать независимости Соединённых провинций. В самой республике статхаудер принц Оранский и провинция Зеландия считали необходимым продолжить войну. Крупная голландская заключению мира с Испанией, стремилась К воспользоваться завоеваниями и беспрепятственно развивать торговлю. Испанская монархия была вынуждена признать суверенитет республики, В Соединённых провинциях переговоры. начать сторонники заключения мира, а затем и его ратификации.

Ключевые слова: Испания, Зеландия, Соединённые провинции, Генеральные штаты, переговоры, суверенитет.

Испано-нидерландские переговоры на Вестфальском мирном конгрессе начались в 1646 г. В течение предыдущих лет, начиная с каталонского и португальского восстаний в 1640 г., было предпринято несколько попыток достижения соглашения между испанским королем и Нидерландами. Испанцы предлагали существенные преимущества для статхаудера и Генеральных штатов в случае заключения соглашения. Вначале испанские министры сомневались в пользе подписания мира с Нидерландами на любых условиях, но это был единственно правильный курс после того, как достижение урегулирования с Францией было признано невозможным. Несмотря на нежелание различных правительственных органов католической монархии и Соединенных провинций, мирные переговоры проводились в рамках Вестфальского конгресса. На этом международном открытом форуме Испания по-прежнему рассматривала, по крайней мере, частично, этот конфликт как внутренний. Габсбурги боялись, что результат конгресса будет предопределен французскими министрами. Невозможность достижения соглашения со статхаудером или Генеральными штатами, плюс разногласия среди провинций, составляющих голландскую республику, задержали официальное начало переговоров до начала 1646 г. [4, р. 618–619].

Нидерландские представители приехали в Мюнстер в конце 1645 г. Делегация республики поселилась в доме торговой гильдии (теперь в этом помещении расположен Центр языка и культуры Нидерландов). Переговоры велись на французском и голландском языках или на латыни, которыми свободно владели все члены нидерландской делегации. Благодаря высоким личным качествам членов делегации переговорный процесс быстро набирал силу. Принципиально было решено, что в основу переговоров должно быть поставлено достижение перемирия, а вопросы заморских колониальных владений, религии и межконфессиональных отношений должны оставаться за рамками переговорного процесса [1, с. 88; 4, р. 619].

Обе делегации имели предыдущий опыт ведения переговоров о суверенитете республики в 1609 г. при подписании так называемого Двенадцатилетнего перемирия и позже. Первое разногласие, как это имело место и в 1609 г. касалось полномочий, в частности, подписания соглашения от имени князей и республик, которыми обладали посланники обоих государств. Термин «полномочия» указывает на происхождение этого слова из формулы potestas, которая была взята из римского права в XIII в. Формулировка документов, в соответствии с которыми государства наделяли делегатов правом участия в переговорах, шла от декларации императора Александра Севера (III в.): «если инспектор, назначенный на один иск или дело, превышает или отступает от своих инструкций (officium mandati), его действие не может нанести ущерб его руководителю или dominus». Напротив, если в то время как у делегатов был plenam potestatem agendi, руководитель был связан соглашениями, подписанными ими. Специальный мандат поэтому требовался для представителей, которые действовали как поверенные своего князя. Но на переговорах об окончании конфликта между католической монархией и голландской республикой у выражения «полномочий» были другие значения [4, р. 619–620].

Соединенные провинции потребовали признания своего суверенитета как предварительное условие начала переговоров. Таким образом, повторялся сценарий, который имел место во время переговоров в Нидерландах под руководством Олденбарневельта и эрцгерцога Альберта. Республика должна быть признана независимой, иначе любой достигнутый договор не имел бы юридической силы для испанского короля и его министров. Король не был обязан уважать соглашение, подписанное с «мятежниками». Франсиско де Мело, командующий испанской армией в Южных Нидерландах и впоследствии назначенный членом государственного совета, советовал королю принять голландское требование. Он рассматривал переговоры с провинциями о заключении перемирия 1609 г., «как будто они были свободными и суверенными». Подслащивая горькую пилюлю, он указал, что «если перемирие с республикой не будет заключено, полномочия могут быть забраны». Передышка позволит испанской монархии вос-

становить свою гегемонию в Европе. Маркиз Леганеса согласился с Мело и признавал, что на голландскую республику смотрели как на самое свободное среди государств Европы. Он советовал признать её требования изза преимуществ в результате заключения перемирия [4, р. 620].

Король принял совет своих министров и пообещал признать полномочия, потребованные голландцами. Под давлением событий, восстаний в Португалии и Каталонии на Пиренейском полуострове и ситуации в Италии и в Нидерландах из-за войны с Францией король позволил своим представителям в Мюнстере признать провинции свободными и суверенными. Он сделал так, чтобы не задерживать переговоры, помня, что «в прошлом перемирии этот пункт упорно обсуждался и должен быть удовлетворён таким же образом, как это было сделано». Испанцы надеялись изменить формулировку этого подтверждения во время переговоров [4, р. 620–621].

После решения вопроса с полномочиями начались переговоры. Сложность представляли задержки, вызванные большим расстоянием от Мюнстера до двора Филиппа IV. Делегаты обеих сторон согласились использовать условия перемирия 1609 г. как отправную точку в переговорах. Первый затронутый пункт – это статус Соединенных провинций, республики, требующий признание провинций «свободными и суверенными». Это обсуждение развернулось снова, поскольку в соглашении 1609 г. голландцам предоставили это право с ясным ограничением, т. е. Нидерланды признавались независимыми в период перемирия, подписанного, чтобы начать переговоры о мире. Английский посол Сесил справедливо признал, что формулировка того пункта была неоднозначна, в лучшем случае она показывала, что провинции были независимы только в период переговоров о мире и не навсегда. Он указал, что испанцы или найдут предлог для того, чтобы прервать обсуждения, когда спор в Италии, в Вальтелине будет улажен, или используют перемирие, чтобы переманить народные массы северных провинций на свою сторону. Поскольку мир не был подписан, они признавались независимыми в течение срока действия перемирия. Так же считали испанцы. В 1645 г. один испанский министр в государственном совете отметил, что право короля по Соединенным провинциям «более чем достаточно будет сохранено возобновлением войны (как только перемирие прекратит действие)». Продолжение военных действий повлекло бы «отказ от всех условий и уничтожило все преимущества и гарантии мятежных провинций как свободных». Эта свобода, как он считал, не была «основана на праве, а на молчаливых презумпциях или терпимости. Статус восставших вновь возобновлялся после окончания перемирия» и был явной причиной начала военных действий. Министр подчеркнул, что «не может быть и речи ..., чтобы дать или приписать упомянутым провинциям любое явное или молчаливое признание требуемой ими свободы в связи с войной». Этот аргумент был не нов. Он использовался для отклонения требований Жуана IV на португальский трон. Факт, что его бабушка Катерина не вела войну против Филиппа II, когда он вошел в Португалию с армией, чтобы наследовать кардиналу-королю Энрике, интерпретировался как отказ от всей возможной защиты власти. Обращение за помощью к оружию было единственной привилегией республик и суверенных князей. Если кто не попадал в эту категорию, считался мятежником [4, р. 621–622].

Соединенные провинции действовали как независимое государство, подписывали соглашения и направляли посланников в различные страны Христианского мира, а с 1609 г. и до этого имели дипломатические отношения с Францией и Англией. Следовательно, они ожидали получить ясное «признание их суверенитета испанским королем в Мюнстере и предоставление им окончательно статуса respublica perfecta, чтобы смыть первородный грех восстания». У голландцев было ясное представление о том, что они ожидали от того, чтобы быть признанными «свободными и суверенными». В первые десятилетия Нидерландской революции провинции предприняли неудачные попытки найти иностранного правителя, князя, который мог оказать финансовую и военную поддержку в борьбе против испанской монархии. При этом правитель должен был уважать ограничение его полномочий привилегиями провинций и властью Генеральных штатов. Соединенные провинции пробовали на этом посту герцога Анжуйского и графа Лестера, но неудачно. Голландцы под руководством земельного защитника (landsadvocaat) Йохана ван Олденбарневелта пошли путем, который должен был привести к суверенной республике. В 1640-х гг. никто не отрицал успех этих усилий, и независимость Соединенных провинций никем не оспаривалась. Нидерланды обращались к примеру двух других республик. Швейцарская Конфедерация была также продуктом восстания против Габсбургов. Этот союз позволял значительное самоуправление составляющим его провинциям. Пример религиозного разнообразия Швейцарии мог быть предложен южным католическим провинциям. Они могли бы присоединиться к голландской республике до подписания Мюнстерского мира. Соединенные провинции требовали рассматривать себя как и республику Serenissima Венеции. Это государство, независимое от Священной Римской империи, хотя и католическое, но бросившее вызов власти римского папы. Противоречие между официальным статусом Соединенных провинций и их реальным положением на международной арене стало одной из многих проблем, возникших во время предварительных переговоров о созыве Вестфальского конгресса. 25 марта 1641 г. трудные обсуждения о «названиях и квалификациях», в которых упоминались Генеральные штаты, разрешились. Голландская сторона потребовала, чтобы император её рассматривал таким же образом, как республику Венеция. Соединенные провинции отклонили использование прилагательного fidelibus в любой ссылке на них, указывая, что решение Аугсбургского рейхстага 1548 г. установило полную автономию Бургундского округа, в который входили Нидерланды, от Империи. Голландская республика отказалась допустить любой вид подчинения, даже символический, внешней власти. Во времена Средневековья повсюду в Европе придерживались формулы короля как императора в своём королевстве, отказываясь от любого подчинения власти императора Священной Римской империи. Соединенные провинции ожидали только такого результата [4, р. 622–623].

«Полномочия» были таким образом изменены испанским королем и императором согласно пожеланиям Соединенных провинций. Однако посланники Филиппа IV попытались избежать любого признания или декларации о суверенитете Соединенных провинций. При этом испанцы начали относиться к голландцам как к представителям независимой страны, позволив республике присутствовать на Конгрессе, в то же время отрицая такое право за другими «мятежными» территориями и странами, такими как Каталония и Португалия. Соединенные провинции рассматривались как равноправный партнер на переговорах. Признание свободы и суверенитета провинций «не могло быть ограничено во времени, чтобы прибыть на переговоры, и не могло быть ограничено временем перемирия». Поэтому провинции отказались принять любое другое рассмотрение статуса республики. Соединенные провинции также отказались видеть это признание как акт великодушия, для которого они должны показать свою благодарность испанскому королю, требуя меньше в других пунктах. Зная, насколько были истощены испанские ресурсы, провинции хотели получить в максимально возможной степени все преимущества. Когда голландский ответ стал известен испанскому государственному совету, министры и сам король едва могли поверить его «дерзости». Они рассматривали так большую часть голландских требований, выраженных в семидесяти статьях проекта перемирия, который был «встречен с неодобрением» [4, р. 623-624].

Переговоры в Мюнстере, прерванные недостаточностью полномочий испанских представителей в январе, были возобновлены в конце апреля. Казалось, прошло много времени, так как глава имперской делегации на Вестфальском конгрессе Траутмансдорф уже был на грани заключения мира с Францией. Испания могла остаться один на один с Францией. Траутмансдорф уже сказал испанцам, что должен пожертвовать крепостью Брейзах. С лихорадочной спешкой или, как он писал в Мадрид, «с веревкой на шее», испанский посол Пеньяранда продолжал вести переговоры о заключении перемирия. Трудная ситуация, в которую попала монархия, заставила её признать провинции «свободными и суверенными». Новые инструкции, которые поступили Пеньяранде в начале июня, признавали свободу и суверенитет семи провинций. После оживленных дискуссий король решил в государственном совете, что независимость голландской республики должна быть признана без всяких ограничений или оговорок, и, таким образом, немедленно устраняется самое важное препятствие для переговоров. Это произошло в преддверии прибытия делегации Соединенных провинций, что противоречило тому, что ранее было согласовано [4, р. 624; 6, s. 302].

Итак, испано-нидерландские переговоры были немедленно возобновлены. Голландцы явно хотели символизировать, что всё начинается хорошо. Якоба ван дер Бурга отправили на официальную встречу с его испан-

ским коллегой Педро Фернандесом дель Кампо на полпути между двумя посольствами и квартирой, где проживал Пеньяранда. Цель состояла в том, чтобы обменяться актами, подписанными обоюдно послами, «содержащими резолюцию о месте переговоров и языке, на котором они будут вестись». Это было новым подтверждением соглашения, которое уже было достигнуто, что две делегации по очереди посещают друг друга для обсуждений. Все переговоры шли на французском и голландском языках. Для удобства также можно было говорить на латыни. Таким образом, исключался тот язык, который император Карл V считал единственным достойным человека для обращения к Небесному Отцу - кастильский. Изысканная испанская вежливость была высоко оценена бывшими повстанцами. Это тем более пришлось по вкусу, когда французы демонстрировали свою любезность с явным нежеланием. На встрече с главой французской делегации Лонгвилем приоритет отдавался французским коллегам, несмотря на равный статус. Голландский дипломат Клант из Гронингена остался наблюдать за их спинами. В то же время враг в лице испанского посла Пеньяранды был всегда вежлив при встречах [9, р. 264–265].

Возобновление переговоров произошло в тот момент, когда нидерландские дипломаты Паув и де Кнюит вернулись из своего путешествия. Они оба составляли душу дипломатической миссии. Удивительно, что испанцы, которые уже усердно работали с де Кнюитом, похоже, не осознали важность Паува в это время. По крайней мере, мы читаем, что «президент Зеландии и еще один делегат» были в Гааге. Его имя упоминается в других случаях, он всегда прибывает без каких-либо дополнительных объяснений от имени своего коллеги из Зеландии. Можно сказать, что должно было быть известно в Мадриде и, конечно, в Брюсселе, кем был Адриан Паув, но в испанских депешах из Мюнстера он выходил на первый план только тогда, когда французы почти официально сказали об этом. В «Обращении» восьми государственных деятелей, которое представитель Южных Нидерландов на переговорах Бергейн получил в октябре 1645 года от своего посланника отца Ванделя из Гааги, мы находим Паува. Здесь последний называется «бывшим консулом Амстердама». В нём Паув описывается как человек, пока не склонный к заключению мира. В этом документе гораздо больше внимания уделяется тому факту, что отцы двух нидерландских дипломатов Мейнерсвика и Матенесс умерли католиками, а сами они также симпатизировали римской церкви [9, р. 265–266].

Пеньяранда был полон решимости сделать условия соглашения настолько щедрыми, чтобы голландцы могли его подписать, не спрашивая разрешения у себя дома. Переговоры проходили в срочном порядке. У послов сложились прекрасные отношения друг с другом, что вызвало раздражение французов. Соглашение о перемирии, которое вскоре было подписано Пеньярандой и тремя голландскими послами, было не только обновлением старого договора. Оно основывалось на временном сохранении статус-кво, все территориальные вопросы, а также вопросы торгового судоходства, колоний и религиозной терпимости были

обойдены стороной. Все, что могло быть отложено, было отложено и оставлено открытым. Для испанцев важно было только одно: Нидерланды должны выйти из союза с Францией [6, s. 302].

Испанская сторона предложила создать комиссию из равного количества нидерландских и испанских представителей, чтобы изучить детали и определить точно, какие районы действительно придерживались юрисдикции Хертогенбоса (это – спорная территория). Требование, касающееся фламандских гаваней (обсуждалось в королевском совете и получило возражения в Брюсселе на том основании, что такая договоренность будет очень разрушительна для Фландрии), и один или два других пункта, были сначала отклонены как несовместимые с суверенными правами короля. Однако голландцы оставались непреклонными. Пеньяранда и его коллеги согласились несколько дней спустя уступить все Генералитетские земли (южная полоса территории, которая не принадлежала ни одной из семи провинций республики, была завоевана после 1621 г. и населялась значительным количеством католиков) и негативно отнеслись к вопросу пошлин во фламандских гаванях. 30 мая голландцы формально приняли испанские уступки и дали требуемую гарантию прав католиков на Генералитетских Оставалась неулаженными в основном только проблемы Индии [4, р. 624–625; 7, р. 361].

В это время в республике развернулись яростные споры по поводу условий соглашения. При этом есть одно поразительное различие, как они проходили в 1646-1647 гг. и 1629-1630 и 1632-1633 гг. Раньше мирная пропаганда говорила о сохранении материального положения. Часто повторялся аргумент, что налоги во время перемирия будут обязательно столь же высоки, как во время войны, так чтобы люди не ожидали, что перемирие или мир будут существенно менее обременительными. Теперь же говорилось о том, что перемирие бесспорно и значительно уменьшит бремя расходов, будут снижены, например, налоги на торговлю. Те, кто говорили о том, что война приносила пользу коммерции, были осмеяны. Теперь считали, что прекращение войны с Испанией позволит эффективно проводить колониальную политику, защищать рыболовство от англичан, датчан и португальцев. Благодаря миру с Испанией, республика будет в состоянии вытеснить португальцев из Бразилии и с Дальнего Востока. В то же время и сторонники войны, и сторонники мира боялись конкуренции со стороны населения, торговли и промышленности Фландрии и Брабанта. Сторонники мира настаивали, что будет намного менее опасно, если эти территории останутся под властью Испании, чем если они перейдут под власть более сильного монарха Франции. Чтобы утешить промышленников за ожидаемые потери в Северной Европе, один памфлетист пытался возбудить их аппетит к испанскому рынку, который, как он считал, принесет больше прибыли. Были также многочисленные предупреждения относительно опасности со стороны Франции как возможного непосредственного соседа республики в Южных Нидерландах [7, р. 362–363].

Ещё одним широко распространенным аргументом за мир стала ликвидация угрозы Дюнкерка. Сторонники мира были убеждены рассмотреть опыт последнего перемирия. Интересы Ост-Индской и Вест-Индской компаний могли пострадать, особенно ввиду изменения обстоятельств для Вест-Индской компании. Не очень убедительно защитники войны утверждали, что будет легче оказать давление на Португалию и поддержать положение компании в Бразилии, пока республика оставалась в состоянии войны с Испанией. Сторонники продолжения войны сконцентрировали свой огонь в памфлетах на ожидаемые проблемы в торговле, а не на колониальных проблемах. Самый слабый и наименее подчеркиваемый из всех их аргументов был тот, что французы – традиционные друзья республики [7, р. 363–364].

Обращение памфлетистов к среднему человеку было отмечено готовностью эксплуатировать популярные предубеждения против дворян, торговой элиты и, в некоторых случаях, городской верхушки. Они ориентировались на интересы маленького человека, ремесленника, владельца магазина, моряка, фермера и мелкого вкладчика, а не на требования крупных купцов, вызывавших неприязнь и зависть в обществе. Лидеры так называемой испанской фракции, такие как Адриан Паув и Андрис Бикер, представлялись как подкупленные испанцами и ослепленные приманкой испанского серебра, выступавшие за восстановление торговли с Испанией, из которой они извлекут выгоду в ущерб народным массам. Против «испанцев» с негодованием выступали ведущие семьи Дордрехта Беверенсы и де Витты, дордрехтские текстильщики, розничные торговцы и другие «маленькие люди». Говорить о том, что дворянство целиком выступало против перемирия из-за собственных «прибыли, интереса, и благосостояния», нельзя. Фактические интересы дворян были очень различны, и они присутствовали с обеих сторон. Поскольку война памфлетов продолжалась, продолжалась и борьба в провинциях и в Гааге [7, р. 364–365].

В течение июля и августа 1646 г. провинции рассмотрели урегулированные в Мюнстере вопросы и рассчитывали сроки предложенного перемирия в течение 20 или 30 лет. В Штатах Голландии также обсуждали вопрос о переходе от перемирия к мирным переговорам. Этот проблема обсуждалась ещё в августе 1643 г. В сентябре острота обсуждения вылилась в драку в Штатах Голландии, в которой большинство городов, включая Харлем, выступало за мир, который отвергали Лейден и Гауда. Последние города настаивали на том, чтобы нидерландско-испанские переговоры велись о перемирии сроком 12 или 15 лет, а сам договор не подписывался, пока Испания не предложит лучшие сроки. Голландское большинство выдвинуло перед Генеральными штатами предложение о переходе от перемирия к мирным переговорам. Это обострило обсуждение этого плана по всей республике. Посол на переговорах Паув, Бикер и их союзники активно поддерживали заключение мира. 13 октября провинции Оверэйссел и Гельдерланд с готовностью согласились на предложение Голландии. Утрехт скоро последовал их примеру, хотя там сохранилась сильная оппозиция в Штатах, в частности, что не должно быть никаких уступок по религиозным вопросам в Генералитетских землях и что о мире с Испанией нужно договориться совместно с Францией, как предусмотрено в соглашениях о союзе. Зеландия отклонила предложение Голландии напрямую. Её депутаты утверждали, что мирная политика Филиппа IV есть результат неблагоприятных обстоятельств, за которыми скрывается постоянная враждебность, которая никогда не уйдёт, пока все семь провинций снова не попадут под испанское господство. Но это было изъезженной риторикой. Зеландия возражала, выдвинув следующие аргументы: армия придет в упадок и потеряет весь военный опыт, голландская торговля и промышленность неизбежно сократятся с момента вступления мира в силу, интересами Ост- и Вест-Индских компаний по-дурацки жертвуют, а Южные Нидерланды останутся вечно томиться под испанским господством. Короче, такой мир работал бы к выгоде папистов всюду в провинциях Нидерландов [7, р. 366–367].

Тем временем были созваны специальные заседания Штатов Фрисландии и Гронингена, чтобы рассмотреть предложение о полном мире. Увещеваемые двумя делегатами, пенсионарием Голландии Алкмааром и пенсионарием Харлема Альбертом Руилом, который был ключевой фигурой против партии войны (по слухам, благодаря различным взяткам, исходящим из Амстердама), 23 октября Гронинген и Фрисландия согласились. Голландия, несмотря на возражения Лейдена, усилила давление на Зеландию. Наконец, 27 октября Генеральные штаты проголосовали шестью провинциями против одной за переговоры о заключении мира. Делегаты Зеландии расценили это голосование как явное нарушение статей Утрехтской унии [7, р. 367].

В ноябре в центре внимания вновь оказались колониальные дела и запутанные вопросы установления границ. Провинции стремились выработать свои инструкции для решающей последней фазы переговоров в Мюнстере. Они согласились потребовать коммерческого доступа для своих компаний к испанским Индиям для начала на востоке и западе. Сложность заключалась в том, что в этом случае надо было настаивать на полном признании Испанией всех голландских завоеваний, включая территорию, впоследствии потерянную в Бразилии летом 1645 г. Эти требования распространялись на острова Цейлон, Тайвань, Молукка, Малакка, захваты в Анголе и Гвинее, а также в Бразилии и Карибском море. Испанцы должны были в интересах Ост-Индской компании согласиться на соблюдение голландской монополии на вывоз пряностей с Молуккских островов, несмотря на присутствие испанских фортов там, или в любой из португальских колоний в Азии, которые не завоевали голландцы. Главные нерешенные проблемы касались установления границ у Овермэаса, районов Фалькенбург, Далем и Хертогенраде на севере и востоке от Маастрихта, которые Фредерик Хендрик занял в 1632 г., но в 1635 г. и в последующие годы их частично вновь заняли испанские войска. Бесспорное владение этими окрестностями было существенным для безопасности Маастрихта. Генеральные штаты потребовали полного владения этими районами, но решили для себя, что если испанцы не пойдут навстречу, переговоры не должны быть прерваны. Нидерландская делегация должна согласиться на создание комиссии о рассмотрении пограничных споров. Послы республики должны были продолжить свои усилия для получения Гельдерна и сопротивляться испанским требованиям по религиозным делам на Генералитетских землях. Наконец, 8 января 1647 года испанские дипломаты и семь голландских полномочных представителей (только Недерхорст, лучший друг французов, отказался это сделать) подписали мирные соглашения, о которых они договорились в декабре, и передали небольшое количество нерешенных вопросов для последующего урегулирования [5, р. 43; 7, р. 367–368].

Но в течение года ничего существенного в ходе переговоров решено не было. Смерть статхаудера Фредерика Хендрика в марте 1647 г. резко изменила положение вещей и укрепила Соединенные провинции в усилиях по достижению мира с Испанией. Вдова Фредерика Хендрика, принцесса Амалия, активно поддержала антивоенную позицию Штатов Голландии. 30 января 1648 г. между Соединенными провинциями Нидерландов и испанской монархией в Мюнстерской ратуше был подписан мирный договор. Именно в период наступившего кризиса в работе Вестфальского конгресса голландская республика достигла своей желанной цели – мира с Испанией и признания своего суверенитета. Договор был ратифицирован провинциальными штатами. В конечном итоге победили силы, которые выступали за достижение прочного мира. Единственной провинцией, которая долго не желала действовать заодно с Голландией, оказалась Зеландия. В Генеральных штатах приложили много усилий к тому, чтобы получить «в пользу мира» и голос этой провинции. Зеландия выступала против мира с Испанией, так как опасалась, что это «ударит» по Вест-Индской компании, основная часть акций которой принадлежала зеландскому купечеству (каперство против испанцев приносило ему большой доход). К тому же в Штатах Зеландии принц Вильгельм Оранский, сын Фредерика Хендрика и противник мира, к которому после смерти отца перешли полномочия статхаудера, пользовался большим влиянием. Но в итоге искомое единогласие всех семи провинций было достигнуто [1, с. 89, 91; 2, с. 279–280; 3, c. 135–136; 4, p. 618].

Испано-нидерландский мирный договор в конечном счете был ратифицирован там же, в Мюнстерской ратуше, 15 мая. Этот момент увековечен голландским живописцем Герардом тер Борхом на его картине *Присяга при ратификации Мюнстерского соглашения 15 мая 1648* (Национальная Галерея, Лондон).

Голландская республика праздновала подписание соглашения как двойное освобождение: от войны, которая длилась с 1560-х гг., и окончательное освобождение от испанского господства. Соединенные провинции получили подтверждение своего суверенитета и своей независимости от католической монархии, наконец, испанский король ратифицировал то, что

Генеральные штаты односторонне объявили законом об отречении 1581 г. В результате спустя почти 70 лет удалось получить окончательное признание независимости провинций [4, р. 618].

От начала переговоров в январе 1646 г. до клятвы при ратификации Мюнстерского мира прошло всего два с половиной года. Если учитывать, что принятие решения требовало много времени в Гааге при жестком федерализме голландской республики, основанном на суверенитете провинций, то следует отметить, что переговоры прошли в относительно короткий период. В течение этого периода французы прикладывали все силы, чтобы предотвратить заключение сепаратного мира между Испанией и республикой. Они обращались с заявлениями не только к Генеральным штатам, но и вдохновляли интенсивную пропаганду, в том числе с помощью листовок, что вызывало, наконец, ответную публицистическую волну со стороны испанцев. Дискуссия велась как в непосредственной политической беседе, так и в листовках, особенно с сентября 1646 г., когда провинция Голландия выдвинула предложение о превращении соглашения о перемирии в мирный договор. Переговоры в Мюнстере шли с полным успехом. Дело не только в их результате, но и в том, что делегация республики в этот период осуществляла посреднические функции между Испанией и Францией. Хотя эта миссия закончилась неудачей, однако авторитет Соединённых провинций на международной арене возрос. Посреди этого барочного, монархического мира представители республики способствовали самыми между могущественными державами переговорам пы [8, s. 346–347].

В определенной мере Мюнстерский мир нанес сильный удар по английским роялистам и нидерландским оранжистам, недаром во Франции его даже считали прелюдией к возможному и опасному для нее заключению голландско-английского союза, но Версалю было важно ускорить мирные переговоры, чтобы избежать радикализации обстановки внутри страны. Мюнстерский мир стал составной частью договорной системы Вестфальского мира 1648 г., окончательно определившего северную границу Испанских Нидерландов и санкционировавшего закрытие для внешней торговли устья Шельды. Вестфальский мир положил конец Тридцатилетней войне, окончил голландско-испанские войны XVI–XVII вв., предоставил международные гарантии независимости Соединенных провинций, а также завершил период, который в современной нидерландской историографии, как правило, называется Восьмидесятилетней войной 1568—1648 гг. [3, с. 138].

Литература

1. Дмитрієв А. І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право. К.: Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького НАН України; Київський університет права, 2001.

- 2. *Тер-Акопян Н. Б.* Англо-голландские отношения 1642–1648 гг. и Мюнстерский мир // Проблемы британской истории. М.: Наука, 1972. С. 252–281.
- 3. *Шатохина Г. А.* Нейтральный внешнеполитический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира 1648 г. до конца Первой мировой войны: дисс. на соискание уч. ст. д.и.н. М.: ИВИ РАН, 2010.
- 4. *Baena L. M.* Negotiating Sovereignty: the Peace Treaty of Münster, 1648 // History of Political Thought. 2007. Vol. 28. № 4. P. 617–641.
- 5. *Braun G*. La crise de la diplomatie française en 1646–1647 // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 2006. Bd. 33/2. P. 37–68.
 - 6. Dickmann F. Der Westfälische Frieden. Münster: Aschendorf, 1972.
- 7. *Israel J. I.* The Dutch Republic and the Hispanic world, 1606–1661. Oxford: Clarendon press, 1982.
- 8. *Lademacher H.* «Ein letzter Schritt zur Unabhängigkeit». Die Niederländer in Münster 1648 // Der Westfälische Friede. Diplomatie politische Zäsur kulturelles Umfeld Rezeptionsgeschichte / Heinz Duchhardt (Hrsg.). München: R. Oldenbourg, 1998. S. 335–348.
- 9. *Poelhekke J. J.* De Vrede van Munster. 's. Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1948.

THE SPAIN-NETHERLAND NEGOTIATIONS AT THE CONGRESS OF WESTPHALIAN AND THE INTERNAL POLITICAL STRUGGLE IN THE REPUBLIC OF THE UNITED PROVINCES

M. P. Belyaev

Russian University of Cooperation, Mytishchi

The Spanish-Dutch negotiations at the Congress of Westphalian provoked mixed reactions in Spain and the Dutch Republic. The Spanish crown did not want to recognize the independence of the United Provinces. In the republic itself, the stathauder Prince of Orange and the province of Zeeland considered it necessary to continue the war. The big Dutch bourgeoisie strove to conclude peace with Spain in order to take advantage of the conquests and freely develop trade. The Spanish monarchy was forced to recognize the sovereignty of the republic in order to begin negotiations. In the United Provinces, supporters of the conclusion of peace, and then its ratification, defeated.

Keywords: Spain, Zeeland, United Provinces, General States, negotiations, sovereignty.

Об авторе:

БЕЛЯЕВ Михаил Петрович

Российский университет кооперации, кафедра правоведения, кандидат исторических наук, e-mail: babek-han@mail.ru.

About author:

BELJAEV Mikhail Petrovich

Russian University of Cooperation, Department of Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: babek-han@mail.ru.

УДК 94(430).03.05

ХАРАКТЕРНЫЕ ГРАНИ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ ПРИ ЯНЕ СОБЕСКОМ

Л. И. Ивонина

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

В статье охарактеризованы отличительные особенности поэтического жанра в польской литературе во время правления Яна Собеского. Автор подробно остановилась на панегирических произведениях, отражающих военные и политические достижения этого короля, и затронула аспекты повседневной жизни.

Ключевые слова: польская поэзия, Ян Собеский, политика, война, победа под Веной, кофе.

Знаменитый король Ян III Собеский (1629–1696) и по сей день является культовой фигурой в Польше. Благодаря одержанной им победе над турками под Веной в 1683 г. он, вслед за Николаем Коперником, Марией Склодовской-Кюри и Иоанном Павлом II, вписал свое имя в список выдающихся поляков, внесших значительный вклад в историю Европы и всего мира. По опросу, проводившемуся газетой «Irish Times» в 2013 г., Ян Собеский занял 11-е место в списке великих европейцев [4]. Этот польский король является одной из ключевых фигур XVII в., о чем свидетельствуют его биографии и общие работы по истории Речи Посполитой и Европы, вышедшие в Германии, США, Великобритании, Франции и, конечно, в самой Польше [13]. Ян III стал легендой уже при жизни, и значительная часть этой легенды создавалась польской поэзией. Каковы же отличительные особенности этого жанра во время его правления?

Во-первых, это панегирические произведения, отражающие военные и политические достижения Собеского. В начале ноября 1673 г. 30-тысячная армия тогда еще великого гетмана коронного Яна Собеского осадила Хотинскую крепость. На рассвете 11 ноября в снежную метель Ян лично повел свои силы в атаку на валы турецкого лагеря Гусейна-паши и одержал победу. 35-тысячное войско османов потеряло убитыми 20 000, а в руках поляков оказалась хорошо укрепленная крепость с большими запасами продовольствия и военного имущества (66 знамен, 120 пушек и значитель-

ная войсковая казна). Эта победа подняла престиж Речи Посполитой в Европе и покрыла славой гетмана Собеского, получившего прозвище «Хотинский лев» [3, р. 95–98; 11, р. 39; 2, с. 123].

За день до победы под Хотином во Львове скончался польский король Михаил Вишневецкий, что открыло Собескому дорогу к польской короне. Кандидатами на престол, кроме Собеского, были Луи II де Бурбон-Конде, герцог де Лонгвиль, герцог Йоркский Яков Стюарт, курфюрст Бранденбургский Фридрих Вильгельм I, принц Датский Георг, баварский курфюрст Макс II Эммануэль и поддерживаемый Габсбургами Карл V Леопольд, герцог Лотарингии. Никто из них не мог конкурировать с великим гетманом коронным. Элекционный сейм открылся 30 апреля, а 19 мая 1674 г. над польской столицей разнесся рев шляхты Vivat Joannes Rex! (Да здравствует король Ян!).

Коронован Ян III был только 2 февраля 1676 г., совершив пышный въезд в Краков. Но еще раньше, в январе того же года вышла из печати «Польская муза на въезд Яна III в Краков» – анонимный панегирик, посвященный его коронации. Этот труд любопытен как своим содержанием, так и историей. Долгое время считалось, что «Музу» сочинил великий маршалок коронный Станислав Хераклиуш Любомирский – видный государственный деятель и не менее крупный поэт второй половины XVII в. Лишь сравнительно недавно ее автором был признан поэт, сатирик и моралист Вацлав Потоцкий, кому потомки отдают пальму первенства среди эпиков польского барокко. Под одной обложкой с «Музой» также анонимно был напечатан и панегирик Собескому, который тоже принадлежал перу Потоцкого. Очень скоро «Муза» попала в Москву через пребывавшего в Варшаве стольника и полковника В. М. Тяпкина. Русский резидент следил не только за событиями и интригами, но и за поэзией, приобретая интересующие его произведения и отсылая их в Посольский приказ. А там уже делался их выборочный перевод.

Когда «Муза» появилась в Москве, она вызвала негодование в Приказе из-за имеющихся в ней претензий к восточному соседу. Это сказалось на отношениях между Речью Посполитой и Русским государством спустя десятилетие, во время переговоров в 1686 г. о «вечном мире». Когда польские послы в Москве подняли вопрос о возвращении Киева, возглавлявший русскую сторону князь В. В. Голицын перечислил целый ряд причин, по которым это невозможно. Среди причин были упомянуты и сочинения с укоризнами Русскому государству. «В книге, изданной Потоцким, помещены такие речи, что не только говорить, но и вспомянуть страшно, например: неверная Русь, дурная Москва, упрямый москвитянин. И после этаких нестерпимых, лютых и явных досадительств можете ли вы, поляки, надеяться когда нибудь получить Киев? Возможен ли между нами вечный мир?», — говорил Голицын.

Вместе с тем, польский историк А. Карпиньски подчеркивает, что хотя в «Музе» выражение «дурная Москва» и другие неприятные для русского уха и глаза словосочетания повторяются не один раз, политическое ядро

этого сочинения составляли восхваления в адрес Собеского, борьба с Портой и надежда на долгий мир. Сравнивая Собеского с античными богами и героями, Потоцкий отмечал, что

Ян берет польский скипетр, а не Юпитер, И его подданные — его товарищи...
Я уверен, что он не позволит Турции, Чтобы Подолье платило дань...
Ты поменяешь шлем на корону..., Освободишь святую справедливость из темницы, В которой та сидела до сих пор...
Ты — польский Марс, который Храбро вел солдата в поле, Не опасаясь ни зимы, ни турок, будучи верен делу своему. Пускай боятся холодов другие — Ведь ветер, солнце и мороз лишь добродетели покорны.

Интересный панегирик новому королю, изданный в 1676 г. в типографии Франциска Цезаря-младшего, сочинил и философ из Ловича, преподаватель Новодворской коллегии Рафал Казимир Артеньский. Он носил название «Щит Сарматии наияснейшего и могущественнейшего властелина и господина Яна III... с тиснением анаграмматических и эпиграмматических жемчужин его добродетелей, заслуг и побед». Артеньский обращал внимание читателя на «лучшее золото и драгоценные камни польского щита» на гербе Собеского, и завершал свое сочинение словами: «Я желаю тебе, Король, столько солни, сколько зерен на земле, и ожидаю столько побед, сколько тебе будет лет» [10, р. 237; 8, р. 17; 13, р. 98; 9; 12; 1, с. 122].

Победа под Веной нашла широкое отражение в польской литературе того времени. Писатели и панегиристы пели дифирамбы и создавали ауру героизма вокруг победителя мусульман в стихах и прозе, на латыни и попольски. Он достиг вершин Олимпа еще при жизни. Его сравнивали с античными и библейскими героями, такими, как бог войны Марс или Моисей, и с выдающимися лидерами древности — Александром Македонским, Помпеем или Цезарем. Популярный в XVII в. польский историк и поэт Веспасиан Коховский (1633–1700), сопровождавший короля в походе, в поэме «Дело Бога, или песни Вены освобожденной» (1684) видел в Собеском величайшего героя, нового мессию, кого Провидение послало с миссией защитить христианский мир. Событие под Веной часто рассматривалось как крестовый поход, а победитель турок представал новым польским Годфри по аналогии с фигурой Годфри Бульонского (1061–1100), лидера первого похода и правителя Иерусалимского королевства [6].

Безусловно, панегирические сочинения субъективны, но все же отражают как виды на будущее их авторов и всех тех, кто стоит за ними, так и ожидания самих государей. Сбылись ли эти надежды? Лишь отчасти, но

правление Яна Собеского способствовало тому, что закат Речи Посполитой заиграл яркими красками.

Победа над османами под Веной в 1683 г. внесла вклад и в развитие европейской повседневной жизни. Так, при отступлении турки бросили весь свой обоз, в котором находились огромные запасы кофе. Король Ян отдал мешки с кофе одному из его офицеров, Францишеку Ежи Кульчицкому, который открыл в Вене первую кофейню «Под голубой бутылкой» и тем самым способствовал популяризации кофе в Европе. Более того, чтобы подсластить горький кофе, поляк добавил в него молоко и мед, изобретя таким образом прообраз капучино. Ныне в столице Австрии есть улица Кульчицкого, на которой возведена его статуя. Правда, ставший подданным французского короля поэт Ян Анджей Морштын, принимавший участие в походе на Вену во главе собственной гусарской хоругви в 230 всадников, утверждал, что это «напиток сатанинский, что искривляет рот христианина»:

Я помню, на Мальте мы пили когда-то
Питье для пашей Мустафы и Мурата;
По вкусу оно лишь турецкому люду,
Христьянскую жалко марать им посуду.
У нехристей кофе в почете и славе,
А нам что за радость в подобной отраве?» (Пер. А. Сиповича)

В заключение хочется упомянуть еще об одном стихотворении. С годами образ Собеского не потускнел, а, напротив, заиграл новыми красками. В XVIII, а еще более в XIX вв., на фоне разделов Польши и потери ею независимости, его деятельность, и не только на поле брани, получала высокое признание в литературе [5, s. 420]. В разделенном польском обществе культ Собеского выполнял своеобразную функцию компенсации, став одним из важнейших элементов национального единства и создавая традиции патриотизма. Ян Собеский в качестве последнего рыцаря в Европе, последнего гетмана в Польше и ее последнего истинного короля стал символом национального единства и свободы. В его честь были созданы многочисленные литературные произведения, песни, гимны и марши, написаны великолепные картины, отчеканены памятные медали и возведены памятники. Ни один польский король не удостоился такого количества монументов [7, s. 74].

Самый монументальный из них — четырехметровая статуя Яна III, остановившего силы Османской империи под Веной — был возведен по инициативе Станислава Августа Понятовского (1732—1798), короля Польши в 1764—1795 гг., в 1788 г. в парке Королевские Лазенки в Варшаве. Бронзовая модель статуи выполнена придворным скульптором Андре Ле Бруном, а каменную скульптуру изготовил Францишек Пинк. Монумент был высечен из песчаника, привезенного из карьера у города Шидловец еще при Яне Собеском. Король в рыцарских доспехах и шлеме с плюмажем сидит

на вздыбленном коне, попирающем копытами турецких воинов. По бокам расположены опирающиеся на трофейное турецкое оружие щиты с надписями на польском и латинском языках: «Яну III, королю Польскому и Великому князю Литовскому, защитникам родины и союзникам, которых мы потеряли в 1696 году. Станислав Август Король. Год 1788». Памятник установлен на мосту, специально перестроенном для этой цели в 1777—1780 гг. по проекту Доминика Мерлини. Его торжественно открыли 14 сентября 1788 г., в 105-ю годовщину победы под Веной. На открытии памятника, которое сопровождалось рыцарским турниром, исполнением кантаты на слова Адама Нарушевича и музыку Мартина Камиенского, героическим балетом, праздничным ужином и фейерверком, присутствовали около 300 000 человек.

Станиславом Августом двигало не только уважение к славному предшественнику. Установленный после начала в 1787 г. русско-турецкой войны этот памятник был также элементом антитурецкой пропаганды. Так Станислав Август хотел укрепить отношения с Россией и защитить страну от очередных разделов. Не получилось – и политических талантов ему не хватало, и конкуренцию среди великих держав века Просвещения, поглотившую Польшу, нельзя было остановить. Это понимали многие поляки. И уже на следующий день на основании монумента появилась анонимная надпись:

Венскому богатырю, За то, что христиан избавил, Красивый памятник из камня Станислав поставил. Дважды злотые вложил бы, Трижды доложил бы, Чтоб стал камнем Станислав, А Ян III жил бы¹. (Перевод Л. И. Ивониной).

Литература

- 1. *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII веков и их значение для истории польской литературы // Славяноведение. № 2. 2002. С. 122. Рукописный текст сочинения содержится в РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 481–485.
- 2. *Флоря Б. Н.* Россия и Дунайские княжества в 1674 г. // Вестник славянских культур. 2015. Т. 1. № 35.
- 3. Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland / Tindal Palmer A. L.: John Murray, 1815.
 - 4. Irish Times. Wed., Mar. 13, 2013.

-

¹ Bohaterowi z Wiednia, / co chrześcijan zbawił, / Piękny pomnik z kamienia / Stanisław wystawił, / Dwakroć złotych kosztował / – trzykroć bym dołożył, / By Stanisław skamieniał, / a Jan III ożył.

- 5. Jan III Sobieski // Polski Słownik Biograficzny. T. 10. 1962–1964.
- 6. *Kochowski W.* Dzieło Boskie albo Pieśni Wiednia wybawionego i inszych transakcyjej wojny tureckiej w roku 1683 szczęśliwie rozpoczętej / Oprac. Marian Kaczmarek. Wrocław, 1983.
- 7. Maliszewski K. Z dziejów staropolskiej kultury i cywilizacji. Lublin, 2010.
- 8. *Millar S., Dennis P.* Vienna 1683: Christian Europe Repels the Ottomans. Osprey Publishing, 2008.
 - 9. Muza polska na wjazd Jana III do Krakowa. Kraków, 1676.
- 10. *Pasek J. Chr.* Memoirs of the Polish Baroque: The Writings of Jan Chryzostom Pasek, a Squire of the Commonwealth of Poland and Lithuania. Oakland: University of California Press, 1976.
- 11. Polish Manuscripts, or The Secret History of the Reign of John Sobieski, The III of that Name, King of Poland, containing a particular account of the siege of Vienna... / trans. François-Paulin Dalairac. London: Rhodes, Bennet, Bell, Leigh & Midwinter, 1700.
- 12. *Potocki W.* Muza polska na tryumfalny wjazd najasniejszego Jana III / Wyd. A. Karpinski. Warszawa, 1996.
- 13. *Varvounis M.* Jan Sobieski: The King Who Saved Europe. Xlibris Corporation, 2012.

CHARACTERISTIC FEATURES OF POLISH POETRY UNDER JAN SOBIESKI

L. I. Ivonina

Smolensk State University, Smolensk

The article analyzes the distinctive features of the poetic genre in Polish literature during the reign of Jan Sobieski. The author elaborated on panegyric works reflecting the military and political achievements of this king, and touched upon aspects of everyday life.

Keywords: Polish poetry, Jan Sobieski, politics, war, victory near Vienna, coffee

Об авторе:

ИВОНИНА Людмила Ивановна

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, доктор исторических наук, e-mail: ivonins@rambler.ru.

About the author:

IVONINA Liudmila Ivanovna

Smolensk State University, Department of World History, Doctor of Historical Sciences, e-mail: ivonins@rambler.ru.

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВГЕНИЯ САВОЙСКОГО В ГОФКРИГСРАТЕ

Ю. Е. Ивонин

Смоленский государственный университет, Смоленск

В статье на примере деятельности в Гофкригсрате (Придворном военном совете) великого полководца раннего нового времени Евгения Савойского рассматривается проблема «второго человека в государстве», стоявшего позади своего монарха, но нередко сильно влиявшего на принятие важных решений. Это особенно важно, когда «второй человек» был не только политиком, но и руководителем военных сил государства. Таким деятелем был принц Евгений Савойский, что проявилось в его политике как первого министра Австрии, так и председателя Гофкригсрата. Сочетание двух видов деятельности позволяло ему оптимально руководить внутренней и внешней политикой государства в условиях военного времени.

Ключевые слова: Евгений Савойский, Гофкригсрат, война за испанское наследство, «молодой двор», Хехштедт, Утрехтский мир.

Одним из ярких примеров деятельности и жизни «второго человека в государстве», возвысившегося благодаря своим талантам, является длительная деятельность принца Евгения Савойского, сочетавшего в себе полководца и государственного деятеля. Это прекрасно показывает его активное участие не только в военных кампаниях, но и во внутренней, особенно финансовой, политике императоров Священной Римской империи во время войны за испанское наследство 1701–1714 гг.

Начнем с 1702 г., когда военные действия между Францией и ее противниками набрали мощные обороты. Евгений Савойский находился в это время в Северной Италии, но был отозван в Вену. Отзыв Евгения Савойского был вызван тем обстоятельством, что император решил направить его на германский участок военных действий. Как раз к этому времени окончательно определилась позиция Макса Эммануэля Баварского, одного из активных участников войн с турками в 80-х гг. ушедшего века. Макс Эммануэль был раздосадован тем, что испанская корона «уплыла» из рук Виттельсбахов. Надежды на то, что корона Габсбургов может оказаться в руках Виттельсбахов, в принципе также были призрачными. В 1701 и 1702 гг. он заключил договоры с Людовиком XIV и получил значительные денежные суммы на содержание баварской армии. Но во внешней политике и в военных делах он полностью зависел от Мадрида, а во внутренней политике от Государственного и Тайного Советов Испанских Нидерландов [3, с. 258–260; 11, s. 148 etc.; 26, s. 51–57, 99, 112, 116; 8, s. 120–122].

Совместные действия Макса Эммануэля и войск французских маршалов Виллара и Таллара вызвали беспокойство Вены и ее союзников. Французы нанесли поражение маркграфу Людвигу Вильгельму Баденскому, затем захватили важную крепость Брейзах в верхнем течении Рейна, наконец, нанесли поражение 20 сентября 1703 г. при Хохштедте имперской армии. Но Макс Эммануэль, горделивый и заносчивый, не нашел общего языка с Вилларом. В этой обстановке Евгений Савойский был назначен в конце июня 1703 г. председателем Гофкригсрата (Придворного военного совета), в качестве которого он оставался до конца своей жизни. Этим назначением он был обязан покровительству римского короля и будущего императора Иосифа I, который имел при дворе партию своих сторонников, называвшуюся партией «молодого двора» и отличавшуюся стремлением к проведению реформ и явной антифранцузской позицией. К этой партии принадлежали гофкаммерпрезидент и хороший финансист граф Гундакер Штаремберг, способный государственный деятель и дипломат граф Иоганн Венцель Вратислав, граф Филипп Людвиг фон Зинцендорф и воспитатель Иосифа I обергофмейстер князь Карл Теодор Зальм. «Молодой двор» стал центром оппозиции старым советникам Леопольда. Во время финансового кризиса 1702-1703 гг. наследник настоял на проведении реформ, которые должны были улучшить внутриполитическое положение, устранить трудности в снабжении армии и решить финансовые проблемы [6, с. 228–229; 23, s. 457, 459; 8, s. 122–124; 15, p. 178–179]. Однако уже постаревший князь Зальм, человек вспыльчивый и несдержанный с неодобрением смотрел на возвышение Евгения Савойского (он был старше того на 18 лет). Будучи педантичным и аккуратным службистом, происходивший из прирейнских графов, приходившийся родственником пфальцнейбургским герцогам, он приобрел немалое влияние при дворе императора Леопольда, но сделал это уже в немолодом возрасте. Поэтому он недоброжелательно относился к возвышению Евгения Савойского, очевидно, полагая, что в случае смерти Леопольда I его самого могут оттеснить от кормила власти. Зальм с самого начала стал критиковать военные мероприятия Евгения Савойского, занимая фактически место первого министра при старом императоре и особенно при Иосифе I [12, s. 321–325].

Покровительство Иосифа, живого и темпераментного, ловеласа и бонвивана, страстного ненавистника Франции во многом помогало Евгению Савойскому на посту председателя Гофкригсрата. Ему определенно приходилось преодолевать косность и малоподвижность в органах управления при Леопольде I с их старым австрийским принципом пускать дела на самотек. В начале войны за испанское наследство этот принцип показал свою несостоятельность, особенно, когда обнаружилось, что армии Евгения Савойского в Италии явно не хватало денег, провианта и солдат. Именно поэтому были уволены председатель казначейства граф Залобург и президент Гофкригсрата граф Мансфельд, а на их места были назначены соответственно Гундакер Штаремберг и Евгений Савойский. В начале следующего года Иосиф создал «депутацию посредников» в составе Зальма,

Евгения Савойского и Штаремберга, стал председательствовать на всех военных совещаниях. Гофкригсрат разработал по согласованию с выдающимся английским политиком и полководцем герцогом Мальборо стратегию, которая должна была привести к перелому в войне в пользу союзников. Но старые советники Леопольда не сдавались, Иосиф даже был отстранен от участия в военных советах, в результате чего Евгений Савойский пригрозил отставкой. Совмещение функций главнокомандующего и президента Гофкригсрата позволяло Евгению Савойскому стать в полном смысле слова «полководцем нового типа», при котором армия инкорпорировалась в государство, а полководец мог одновременно выполнять функции военачальника, политика и дипломата. В этом смысле особенно значительной была деятельность Гофкригсрата, занимавшегося военным бюджетом и контролировавшего денежные расходы войск. Большую роль в деятельности Евгения Савойского играло также участие в выделенной из Тайного Совета еще старым императором Тайной Канцелярии, членами которой были наиболее доверенные советники: кроме Евгения Савойского, в Тайной Канцелярии состояли гофканцлер граф Зинцендорф и имперский вице-канцлер Фридрих Карл фон Шенборн, вошедший в круг доверенных лиц уже при Иосифе в 1709 г. [6, с. 230–231; 14, Bd. I. s. 365–369; 24, s. 328–329, 339; 18, s. 16–19; 21, s.45].

Одним из первых шагов нового президента Гофкригсрата была организация в начале 1704 г. похода в Италию. Еще в июне 1704 г. в письме графу Гвидо Штарембергу, находившемуся в Италии, Евгений Савойский сообщал своему корреспонденту о переговорах в Англии о получении денежных кредитов и о разработке планов маневров с целью обойти знаменитую линию Вобана. Кампания, как видно, замышлялась на два фронта – на юге Нидерландов и в Италии [22, Bd. 2. s. 44-45]. Между тем Макс Эммануэль в декабре 1703 г. захватил Аугсбург и вторгся в Нижнюю Австрию, подойдя вплотную к Линцу, откуда открывался прямой путь на Вену. На востоке венгерские повстанцы под руководством трансильванского князя Ференца Ракоци, подстрекаемого французским королем, начали совершать рейды в направлении Вены. Возникли серьезные опасения, что баварская армия и повстанцы Ракоци смогут объединиться в самом сердце Австрии. Предотвратить эту опасную для Империи комбинацию можно было только действиями объединенных сил морских держав и Империи. Опасавшийся объединения баварских и венгерских сил герцог Мальборо двинулся со своей армией вопреки мнению голландских чиновников, считавших с целью экономии денег, что надо только брать крепости, в Баварию. Уже с июня 1703. происходила оживленная переписка между ставкой Мальборо и Веной при активном участии Евгения Савойского и графа Вратислава. Мальборо успешно взаимодействовал с савойцем и подумывал о том, где и как лучше объединиться с имперской армией, приостановив операции на Нижнем Рейне и Маасе. 6 января 1704 г. состоялась встреча курфюрстов Пфальцского и Майнцского с Зинцендорфом и голландским министром Алмело во Франкфурте, во время которой были подготовлены к возвращению Евгения Савойского из Пресбурга (Братиславы), где ему удалось снять осаду города повстанцами Ракоци, соображения о характере совместных действий [14, Bd. II. s. 44–47; 15, p. 180–181, 189; 17, s. 54–56].

В самом деле, победы объединенных франко-баварских войск в южной Германии угрожали выключением имперских сил из активных военных действий, что было опасно для англичан и голландцев. Успешная операция близ Маастрихта и удачная осада Бонна вдохнули было надежды на успех в герцога Мальборо. Эти надежды подкреплялись также известиями о действиях имперских войск под командой Евгения Савойского в Северной Италии. Мальборо намеревался, не вступая в крупные сражения, разрушить одно за другим французские укрепления линии Вобана, а уже потом устремиться на соединение с имперской армией Евгения Савойского и произвести совместные операции в долинах Мозеля и Дуная. Главная цель заключалась в занятии Баварии и максимальном ослаблении армии Макса Эммануэля. Герцог, конечно, рисковал в случае неудачи своей военной и политической карьерой, ибо в Лондоне и Гааге не были согласны с его планами. Он прекрасно понимал, что задуманная им и Евгением Савойским кампания являлась единственной реальной возможностью ослабить Людовика XIV. В письменном виде этот план был впервые оформлен 21 апреля 1704 г. Мальборо и Вратиславом раньше, чем об этом узнали император и главнокомандующий имперской армией в Южной Германии маркграф Баденский. Маркграф не согласился с идеей захвата Баварии и выступил за переговоры с Максом Эммануэлем. В конечном счете, он со своей армией покинул ряды союзников. Причина этого поступка заключалась не только в чисто военных расчетах, но и в стиле мышления имперских князей, считавших себя самостоятельными суверенами и ставивших свои интересы и мнения выше имперских [5, с. 132–146].

Вратислав постоянно находился в армии Мальборо и отправлял депеши Евгению Савойскому, который в свою очередь посылал донесения императору о движении как союзных войск, так и о перемещениях баварцев и французов (у Марсена и Таллара было свыше 50 тысяч человек). 5 мая Мальборо двинулся маршем на юг и через три дня достиг Кобленца, где он впервые лично встретился с Евгением Савойским. Из Кобленца началось движение союзных войск через Вюртемберг в Баварию. Письма Евгения Савойского, направленные членам Гофкригсрата, полны сетований на разногласия с Людвигом Баденским, проблемы проходившей кампании, от которой он ждал «мало хорошего». То ли им в самом деле владела тревога за исход этой кампании, ибо войск у союзников по сравнению с франкобаварскими войсками было маловато, то ли он перестраховывался, нельзя сказать определенно. Противник был подготовлен хорошо – у него было достаточно артиллерии, провианта и амуниции, тогда как у Евгения не было уверенности в том, что все части имперской армии подойдут вовремя и будут обеспечены всем необходимым: ведь их посылали ему фактически независимые имперские чины, да и Людвига Баденского нельзя было заставить действовать так, как этого хотели Евгений Савойский и Мальборо [5, с. 138–141; 22, Bd.2. s. 74–76, 113–115, 120–121, 114–145].

Союзники долго маневрировали. Хотя им удалось 2 июля взять Шелленберг, что позволило переправиться через Дунай у Донауверта, кампания грозила затянуться, так как франко-баварская армия заняла прекрасную оборонительную позицию под Аугсбургом. Поэтому союзникам пришлось заняться систематическими опустошениями баварских территорий в надежде вынудить Макса Эммануэля заключить сепаратный мир. 12 августа имперская и англо-голландская армии объединили свои силы общей численностью 53 тысячи человек. Франко-баварские войска не ждали сражения, так как с таким количеством солдат вряд ли кто мог решиться начать наступление. Но, наблюдая за формированиями противника, Мальборо и принц Евгений решили 13 августа рано утром двинуться маршем на позиции противника и начать решительное сражение. В свою очередь, армия Макса Эммануэля (в ней по разным данным было 6–10 тысяч человек) и армии Марсена и Таллара 12 августа разбили лагерь на противоположном берегу Дуная от городка Хохштедт, заключив, наконец, компромисс относительно характера возможных военных действий и растянув фронт своего расположения на 7 километров. Макс Эммануэль и Марсен расставили свои войска на левом фланге и в центре, тогда как Таллар разместил свою армию на правом фланге близ деревни Блиндхайм (Бленхайм). На левом фланге и в центре позиции союзников находилась армия Мальборо в количестве 34 тысяч [23, s. 459; 17, s. 65; 22; 14, Bd. II. s. 74–76; 2, с. 519– 521].

Но атака Евгения Савойского не увенчалась успехом, хотя начало ее было многообещающим. Его кавалерия была вынуждена отступить. Мощное наступление армии Мальборо развивалось с переменным успехом, и неизвестно, как бы развивались события дальше, если бы не известная безынициативность Таллара, занявшего пассивную оборону и не предпринимавшего контрнаступательных действий, для которых, по замечанию Г. Дельбрюка, нужен был великий полководец. Удайся Евгению Савойскому обходной маневр с целью охвата левого фланга армии Таллара, он мог бы прижать его к Дунаю и достигнуть еще большего успеха. Но атаки Евгения сковывали силы Марсена и Макса Эммануэля, не давая им возможности прийти на помощь Таллару, что как раз удачно использовал Мальборо, прорвавший кавалерийскими атаками оборону французской пехоты севернее Блиндхайма. Сражение, производившееся примерно равными силами и затянувшееся до поздней ночи, завершилось победой союзников. Это было сражение на полное уничтожение противника. С обеих сторон пало по разным оценкам от 11 до 12 тысяч человек, но в руках союзников оказалось 11 тысяч пленных, среди которых был и маршал Таллар, и 150 орудий [2, с. 522–523; 17, s. 65–66; 27, s. 148; 25, s. 151–153; 14, Bd. II. s. 76-77; 22, Bd. 2, s. 141-143; 19, p. 87]. Победа при Хохштедте (в английской традиции – Бленхайме) принесла лавры победителя и европейскую славу не только Мальборо, но и Евгению Савойскому, поскольку изменила соотношение сил в войне за испанское наследство. Опасность прорыва франко-баварской армии к Вене была предотвращена. Это была первая понастоящему крупная победа сил антифранцузской коалиции в этой войне. К. О. фон Аретин даже высказался в том духе, что эта победа сохранила Старую империю еще на столетие, отложив все разговоры о федеративном устройстве Империи на это же время [4, с. 92–96; 9, s. 35, 232]. И в этом была значительная заслуга Евгения Савойского.

Английский парламент подарил ему манор Вудсток близ Оксфорда и денежную сумму в размере 1 млн. ф. ст., израсходованную на строительство дворца под названием Бленхайм [20, s. 109–110]. Возрос и авторитет Евгения Савойского. Он был воодушевлен успехом и писал 15 и 16 августа 1704 г. из Южной Германии римскому королю, т. е. Иосифу Габсбургу, и императору, что он ничего не желал более, как заслужить их «благосклонность и милость», мало того, он передавал свои «всепокорнейшие поздравления Вашему императорскому Величеству». В то же время он не пытался приписать всю победу себе, а информировал своих корреспондентов о помощи, полученной им от Мальборо. Прусскому королю Фридриху I он писал, насколько обязан своему успеху в сражении прусским отрядам [5, с. 142–143; 24, s. 262].

Осенью этого же года Мальборо отправился через Трир в Гаагу, предварительно согласовав с Иосифом и Евгением Савойским план проведения в ближайшем году военного похода в Италию. Южная Германия была очищена от французских войск, Бавария временно перешла под юрисдикцию императора. В середине декабря Евгений Савойский находился в Ландсхуте в качестве штатгальтера Баварии, но, передав свои полномочия фельдмаршалам Гронсфельду и Эрбевиллю, он 30 декабря 1704 г. въехал в Вену, где его влияние в течение последующего полугодия сильно возросло [14, Bd. II, s. 82–83].

Евгений Савойский находился в ореоле славы. Но при дворе старого императора борьба за власть и влияние не только не ослабла, но и усилилась. Принц Евгений и граф Вратислав пытались усилить свое влияние с помощью герцога Франсиско ди Пареты, последнего посла покойного испанского короля Карла II в Вене, которого очень ценил привлекший его к себе на службу Леопольд I. Усилению их влияния противились старые министры. Первое же столкновение произошло при утверждении должности штатгальтера Баварии. Евгений Савойский, рассматривавший Баварию как плацдарм для будущих военных операций в Италии, настаивал на назначении на этот пост графа Вратислава. Однако император склонился к кандидатуре графа Левенштейна, с чем Евгений Савойский не был согласен. Заседания Тайной Конференции проходили в обстановке постоянных дискуссий и враждебности соперничающих партий, доносил в Париж французский агент, отмечавший также тайную ревность в отношениях между императором и его сыном. Эти столкновения напоминали худшие времена начала 90-х гг. и мешали Евгению Савойскому осуществлять запланированную им и герцогом Мальборо подготовку к новому итальянскому походу. Его письма к Мальборо, графу Гвидо Штарембергу, находившемуся тогда в Италии, и герцогу Савойскому были все же полны планов осуществить проект захвата Савойи и наступления через Дофине во Францию. Он ведет переговоры по финансовым вопросам, о поддержке романоязычных кантонов Швейцарии, жалуется на проблемы в Австрии. «Я работаю день и ночь и употребляю все силы для того, чтобы в ближайшем месяце феврале начать поход» — пишет он Гвидо Штарембергу 29 января 1705 г. [14, Bd. II, s. 102–103; 22, Bd. 2. s. 309–311]. Но поход начался позже, нежели планировал Евгений Савойский.

Ему предшествовали значительные изменения в политике венского двора, связанные с перегруппировкой сил в управлении, вызванной смертью 5 мая 1705 г. старого императора Леопольда I и восшествием на престол Иосифа І. Евгений Савойский видел в Иосифе не только императора и господина, но и друга, который, помимо всего прочего, был решительно настроен против Франции. При этом императоре, правившем в 1705-1711 гг., принц Евгений достиг пика своей военной и политической карьеры, получив звания имперского генералиссимуса и имперского фельдмаршала. Но Иосиф I был склонен к удовольствиям, заводил многочисленные романы, финансовое положение короны при нем находилось в опасном положении. Он привел к власти членов «молодого двора», настроенного проводить реформы, но сам, как правило, не вникал в повседневные заботы управления. Конечно, Евгений Савойский использовал военную славу для утверждения своего положения в качестве ведущего имперского политика, но и тут он столкнулся с ревнивым и вспыльчивым князем Зальмом. Сам Иосиф I, безусловно, добился усиления роли императора и в Австрии, и в Империи, как и Леопольд I, благодаря военной ситуации, но его правление было кратковременным между долгими правлениями Леопольда I и Карла VI (1711-1740), что во многом способствовало возникновению его репутации как «забытого императора», по выражению американского историка Ч. Инграо. Его реформы в принципе носили решительный характер. Были сокращены лишние чиновники и члены Тайного Совета, увеличены контрибуции. С другой стороны, пришедшая к власти группа его друзей не была единой. Зальм выступал против Евгения Савойского и Вратислава. Иосифу I, быстро увлекавшемуся и быстро остывавшему, многого не удалось осуществить. Финансовая поддержка Англии в сумме 250 тысяч ф. ст. предотвратила финансовый кризис и дала возможность продолжать войну. Но границы Империи были уязвимы из-за многочисленных и разбросанных ее владений. Что касается внешней политики, Иосиф I был скорее арбитром, нежели движущей силой в ее формировании. Конечно, проводить реформы в состоянии войны и кризиса было очень сложно, поэтому многие из них так и остались из области пожеланий [6, с. 231–233, 236; 10, Bd. I. s. 339, 438; 16, p. 1–2, 28–30, 220, 225; 23, s. 460–461; 8, Bd. 2. s. 140– 141].

Вскоре после восшествия на престол этого императора Евгений Савойский при финансовой поддержке морских держав снова перешел Аль-

пы и начал новую итальянскую кампанию в поддержку действовавшей там небольшой армии под командованием Гвидо Штаремберга. Безусловно, император Иосиф думал и о том, чтобы защитить территориальные интересы Австрии в Италии. В Испании этого времени повсюду писали, что он заботится только о своих экономических семейных интересах, не защищая интересы его же брата эрцгерцога Австрийского Карла, провозглашенного частью испанской аристократии королем Испании под именем Карла III [9, s. 269; 16, p. 67–76].

Уже в конце июня Евгений Савойский отправил императору реляции, в которых сообщал о продвижениях своих войск в Ломбардии и трудностях в обеспечении своевременного информирования о них императора и Гофкригерата. Большие трудности заключались в том, как писал он имперскому союзнику герцогу Савойскому, что после обильных дождей реки разлились, и перейти их без понтонов было невозможно, из-за чего продвижение имперской армии к Пьемонту задерживалось. В это же время он сообщал герцогу Мальборо, что намерен двинуться в направлении Милана, к которому уже стягивались войска противника под командованием герцога Вандомского, хотя дела плохи, так как он сам не знает, что ему делать с двумя армиями противника. Он надеялся на помощь Пруссии и совместные действия с Англией и Голландией. Савойским генералам он рекомендовал прислать ему подкрепление, хотя одновременно ждал отрядов от прусского короля, а также из Вюрцбурга и Вюртемберга, «иначе эта война ничем хорошим не закончится» («car autrement cette guerre n'ira jamais bien») [22, Bd. 2. s. 531–535, 584, 626–628].

В чем же тут дело? То ли это обычная хитрость, заключавшаяся в том, чтобы потом оправдаться, что, впрочем, учитывая смелость, ответственность и представления о чести Евгения Савойского, маловероятно, то ли скорее типичная для Австрии экономическая и военная политика, когда постоянно не хватало денег и солдат? Во всяком случае, когда Евгений Савойский в январе 1706 г. приехал в Вену, он нашел изменившуюся ситуацию, при которой ему чинили немало препятствий при дворе в процессе подготовки к новым военным кампаниям. Если в декабре 1705 г. он писал Иосифу I просьбы освободить его от командования ввиду недееспособности армии, то теперь его мнение изменилось главным образом из-за того, что он понял важность положения в Италии для исхода войны и судеб Европы. Решительные действия в Италии могли спасти союзников. Сам Евгений Савойский, посланный на выручку Карлу Австрийскому в Испании, одерживает там ряд побед, что дало союзникам шанс переломить ситуацию в этой стране в свою пользу.

Обладание Миланом издавна считалось чрезвычайно важным, исходя из стратегических целей господства над Северной Италией и проходами в Среднюю Италию. Все же объявление Евгением Савойским Милана владением императора было ошибкой, потому что ранее Милан являлся владением испанской короны. Затем армия Евгения Савойского расположилась на зимние квартиры в папских землях Болонье и Ферраре, что дало

повод папской курии быть недовольной в целом политикой императора. Первый же серьезный конфликт возник из-за герцогства Парма-Пьяченца, которое император рассматривал как имперский лен и от которого требовал, как и от других итальянских ленников, выплаты контрибуции в размере 540 тысяч флоринов, четверть суммы от которой должны были платить священники. Заключенное герцогом Пармским и Евгением Савойским тайное соглашение от 14 декабря 1706 г. о выплате контрибуции папа Климент XI объявил недействительным и угрожал Евгению отлучением от церкви. Евгений Савойский, однако, напомнил, что этот же папа разрешал взимать контрибуции в этом же герцогстве французам. Как бы то ни было, на всех переговорах по этим вопросам Евгений Савойский очень четко проводил линию Иосифа I, которая, на взгляд К. О. фон Аретина, была слишком сильной и могла отпугивать английских и голландских союзников [9, s. 277–289; 8, Bd. 2. s. 152–153; 208–209; 27, s. 150–151].

Популярность Евгения Савойского возросла настолько, что когда 4 января 1707 г. в своем замке Раштатт умер маркграф Людвиг Вильгельм Баденский, имперский генерал-лейтенант и католический рейхсфельмаршал, вопрос о том, кто как не победитель при Хехштедте и Турине, получит звание рейхсфельдмаршала, даже не стоял, хотя формально Евгений Савойский происходил не из имперских князей. Представители как католических, так и протестантских чинов Империи на рейхстаге в Регенсбурге 21 февраля 1707 г. единогласно избрали рейхсфельдмаршалом Евгения Савойского. Одновременно встал вопрос о том, кто примет командование имперской армией в Испании – Евгений Савойский или Гвидо Штаремберг, к выбору которого склонялись император и старый противник Евгения Савойского князь Зальм, в частности, писавший герцогу Мальборо, что победы принца Евгения носили случайный характер. Но это значило бы, что победа при Хохштедте (Бленхайме) тоже была случайной. Хотя император вначале не соглашался отправить Евгения Савойского в Испанию по причине занятости принца и опасности со стороны Османской империи и Швеции, он все же решил, учитывая меньший опыт Штаремберга в военных делах, послать Евгения в Испанию.

Интриги Зальма, правда, успеха не имели. В конечном счете, в августе 1709 г. он был отправлен в отставку. Другим противником, ставшим позднее другом и партнером в государственных делах, Евгения Савойского был имперский вице-канцлер Фридрих Карл фон Шенборн, принадлежавший к знаменитому роду имперских графов фон Шенборнов, игравшему значительную роль в политической жизни Империи как эрцканцлеров и курфюрстов Майнцских. Ставший после смерти в 1705 г. графа Кауница имперским вице-канцлером фон Шенборн нередко сталкивался в борьбе мнений с Евгением Савойским. Это сотрудничество способствовало тому, что Евгений Савойский мог вести дела не только на полях сражений, но и в переговорах с европейскими государствами [12, s. 332–333, 336; 13, s. 301–304; 14, Bd. II. s. 368].

Весна и лето 1708 г. застали Евгения Савойского уже в Нидерландах, где он снова встретился с герцогом Мальборо. Положение герцога в самой Англии становилось довольно шатким, поскольку партия тори плела против него интриги, его обвиняли в финансовых злоупотреблениях, превышении власти, стремлении любыми средствами продолжать войну и установить диктатуру. Для сохранения своего положения ему нужны были только победы. 11 июля произошла битва при Ауденаарде на реке Шельда, в которой Мальборо и Евгений Савойский действовали, можно сказать, плечом к плечу. Союзники повели атаку преимущественно против правого крыла французских войск, которыми командовали не смогшие согласовать свои действия и не любившие друг друга герцог Вандомский и внук французского короля герцог Луи Бургундский. Сражение, длившееся с восьми часов утра до позднего вечера, закончилось отступлением герцога Бургундского и бегством французской армии. Кампания 1708 г. заставила Версаль пойти на переговоры, в которых активное участие принял и Евгений Савойский. Руководитель французской дипломатии маркиз Жан-Батист Кольбер де Торси был вынужден под давлением Хейнсиуса идти на уступки, кроме отказа Филиппа V от прав на испанскую корону. Империя, официально не вступившая в англо-голландский Гаагский альянс, проводила переговоры с целью создания из католических княжеств на Рейне своего рода буферное образование в виде Нордлингенской ассоциации, требовавшей от Франции уступить ей Эльзас со Страсбургом. Евгений Савойский, ведший переговоры с имперской стороны, пришел к выводу об их бесполезности, все более склоняясь к тому, что основные цели переговоров не будут достигнуты. Хотя граф Зинцендорф и Хейнсиус согласовали условия предварительного мира, было ясно, что только новый предстоящий военный поход может решить исход войны [1, с. 633-635; 9, s. 289-2921.

Англичане готовились к заключению мира с Францией, поскольку усиление Империи не отвечало их интересам, тем более Франция стремилась к мирным переговорам, которые начались 8 октября 1711 г. на условиях раздельного существования бурбоновских династий во Франции и Испании. Призрак империи Карла V сближал намерения французской и английской дипломатий. Англия и Голландия стремились к восстановлению равновесия сил, нарушенного Францией, которая теперь вряд ли в ближайшее время могла это сделать еще раз. В самой Великобритании усилились настроения в пользу заключения мира с Францией, так как расходы на войну увеличились по сравнению с ее началом в два раза. Партия тори муссировала слухи, что Империя содержит на свои деньги только 20 тыс. солдат, на самом же деле значительная часть тори, а также правящие круги Голландии опасались усиления торговых позиций Австрии, претендовавшей на Испанские Нидерланды. Смена парламентских партий у кормила власти в Лондоне, оказавшаяся неожиданной для Вены, была чрезвычайно невыгодной для нового императора [14, Bd. III. s. 15–16, 26– 29, 52–53; 9, Bd. 2. s. 221–223.].

Новый император Карл VI был, пожалуй, самым «испанским» из всех австрийских Габсбургов. Длительное пребывание в Испании и воспитание у иезуитов наложили на него значительный отпечаток. Он строго соблюдал испанский придворный церемониал, был очень замкнутым, по характеру довольно мягким человеком, находившимся под влиянием своих испанских советников, нерешительным и подозрительным по отношению к австрийским советникам, что проявлялось в его отношениях с Евгением Савойским. Ему определенно не хотелось отказываться от испанского трона, но ситуация складывалась так, что ему пришлось это сделать и пойти на переговоры с Францией в Утрехте по этому вопросу [7, с. 241–247].

Литература

- 1. *Блюш* Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998.
- 2. Дельбрюк Γ . История военного искусства. Средневековье. Новое время. Смоленск: Русич, 2003.
- 3. *Ивонин Ю. Е.* Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время. 1495–1806. Т. 1–2. М.: РКонсульт, 2004–2009.
- 4. *Ивонина Л. И.* Война за испанское наследство. М.: РосКонсульт, 2009.
- 5. *Ивонина Л. И.* Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019.
- 6. Шмидт Γ . Иосиф I 1705—1711 // Шиндлинг A., Циглер B. Кайзеры. Священная Римская империя. Австрия. Германия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- 7. Шмидт Γ . Карл VI 1711—1740 // Шиндлинг A., Циглер B. Кайзеры. Священная Римская империя. Австрия. Габсбурги. Ростов-н-Дону: Феникс, 1997.
- 8. Aretin K. O. von. Das Alte Reich. Bd. 2. Kaiserstradition und österreichische Großmachtpolitik (1684–1745). Stuttgart: Klett-Cotta, 1997.
- 9. Aretin K. O. von. Das Reich. Friedenordnung und europäische Gleichgewicht. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992.
 - 10. Arneth A. von. Prinz Eugen von Savoyen. Bd. I. Wien, 1864.
- 11. *Braubach M*. Die Politik des Kurfürsten Max Emmanuel von Bayern im Jahre 1702 // *Braubach M*. Die Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jh. Gesammelte Abhandlungen. Bonn, 1969.
- 12. *Braubach M*. Ein Rheinischer Fürst als Gegenspiel des Prinzen Eugen von Savoyen am Wiener Hof // *Braubach M*. Die Diplomatie und geistiges Leben im 17. Und 18 Jh. Gesammelte Abhandlungen. Bonn, 1969.
- 13. Braubach M. Friedrich Karl von Schönborn und Prinz Eugen // Braubach M. Die Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jh. Gesammelte Abhandlungen. Bonn, 1969.
 - 14. Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen. Bd. I–V. Wien, 1963–1965.
- 15. *Hochedlinger M.* Austria'a Wars of Emergence. War, State, Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797. L.: Longman, N. Y., 2003.

- 16. *Ingrao Ch*. In Quest in Crisis. Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy. West Lafayette, 1979.
- 17. *Junkelmann M.* Feldzug und Schlacht von Höchstädt // Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim / Hrsg. von J. Erichsen und K. Heinemann, Ostfildern, 2001.
- 18. *Kunisch J*. Prinz Eugen und der Staat der Typus des neuen Feldherrn // Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit / Hrsg. von J. Kunisch. Freiburg und Würzburg, 1986.
 - 19. McKay D. Prince Eugene von Savoy. L.: Thames & Hudson, 1977.
- 20. *Metzdorf J.* Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und Englische Publizistik in Spanischen Erbfolgenkrieg. Mainz, 2000.
- 21. *Müller K*. Diplomatie und Diplomat im Zeitalter des Prinzen Eugen // Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit / Hrsg. von J. Kunisch. Freiburg und Würzburg, 1986.
- 22. Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen // Hrsg. von F. Heller. Bd. 1–4. Wien, 1848.
- 23. *Press V.* Kriege und Krisen. Deutschland 1600–1715. München: Volker Press, 1991.
- 24. *Schillng H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin: Siedler, Cop., 1989.
- 25. Schmidt H. Prinz Eugen und Marlborough // Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit / Hrsg. von J. Kunisch. Freiburg und Würzburg, 1986.
- 26. Schryver R. Max II Emanuel von Bayern und die Spanische Erbe. Die europäischen Ambitionen des Hauses Wittelsbach 1665–1715. Mainz, 1996.
- 27. *Vocelka K*. Österreichische Geschichte 1699–1815. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion in Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001.

THE BEGINNING OF THE ACTIVITIES OF EUGENE VON SAVOY IN THE HOFKRIEGSRAT

Yu. E. Ivonin

Smolensk State University, Smolensk

The article is devoted to the activities of Commander-in Chief of Austria in early modern time Eugene von Savoy at the beginning of his carrier as the President of Hofkriegsrat. The author investigates this problem as one of the «second man in the state», who stands after his monarch, but has significant influence in making of important decisions. It was especially important when second person was not only a politician, but the Commander-in-Chief of military forces of the state. Eugene von Savoy was such second person, shown in his politics as the first minister of Austria and the president of Hofkriegsrat. The combination of two activities gave him the possibilities to rule internal and foreign policy of the state in the conditions of war.

Keywords: Eugene von Savoy, Hofkriegsrat, Spanisch Succession War, Young Yard, Hochtstedt, The Peace of Utrecht.

Об авторе

ИВОНИН Юрий Евгеньевич

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, доктор исторических наук, e-mail: juri_ivonin@rambler.ru.

About the author

IVONIN Yuri Evgenievich

Smolensk State University, Department of World History, Doctor of Historical Sciences, e-mail: juri_ivonin@rambler.ru.

УДК 94(415).08

«СКАНДАЛ В ПРАГЕ» ГЕНЕРАЛА М. Г. ЧЕРНЯЕВА В ОТРАЖЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЫ

Ю. А. Курдин, А. Р. Панов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В январе 1877 г. в Прагу прибыл бывший главнокомандующий сербской армией в ходе сербско-турецкой войны, российский генерал Михаил Григорьевич Черняев. Приезд Черняева вызвал воодушевление среди чехов, что повлекло негативную реакцию со стороны властей Австро-Венгрии, которые вынудили генерала покинуть пределы страны. В статье по материалам газет Австро-Венгрии, Германии, Франции и Великобритании прослеживается, какова была общественная реакция на эти события в различных европейских государствах, и какие проблемы оказались затронуты в связи со «скандалом в Праге».

Ключевые слова: М. Г. Черняев, XIX век, европейская пресса, международные отношения.

Генерал Михаил Григорьевич Черняев сыграл видную роль в ходе сербско-турецкой войны 1876 г., будучи главнокомандующим сербской армией, однако поражение в войне и неодобрение его деятельности со стороны российского правительства вынудили его отправиться в путешествие по Европе после окончания военных действий. Черняев, поставленный перед выбором, — возвращение в Россию с правом проживания только в Киеве или отъезд в Европу, предпочел заграницу, и его поездка, в какой-то мере имевшая характер добровольного изгнания, длилась с декабря 1876 г. по

апрель 1877 г. Сербская кампания вызвала мощный резонанс не только в России, но и в других странах, причем если для российского общества наиболее актуальным оказался разлад между официальной политикой Санкт-Петербурга, нацеленной на недопущение втягивания России в войну, и всенародным движением в поддержку балканских славян, возглавленным Московским Славянским комитетом, то для Европы более характерным было размежевание политических сил, по тем или иным причинам выражавших свою поддержку либо туркам, либо славянам.

Соответственно, и сражавшийся за дело сербов Черняев получал диаметрально противоположные оценки как в России, так и за рубежом, хотя истоки враждебного к нему отношения имели, конечно, принципиально разные основания. В России Черняев был не только полководцем, но и общественным деятелем, издателем консервативной газеты «Русский мир», и вполне объяснимо, что основная критика в его адрес раздавалась со стороны либералов, включая тогдашнего военного министра Д. А. Милютина. Михаил Григорьевич находился в оппозиции правительству и без труда мог представить, какой травле он мог подвергнуться в России на страницах проправительственных и либеральных изданий. Более того, ход и результаты сербско-турецкой войны привели к определенному разочарованию даже среди тех, кто поддерживал Черняева и сербов ранее, и очевидно, что все это повлияло на его решение отложить возвращение на Родину. Несколько иначе выглядела ситуация в Европе – там Черняев воспринимался исключительно сквозь призму его участия в сербской кампании, причем общественно-политические силы, симпатизировавшие борьбе балканских славян за свободу, продолжали воспринимать Черняева как героя, а с учетом понесенного им в неравной борьбе поражения и непризнания со стороны собственного правительства в какой-то степени и как мученика. Михаил Григорьевич получал приглашения из разных стран, в том числе из Англии, и, как он сам признавался, он рассчитывал там стать «предметом больших оваций» [2, с. 58].

Из Сербии Черняев направился в Австро-Венгрию, где на некоторое время задержался в Вене, после чего и состоялся его визит в Прагу, о котором пойдет речь ниже. Как и прочие великие державы, Австро-Венгрия занимала нейтральную позицию в ходе войны 1876 г., а затем принимала участие в Константинопольской конференции зимой 1876/1877 гг., целью которой было урегулирование конфликта на Балканах дипломатическим путем. Вместе с тем, балканский вопрос представлял важный интерес для самой Австро-Венгерской империи. С одной стороны, двуединая монархия искала возможности поживиться за счет Турции, и рейхштадтские переговоры летом 1876 г. между австро-венгерским и российским императорами зафиксировали притязания Австро-Венгрии на большую часть земель Боснии и Герцеговины [2, с. 294]. С другой, в ходе конфликта различные группы населения многонациональной империи выразили солидарность с разными сторонами сербско-турецкого противостояния: были заметны как протурецкие настроения, так и просербские симпатии.

Славянские народы, проживавшие на территории Австро-Венгрии, с сочувствием отнеслись к борьбе своих собратьев против османского господства, и Черняев был приглашен в Прагу, чтобы чехи могли воздать должное заслугам бывшего сербского главнокомандующего. Черняев воспользовался приглашением и прибыл в Прагу 11 января 1877 г. (30 декабря 1876 г.). Судя по местной прессе, приезд генерала и его пребывание в чешских землях стали событиями первостепенной важности: несколько дней имя Черняева не сходило со страниц пражских газет, и к нему было приковано всеобщее внимание.

Уже на вокзале генерала встречала многотысячная толпа, разразившаяся радостными криками в его честь. В последующие несколько дней его ожидала насыщенная программа — встречи с местными политическими и общественными деятелями, церковные службы, банкеты, представление в Национальном театре. Газеты публиковали многочисленные приветственные письма и телеграммы. Наиболее активно в чествовании Черняева участвовало студенчество, но и остальные категории горожан не остались равнодушными: казалось, что весь город был охвачен ликованием по случаю приезда героя сербской войны.

Однако намеченная программа не была реализована, и пребывание Черняева в столице Богемии оказалось намного более скоротечным, чем предполагалось изначально. Прославление Черняева и славянских идей, которые с ним ассоциировались, сразу приобрело и несколько иную политическую направленность, к которой, нужно заметить, сам Черняев едва ли имел прямое отношение. Уже в первый вечер наряду с выкриками типа «Слава Черняеву!», «Слава Сербии!» были слышны и осуждающие призывы, причем кроме антитурецких лозунгов, присутствие которых было объяснимо, толпа поддержала и выкрик «Позор венграм!» [16, s. 2]. Можно было легко провести параллель между зависимыми от Турции сербами и находившимися под австро-венгерским господством чехами, и воодушевление чехов той борьбой, которую предприняли сербы, борясь за свою свободу, могло вылиться в недовольство засильем австрийцев и венгров.

Стараясь не выпустить ситуацию из-под контроля, власти отреагировали быстро и жестко. 13 января Черняев был изолирован в гостинице представителями полиции: ему было официально предписано покинуть Прагу под предлогом, что его присутствие создает угрозу общественному порядку. Центр города был оцеплен силами полиции и воинских частей, и при наведении порядка было арестовано около 250 человек [18, s. 1]. Черняев пытался оспорить предписание с помощью обращений в министерство иностранных дел Австро-Венгрии, российское посольство в Вене, а также к российскому канцлеру А. М. Горчакову, но это не дало никакого результата. В итоге, генерал был вынужден подчиниться давлению, и вечером того же дня он уехал не только из Праги, но и из Австро-Венгрии.

Данный инцидент произвел значительный шум и дал пищу для многочисленных газетных публикаций по всей Европе. Характерно, что многие издания, сообщая о произошедшим, не сумели удержаться от оценочных комментариев, и их содержание, как правило, определяемое политической направленностью тех или иных газет и журналов, далеко выходит за рамки оценки поведения Черняева.

Независимые чешские газеты были возмущены действиями властей. Наиболее энергично выступила газета Narodni Listy, главный печатный орган младочехов. Ряд публикаций, посвященных Черняеву, включая и статью под звучным названием «Австрийское гостеприимство», представляла происходящее с точки зрения чехов. С одной стороны, генерал Черняев предстает в Narodni Listy исключительно в благоприятном свете, причем его личность неразрывно связывается с Россией и русским народом. Младочешская газета не жалеет хвалебных эпитетов для характеристики Черняева: он обозначается как один из ведущих представителей славянских идей в России [16, s. 2], сравнивается с Лафайетом по своей значимости как борец за идею [17, s. 1]. Более того, Черняев выступает как олицетворение русского славянства, духа русского народа – по выражению автора одной из статей, если ранее называли Россию, то под этим «понимали только царя», а «сегодня весь мир говорит о русском народе и его непреодолимой воле», и в этом состоит заслуга М. Г. Черняева [17, s. 1]. Говоря о последствиях изгнания генерала, Narodni Listy называют произошедшее издевательством над дружественными отношениями двух империй и предсказывают не только дипломатические протесты и жалобы, но и то, что пражские события оставят неизгладимое впечатление относительно австрийского правительства как в русском, так и в чешском народе [19, s. 1]. Характерно, что издание игнорирует, видимо, сознательно, отсутствие у Черняева какого-либо официального статуса и убеждает своих читателей, что он состоит на действительной службе [19, s. 1]. С другой стороны, прямо указывается имя виновника данного инцидента – это министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Д. Андраши, в отношении которого Narodni Listy позволяют себе использовать нелицеприятные выражения. Андраши характеризуется как политик, известный своей «ненавистью к славянству (zášt proti Slovanstvu)», интригующий с Турцией против России и интересов славянства, и ему дается любопытное определение – говорится, что в этом деле он поступил больше «как страстный венгр, чем благоразумный австриец (áruživý Maďar než co rozvážný Rakušan)» [19, s. 1].

Аналогичный настрой проявили и другие чешские издания, хотя накал эмоций мог отличаться. К примеру, Posel z Prahy вышел 15 января с отдельной статьей о Черняеве, и здесь было не только выражение недовольства тем, как власти обошлись с русским генералом, причем подчеркивается причастность к этому Д. Андраши, но и более взвешенные рассуждения о взаимоотношениях Черняева с российским правительством, с учетом чего и оцениваются возможные последствия пражского скандала. Автор статьи отмечает распространенность мнения, что Черняев находится в немилости у себя в России, но затем приводит аргументы в пользу того, что тот отнюдь не лишен поддержки [25, s. 1]. Об этом говорят хотя бы приветственные телеграммы, полученные генералом от великого князя Николая

Николаевича, сербского правителя Милана и его жены; враждебно же к Черняеву относятся прогерманские правительственные круги, чем и объясняется его опала [25, s. 1]. Тем самым, автор данного материала затрагивает вопрос о происходившем в России политическом противостоянии и роли в этом противостоянии самого Черняева, довольно верно оценивая расстановку сил. Действительно, Михаил Григорьевич не скрывал того, что негативно относился к засилью немцев в высших кругах России, и требовал заменить в армии немецкое командование русским управлением [2, с. 64], так что недругов у него было более чем достаточно.

Если чешская пресса в целом выразила поддержку Черняеву и сожаления по поводу его изгнания, то совершенно иначе повели себя немецкоязычные газеты, обрушившиеся с резкой критикой на него. Исключение составляла либеральная газета Politik, которая выходила на немецком языке, но отражала взгляды чешских демократов, и из-за этого не раз подвергалась преследованиям со стороны властей [9, р. 273]. Politik тепло отзывается о Черняеве и называет распространяемую о нем по официальным каналам информацию пустыми слухами и откровенной ложью [24, s. 2]. В остальном же немецкоязычные издания заняли проправительственную позицию, в рамках которой одобрению деятельности Черняева не могло быть места.

Одна из крупнейших немецких газет, издававшихся в чешских землях, Воһетіа, являлась ведущим печатным изданием либерального толка. В отношении Черняева ее суждения отличались однозначностью оценок. Указывая на нейтралитет Австро-Венгерской монархии, Воһетіа представляет изгнание Черняева как вполне объяснимое и даже желательное, а сам генерал изображен обладателем дурной военной славы у себя на родине, в силу чего какие-либо претензии со стороны России едва ли были возможны [5, s. 1].

Правда, даже проправительственные газеты, включая и столичные издания, не могли не признать, что Черняев был встречен чехами крайне радушно, и раздражение по этому поводу сочеталось с недоумением, как власти допустили саму возможность его появления на широкой публике. Так венская газета Neue Freie Presse сначала в подчеркнуто-насмешливом тоне сообщала о пребывании Черняева в Праге, именуя созданный чехами вокруг его личности ажиотаж «национальным бурлеском» [20, s. 15]. Однако далее характер высказываний о Черняеве становится все более враждебным, и в номере от 14 января по сути содержится призыв к властям обратить внимание на ситуацию в столице имперской провинции. Автор публикации негодует, что в условиях поддержания мира с Турцией овации получает полководец, сражавшийся против турок – тем самым Черняев воспринимается как агитатор, выступающий против государственной политики Австро-Венгрии и представляющий угрозу ее мирным отношениям с Турцией [21, s. 1]. Статья полна резких выпадов: чехи порицаются за то, что свою активность направляют не на действительно значимые для государства дела, а на воздание почестей «герою пера и меча (Held der Feder und des Schwertes)», который привел сербов к поражению, и от которого отвернулись и в России, и в Сербии [21, s. 1]. Следуемый далее материал под заглавием «Немного о России» развивает антиславянскую тему. Внимание обращается на то, что восстание в Сербии было поддержано не правительством, а славянскими комитетами, и положение дел в самой России изображается в негативном свете: кратковременный период реформ сменился угрюмой паузой, и теперь русский народ хочет войны не для того, чтобы освободить балканских славян, а чтобы вырваться из темницы, созданной его собственным правительством, тогда как последнее проявляет нерешительность и всеми силами старается избежать войны, которая вызовет такой мощный прилив народного духа, что под угрозой окажется весь внутренний режим [21, s. 2]. Очередная статья появилась в Neue Freie Presse 15 января с названием, говорящим само за себя: «Скандал Черняева в Праге» [21, s. 2]. Газета дала хронику событий, связанных с выдворением Черняева, в этот раз воздержавшись от едких комментариев. Зато несколько дней спустя Neue Freie Presse вновь вернулась к этой теме, представив своим читателям фельетон «Венские прогулки», в котором Черняев выведен в уничижительном стиле [23, s. 1].

Германская пресса в меньшей степени заинтересовалась событиями в Праге, но отдельные публикации все же имели место, и их общий тон был созвучен тому, что писали немецкие газеты в Австро-Венгрии. Среди наиболее крупных газет того времени можно отметить Allgemeine Zeitung, которая выразила беспокойство тем, какая овация была устроена побежденному и, по ее оценке, некомпетентному генералу, и задается вопросом, что же может произойти после первых русских побед [3, s. 1]. Berliner Börsenzeitung вслед за венскими газетами выставляет Черняева в негативном свете, называя его беспокойным агитатором (unruhig Agitator) и обанкротившимся авантюристом (abgewirtschafteten Abenteurer) [4, s. 2]. Очевидно, что среди общественности Германии неприятие вызвала не столько военная кампания Черняева в Сербии, сколько то, что пражский инцидент задел национальные чувства австрийских немцев, что не могло не вызвать сочувствия в Германии.

Более оживленной и разнообразной была реакция французской прессы, интерес которой к Черняеву подстегивался тем, что генерал из Австро-Венгрии, минуя территорию Германии, прибыл в Париж. Резонансной оказалась небольшая по объему публикация во влиятельной консервативной газете Journal des Débats Politiques et Littéraires, которая со ссылкой на венские издания представила отчет о пребывании Черняева в Праге в сочувственном австро-венгерским властям духе. Действия Черняева здесь названы противоречащими интересам Австро-Венгрии, сам он — несчастным генералом, ставшим странствующим революционером (révolutionnaire ambulant), а скандал в Праге подан как признак времени и симптом бедственного положения в Европе вообще: «достаточно лишь производить шум, чтобы быть великим человеком» [8, р. 1], — подытоживает автор статьи.

Однако La Liberte и Le Temps, бывшие главными конкурентами Journal des Débats Politiques et Littéraires в сфере политической журналистики, напротив, выражаются достаточно сдержанно и кроме хронологии событий дают анализ ситуации. La Liberte подчеркнула наличие внутренних противоречий в многонациональной Австро-Венгерской империи [10, р. 2], и не только не стала обвинять в чем-либо Черняева, но и опубликовала его интервью, в котором генерал заявлял, что не делал в Праге ничего для привлечения общественного внимания и во всем проявлял умеренность [11, р. 2]. Сходным образом выглядит оценка событий в Le Temps: издание отмечает сложность политической ситуации в Австро-Венгрии, что отразилось на отношении населения различных областей к войне на Балканах (в Пеште, например, произошло выступление венгерских студентов в поддержку Турции), и указывает на заинтересованность Германии тем, что происходит в Богемии [27, р. 3]. Le Temps пытается соблюсти беспристрастность, не возлагая вину за беспорядки на Черняева, который, по словам автора статьи, сохранял большую сдержанность (grande réserve) [27, р. 3]. Еще одна консервативная газета Le Moniteur Universel вообще воздержалась от каких-либо комментариев, ограничившись краткой информацией о случившемся в Праге [14, р. 2].

Несколько иначе подается информация в Le Figaro: стиль изложения отличается присущей этой газете ироничностью, но вывод делается вполне серьезный. Газета обращает внимание на пророссийские возгласы пражан и полагает, что пражский инцидент не указывает на союзные отношения России и Австро-Венгрии [6, р. 2]. Интересные подробности дела добавляет республиканская газета Le Rappel: это издание, напротив, полагает, что высылка Черняева произошла с ведома российского посла Новикова [26, р. 2].

В целом, говоря о французской прессе, нужно отметить преимущественно нейтральное и даже отчасти сочувственное отношение к Черняеву и отсутствие каких-либо антироссийских выпадов, что резко контрастировало с реакцией австрийских и немецких изданий.

Точка зрения на пражские события английских газет главным образом определялась их партийной ориентацией, поскольку либералы и консерваторы заняли разные позиции относительно перспектив решения восточного вопроса, что вылилось в оживленную общественно-политическую дискуссию. Консервативное правительство Б. Дизраэли оказывало поддержку Турции, в то время как либеральная оппозиция, возглавляемая У. Гладстоном, обратила внимание общественности на зверства турок при подавлении восстания в Болгарии и, соответственно, выражала симпатии балканским славянам. Более того, Черняев был приглашен английскими либералами на британскую землю, и вскоре после поездки по континентальной Европе генерал отправился в Великобританию, куда прибыл в феврале 1877 г.

Консервативные издания выразили негативное отношение к Черняеву: примером можно считать проправительственную газету The Morning Post,

давшую оценку событий сугубо в черно-белых тонах. С одной стороны, газета демонстрирует враждебность не только к Черняеву, но и ко всему панславистскому движению, выражая полную уверенность в том, что их дело проиграно. Центральный посыл публикации — то, что изгнание Черняева, названного надменным и беспринципным кондотьером (arrogant and unscrupulous condottiere), должно стать уроком для «наших славянофильских политиков» [15, р. 4]. С другой стороны, автор весьма тепло отзывается не только об Австро-Венгрии, которая, по его мнению, показала, что не собирается играть в «русскую игру», но и о Турции: в тексте утверждается, что налицо несомненные доказательства жизнеспособности и мощи турецкого правительства [15, р. 4].

Отличной от этого была точка зрения либеральных газет, к примеру The London Daily News и The Manchester Guardian. О происшествии в Праге газеты сообщили немногословно, но в благожелательном по отношению к Черняеву духе: The London Daily News дважды приводит слова генерала, что он «не сделал ничего, что могло бы привлечь внимание общественности, и не сказал ничего такого, что могло бы встревожить австрийское правительство» [12, р. 4–5], а The Manchester Guardian сообщает о выступлениях чехов в его поддержку [13, р. 5].

Беспристрастный взгляд на события старалась обеспечить авторитетнейшая британская газета The Times, в традициях которой было уделять пристальное внимание иностранным новостям [7, р. 88]. Ее сообщение о скандале в Праге заканчивается резюме: «С расстояния нелегко судить о том, насколько реальной была опасность нарушения общественного порядка, что могло бы оправдать произошедшее... Что касается возможных претензий из-за рубежа, то они могут исходить только от сербского правительства, поскольку генерал перестал быть русским подданным, когда вступил в сербскую армию» [28, р. 5].

Таким образом, инцидент в Праге имел заметный резонанс по всей Европе, и он затронул не только международные, но и внутриполитические проблемы. Показательно, что пресса по-разному освещала произошедшее, и во многом это было связано с различным отношением к участию России в борьбе балканских славян за свободу. Наиболее злободневным данный вопрос был для Великобритании по причине наличия четкого размежевания между внешней политикой правительства и лозунгами оппозиции, поддержанными либеральной общественностью. Для прессы Германии и Австро-Венгрии события в Праге оказались важны в связи со всплеском националистических настроений антинемецкого и антивенгерского характера, что и обусловило диаметрально противоположные оценки Черняева и его деятельности чешскими и немецкими журналистами. Нельзя не отметить, что как позитивные, так и негативные отзывы о Черняеве зачастую переносились на восприятие политики России на Балканах вообще. Более спокойной, но при этом заметной оказалась реакция французских газет. Интересно также отметить несовпадение идеологической составляющей: если в России Черняев однозначно примыкал к консервативному лагерю, то в Европе он, наоборот, получал одобрение со стороны либеральных сил, в то время как консерваторам он представлялся возмутителем спокойствия и чуть ли не революционером. Визит Черняева продемонстрировал, сколь неоднозначным было отношение правительств и общественности стран Европы к активизации российской политики на Балканах, что было особенно актуально в преддверии вскоре развернувшейся русскотурецкой войны.

Литература

- 1. Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986.
- 2. Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. М.: Изд-во МГУ, 2018.
 - 3. Allgemeine Zeitung. 1877. 16 Januar.
 - 4. Berliner Börsenzeitung. 1877. 17 Januar.
 - 5. Bohemia. 1877. 15 Januar.
 - 6. Le Figaro. 1877. 19 Janvier.
- 7. *Herd H*. The March of Journalism: The Story of the British Press from 1622 to the Present Day. L.: Allen & Unwin, 1952.
 - 8. Journal des Débats Politiques et Littéraires. 1877. 17 Janvier.
- 9. *Leigh J. T.* Austrian Imperial Censorship and the Bohemian Periodical Press, 1848–1871: The Baneful Work of the Opposition Press is Fearsome. Wausau: Springer, 2017.
 - 10. La Liberte. 1877. 16 Janvier.
 - 11. La Liberte. 1877. 18 Janvier.
 - 12. The London Daily News. 1877. 18 January.
 - 13. The Manchester Guardian. 1877. 15 January.
 - 14. La Moniteur Universel. 1877. 17 Janvier.
 - 15. The Morning Post. 1877. 16 January.
 - 16. Narodni Listy. 1877. 12 ledna.
 - 17. Narodni Listy. 1877. 13 ledna.
 - 18. Narodni Listy. 1877. 14 ledna.
 - 19. Narodni Listy. 1877. 15 ledna.
 - 20. Neue Freie Presse. 1877. № 4447. 13 Januar.
 - 21. Neue Freie Presse. 1877. № 4448. 14 Januar.
 - 22. Neue Freie Presse. 1877. № 4449. 15 Januar.
 - 23. Neue Freie Presse. 1877. № 4455. 21 Januar.
 - 24. Politik. 1877. 15 Januar.
 - 25. Posel s Prahy. 1877. 15 ledna.
 - 26. Le Rappel. 1877. 19 Janvier.
 - 27. Le Temps. 1877. 19 Janvier.
 - 28. TheTimes. 1877. 15 January.

GENERAL M. G. CHERNYAEV'S «SCANDAL IN PRAGUE» IN THE DEPICTING OF THE EUROPEAN PRESS

Yu. A. Kurdin, A. R. Panov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

In January 1877 the former commander-in-chief of the Serbian army, Russian general Mikhail Grigorievich Chernyaev arrived in Prague. Chernyaev's arrival aroused enthusiasm among the Czechs, which led to a negative reaction of the Austro-Hungarian authorities, which forced the general to leave the country. The article, based upon newspapers from Austria-Hungary, Germany, France and the United Kingdom, traces what was the public reaction to these events in European countries and what problems were connected with the "scandal in Prague".

Keywords: M. G. Chernyaev, XIX century, European press, international relations.

Об авторах:

КУРДИН Юрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, историкофилологический факультет, кандидат филологических наук, e-mail: yukurdin@mail.ru.

ПАНОВ Александр Ростиславович

Нацмональный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, доктор исторических наук, e-mail: panov_alexandr@mail.ru.

About the authors:

KURDIN Yuri Aleksandrovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Faculty of History and Philology, Candidate of Philological Sciences, e-mail: yukurdin@mail.ru.

PANOV Aleksandr Rostislavovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, e-mail: panov_alexandr@mail.ru.

ДАТСКИЙ СЛЕД В ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКАХ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Н. П. Писчикова, Ю. В. Савосина

Рязанский государственный университет, г. Рязань

В статье авторы уделяют внимание раскрытию проблемы династических браков Европы во второй половине XIX века на примере датского королевского дома. Основной упор сделан на анализе деятельности двух представительниц Дании – королеве Великобритании и императрицы России, и их роли в европейской политике после вступления на престол. Авторы приходят к выводу, что благодаря их антипатии к немецкой политике и влиянию на царствующих супругов меняется вектор внешнеполитической стратегии многих европейских стран в конце века.

Ключевые слова: династический брак, европейская политика, внешнеполитическая стратегия, Дания, Великобритания, Россия.

История Европы насчитывает много столетий, в ней было все: войны, конфликты, военно-политические союзы, дипломатические миссии и браки. Каждое из государств, территориально располагающееся в Европе, неразрывно связано друг другом как в сфере политики, дипломатии, экономики, культуры, так и семейных межнациональных браков. Конечно, есть крупные страны, без которых невозможно представить историю всей Европы, но не будем забывать и про более мелкие государства. Среди таких государств особняком стоит Дания. И если на протяжении многих веков в королевском доме Дании мы не можем найти знаковых фигур, сыгравших роль в династических браках и европейской политике, то вторая половина XIX века богата на такие события.

Дания, даже по меркам Европы небольшое государство, в результате войн начала XIX века еще больше сократилась. Она была проникнута духом свободы и демократии, между правителями и нацией не было большого разрыва, все друг друга прекрасно знали, это была большая датская семья. Дания, по воспоминаниям современников, собирала всю большую европейскую семью. Летом туда съезжались Александра и Эдуард Уэльские, Мария Федоровна и Александр III, греческий король Георг I и его супруга королева Ольга Константиновна (двоюродная сестра русского императора), всех их сопровождали взрослые дети, которые к тому времени породнились с монархиями Германии, Австрии, Швеции, Норвегии. Таким образом, в «тесном» семейном кругу за чашкой чая вершились судьбы европейской политики.

А ведь в середине XIX века никто не мог подумать, что маленькое скандинавское государство войдет в большую семью европейских монар-

хий и сосредоточит в своих руках многие направления внешней политики. И хотя невесты из Скандинавии, в том числе из Дании, были «привлекательны» для европейских наследников, так как обладали древними корнями, прекрасным здоровьем, выросшие в северных широтах, но при этом сама страна, будучи небольшим государством, имела мало возможностей и амбиций, вследствие чего и невесты, воспитанные в скромности и отсутствии роскоши, а также их родственники не будут претендовать на ведущие позиции при новом дворе и активно вмешиваться в политические вопросы.

Итак, необходимо остановиться на членах королевской семьи Дании, которые смогут в XIX веке «опутать династическими браками» большую часть Европы. Еще в 40-х гг. XIX века ничего не предвещало, что принц Кристиан из династии Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбург станет королем Дании. Однако бездетность предшественника Фредерика VII, а также разыгравшаяся датско-прусская война и вмешательство держав возвели на престол Дании в 1863 году Кристиана IX. Женат он был на Луизе Гессен-Кассельской и еще до вступления на престол родились все его шестеро детей, каждый, из которых сыграет немаловажную роль в политической жизни Европы на рубеже XIX-XX веков, а их наследники будут стоять у истоков судьбоносных событий XX века. Потомки Кристиана и Луизы до сегодняшнего дня являются монаршими особами европейских правящих домов. Итак, назовем всех наследников датского короля: Фредерик VIII – будущий король Дании, Георг I – король Греции, Александра – английская королева, принцесса Мария-Дагмар – русская императрица, Тира – кронпринцесса Ганноверская, принц Вальдемар – принц Датский. Таким образом, потомки одной семьи будут оказывать решающее влияние на европейскую политику не только в XIX веке, но и в XX и XXI веках. Не зря их родителей, короля Дании Кристиана IX и королеву Луизу называли «тестем и тещей» всей Европы.

С самого юного возраста в наследников вкладывалось понимание, что своей личной жизнью они располагать не будут, их судьба будет в руках родителей, которые выберут для них мужей и жен. Но никто не мог и подумать, что настолько блестящие партии ожидаются для двух дочерей Кристиана. Одна станет английской королевой, женой Альберта-Эдуарда (Александра и Эдуард будут коронованы в 1902 году), а также матерью будущего короля Георга V (взойдет на престол в 1910 году после смерти отца), другая на пути к власти переживет разочарование и трагедию. В 1864 году Дагмар была выбрана для наследника русского престола Николая Александровича, однако через год скоропостижная болезнь и смерть нарушили планы. Все могло бы так и закончиться, если бы не счастливый случай, что следующий сын императора Александра II, а теперь цесаревич Александр Александрович разглядел в юной Марии-Дагмар свою судьбу. Так в 1866 году, через три года после замужества старшей сестры Александры, юная Мария вышла замуж за цесаревича Александра, а в 1881 году после смерти Александра II они были объявлены императором Александром III и императрицей Марией Федоровной, и через два года появился наследник русского престола, будущий Николай II.

Между членами датской семьи существовала тонкая душевная связь, особенно между сестрами. К сожалению, воспоминания и дневники Александры Датской не сохранились, были уничтожены по ее распоряжению. Но письма принцессы Дагмар являются прямым свидетельством постоянных контактов между членами датской семьи, несмотря на расстояния, которые их разделяли. Заметим, что на примере одного лета 1915 года, с учетом технологий коммуникации начала XX века, а также разгара Первой мировой войны, обмен письмами был систематический. Вот несколько выдержек из дневников Дагмар (императрицы Марии Федоровны): «1/14 июля. Всю первую половину дня писала в саду письмо Аликс и Вальдемару...», «8/21июля.... А[ндерсен] уезжает сегодня вечером, поэтому я писала целый день письмо Вальдемару в саду, очень жарко. Отослала свое письмо Аликс...», «28 июля/10 августа. ...Потом пришло милое письмо от Аликс, которое меня снова немного вернуло к жизни...» [5, с. 12]. Отметим также переписку русской императрицы с братом («писала письмо Вальдемару») [5, с. 15]. А вот уже в декабре находим в дневниках следующую запись «9/22 декабря. ...Приняла Хансена, который привез мне письмо от Кристиана. Он был также в Стокгольме и Норвегии...» [5, с. 17]. Символ Дании, ущемленной в своих правах, преследовал Дагмар всю жизнь, даже в глазах своего сына императора Николая II, она постоянно обращала внимание на него. Во время Первой мировой войны она являлась посредником между Данией и Россией в том, чтобы переправить русских военнопленных в Данию, однако император затягивал решение этого вопроса «... мне непонятно – почему, ведь это делается из чувства христианского милосердия и не будет ничего стоить, так как датчане подготовили все за свой счет. Я надеюсь, что после твоего приказа военному министру дело наконец сдвинется с места» [1]. Кроме того, она ходатайствовала о гражданах своей родины перед сыном «...датчан после их лояльной службы в течение всех этих лет совершенно несправедливо одним махом изгоняют из России, как если бы они были разрушителями. Словом, ты увидишь сам, что надо сделать» [1].

Необходимо заметить, что в описанные временные рамки европейская позиция Дании изменилась. Если датско-прусская война 1848–1850 годов (активная фаза, но отголоски войны продолжались до 1852 года) закончилась при поддержке ведущих держав Европы поражением Пруссии и победой Дании, то борьба 1863–1864 годов, вылившаяся в войну с Пруссией за Шлезвиг, Гольштейн, Лауенбург закончилась поражением Дании. В этой сложнейшей ситуации, как и 20 лет назад, датская монархия решила искать поддержки у великих держав, таких как Великобритания и Россия, но новыми методами – выбор пал на династические браки. Кристиан IX надеялся, что Александра и Дагмар, будучи женами наследников престола, смогут оказать влияние на царствующих родственников – королеву Викторию и Александра II. Дух ненависти к Германии сопровождал женщин всю

жизнь. На данном этапе, не обладая властью, да и их мужья пока не играли весомой роли, все их попытки остались на бумаге, но прочувствовать их эмоции можно путем обращения к сохранившимся письмам Дагмар (из письма к русскому императору): «я обращаюсь к Вам с просьбой употребить Вашу власть, чтобы смягчить те ужасные условия, которые заставили Папа принять жестокие германцы... Я прошу Вас о помощи и защите, если это возможно, от наших ужасных врагов» [4, с. 78].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что выбранные невесты для русского и английского наследников престолов обладали способностями, позволявшими им разбираться в политических перипетиях европейской политики, а также семейными связями, которые тесно их объединяли со многими европейскими монаршими дворами. Посредством двух принцесс в двух крупнейших европейских дворах формировалось антипатия к Пруссии, а затем и к Германии. После вступления на российский престол Марии Федоровны в 1881 году вместе с Александром III мы находим доказательства в резко изменившемся внешнеполитическом курсе России. Долгие десятилетия Россию и немецкие земли (после 1871 года Германию) связывали дипломатические отношения, династические браки, торговые отношения, но именно в последней четверти XIX века начинаются складываться противоречия, наступает полоса охлаждения, что приводит в конечном итоге к формированию в Европе двух противоборствующих военнополитических блоков, в центре одного стояла Германия, по другую сторону, в другом блоке – Россия. Так многовековое сотрудничество России и Германии прекратилось и вылилось уже в XX веке в две кровопролитные войны (Первая мировая и Вторая мировая). Таким образом, вектор международных отношений в Европе резко поменялся. Недалекие враги, такие как Франция, стали ближе к России, а ведь Франция являлась союзником Дании. Необходимо также упомянуть, что в этот период времени наступила и полоса потепления во взаимоотношениях Великобритании и России, которые приведут к подписанию союзного договора в 1907 году, который завершит создание Антанты в Европе. При этом именно первое десятилетие XX века – это период правления Александры и Эдуарда в Великобритании. Таким образом, семейные отношения сыграли не последнюю роль в налаживании русско-британских отношений.

В итоге, отметим, что роль датского следа в династических браках Европы в конце XIX века, а именно в таких странах, как Россия и Великобритания, значителен. Благодаря им резко поменялся курс внешнеполитической стратегии Европы. Судить о том, благожелателен ли был его исход для европейского развития сложно, мы знаем, что история не знает сослагательного наклонения, но и отрицать, что русско-германские разногласия изменили расстановку сил, приведших к войне, тоже не стоит. Именно стечение исторических обстоятельств привело к русскому и английскому трону представителей датской семьи, которые питали ненависть к немецкой политике и смогли уладить русско-английские противоречия и прийти

к союзному соглашению, приведшему к формированию в Европе двухблоковой системы военных союзов.

Литература

- 1. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1297. Л. 124–126 об.
- 2. Генеалогическое древо династии Романовых: основные факты // Мое семейное древо. [Электронный ресурс] URL: https://pomnirod.ru/articles/istorii-otdelnyh-familij/churova-alyona-alekseevnagenealogicheskoe-drevo-dinastii-romanovyh-osnovnye-fakty.html (дата обращения: 01.06.2019).
- 3. Климова Т. Как Александра Датская жила в замужестве с принцем Уэльским? // Школа жизни. ру [Электронный ресурс] URL: https://shkolazhizni.ru/biographies/articles/74483/ (дата обращения: 06.06.2019).
- 4. Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.): Дневники. Письма. Воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
- 5. Мария Федоровна (1847–1928 гг.). Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы) / перевод, предисловие, комментарии Ю. В. Кудриной. М.: Варгиус, 2005.
- 6. House of Saxe-Coburg-Gotha/Windsor. [Электронный ресурс] URL: Br.pinterest.com (дата обращения: 30.05.2019).

THE DANISH TRACE IN THE DYNASTIC MARRIAGES OF EUROPE IN THE LATE NINETEENTH CENTURY

N. P. Pischikova, Y. V. Savosina

Ryazan State University, Ryazan

In the article the authors pay attention to the disclosure of the problem of dynastic marriages in Europe in the second half of the XIX century on the example of the Danish Royal family. The main focus is on the analysis of the activities of two representatives of Denmark-the Queen of Great Britain and the Empress of Russia, and their role in European politics after accession to the throne. The authors conclude that due to their antipathy to German politics and influence on the reigning spouses, the vector of foreign policy strategy of many European countries changes at the end of the century.

Keywords: dynastic marriage, European policy, foreign policy strategy, Denmark, Great Britain, Russia.

Об авторах:

ПИСЧИКОВА Наталья Петровна

Рязанский государственный университет, кафедра истории России, кандидат исторических наук, e-mail: npischikova@mail.ru.

САВОСИНА Юлия Вячеславовна

Рязанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: yulya-savosina@yandex.ru.

About authors:

PISCHIKOVA Natalia Petrovna

Ryazan State University, Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences, e-mail: npischikova@mail.ru.

SAVOSINA Yulia Vacheslavovna

Ryazan State University, Department of General History and international relations, Candidate of Historical Sciences, e-mail: yulya-savosina@yandex.ru.

РАЗДЕЛ III. VARIA

УДК 94(4)

ПРЕДКИ РУСОВ НА ДОРОГАХ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ

Е. В. Кузнецов

г. Нижний Новгород

В статье рассматривается вопрос о миграциях древних русов и славян по территории Европы в античное и раннесредневековое время.

Ключевые слова: русы, венеды, лемы, Европа, миграции, античность, раннее средневековье.

Шел 1987 год. Занимаясь в главной библиотеке тогдашнего Ленинграда, я размышлял о том, чем же я должен закончить свою научную жизнь. Это было не рано по времени, так как осенью 1987 г. мне исполнилось 56 лет, и я четко понимал, что тот разброс научных интересов, который был свойственен мне всю жизнь, уже требует серьезной корректировки. Мои размышления кончились тем, что я принял твердое решение, которому следую, и, как мне кажется, правильно, всю оставшуюся жизнь.

Я принял решение заняться «русской проблемой», т. е. жизнью русского этноса на самых ранних этапах его развития, т. е. древностью. За прошедшие тридцать лет мною было опубликовано и несколько раз переделано: монографии (общей сложностью четыре), больше двух десятков статей разного характера и объема, три научно-методических пособия для студентов. Однако сказать, что я разобрался с поставленной в 1987 году проблемой, я не могу. Многие источники еще не исследованы, на многие вопросы ответы не найдены. Тем не менее, находясь на излете своих творческих планов, я обязан подвести некоторые итоги, точнее говоря, промежуточные итоги, на которые смогут опереться мои продолжатели, если они найдутся, смогут завершить начатый мной труд. Итак, я пишу открытую книгу, вопросы в которой не закрываются, остаются открытыми, привлекающими внимание тружеников на трудной и неблагодарной исторической ниве.

Мне удалось достаточно твердо установить, что русы, как и другие европейские народы, пришли в Европу из Азии, двигаясь в общем направлении с востока на запад. Эти народы, мигрировавшие с востока на запад, широко использовали в своих миграциях водные пути, в первую очередь морские. Три группы будущих европейцев были тесно связаны друг с другом: венеды (энеты, винды), русы (руты, руги, росы), лемы (лимы, лемовии). Вполне определенно можно утверждать, что когда-то венеты, лимы, русы были одним племенем, которое упорядочило свое социальногендерное существование как три фратрии. Такое деление племени на

фратрии и сексуально-семейные отношения существовало у многих народов в разных частях земной ойкумены. Исторически люди из этих трех фратрий селились неподалеку друг от друга, сохраняя установленный в далеком прошлом правопорядок. Письменная история этих трех этносов сложилась в античную эпоху, когда письменность и культура распространились среди народов Средиземноморья.

Первым письменным источником, в котором упоминаются русы, несомненно, является пророчество ветхозаветного пророка Иезекииля. Иезекииль пишет о разных народах, подчиненных некоему правителю Гогу, властителю земли Магог. В числе народов, подвластных Гогу, Иезекииль дважды упоминает Роша, Мешеха и Фувала. Этот текст Иезекииля многократно подвергался исследованию специалистами разных стран. Среди этих специалистов были и российские, а именно те, кто готовил к изданию многотомную «Толковую Библию». Для нас интересны те комментарии, которые подчеркивают этническую природу слова Рош. Слово Рош Иезекииля мы связываем с более поздними источниками, составленными на еврейском наречии, сирийском, древнегреческом, латинском языках. В более поздних текстах оно заменено на «рос», «рус» и «руг». Благодаря этому сочетанию различных свидетельств древних писателей представляется возможным, на наш взгляд, проследить перемещение русов по прибрежным землям Средиземноморья и материковой части Западной Европы на протяжении примерно полутора тысяч лет.

Если верить Иезекиилю, народ рош (рус, рос) обитал на юговосточном побережье Средиземного моря, где в разное время находились Израиль, Иудея, политические объединения филистимлян, а также колонии египтян. Можно точно определить точку, вернее, берег Палестины, с которого древние русы совершили дальний бросок на юг Балканского полуострова. Дело в том, что побережье Палестины к северу от современного города Яффы до горы Кармел называется в источниках Саронской равниной. А вот залив, на берегу которого располагается великий греческий город Афины, называется Сароническим. Известны греческие мифы, связанные с царями, правившими на северном берегу Саронического залива. Саронская равнина, Саронический залив – эти названия являются, несомненно, греческими, но в основе их лежит слово, заимствованное из иврита, известное и в наши дни. Это имя Шарон. Один из Шаронов был видным политическим деятелем нового Израиля в XX веке. Думается также, что широкое употребление в русском языке шипящих знаков, в отличие от других славянских народов, связано с тесным общением на каком-то этапе развития древних русов и древних евреев.

На наш взгляд, факт переселения людей, обитавших в древней Палестине, на территорию древней Греции очевиден. Также очевидно взаимодействие древних русов с древнееврейскими племенами. Однако нам важно подчеркнуть не это, а другое обстоятельство, о котором свидетельствует древний текст. На территории древней Аттики кроме русов жили еще и лемы. Вторжение с севера эллинских народов заставило лемов, по свиде-

тельству древних писателей, переселиться сначала в горные места восточной Аттики, оттуда перебраться на север, на находящийся в Эгейском море остров Лемнос. У древнегреческих писателей он именуется «Лемн великий», культура острова Лемнос достигала высокого уровня.

Что касается русов, то они мигрировали на запад, оказались на территории Апеннинского полуострова в северной Калабрии. До сих пор здесь существует город Россано. В глубине гор северной Калабрии находится озеро Русское. Нам удалось достаточно тщательно исследовать эти топонимы и установить, что через озеро Русское шел путь русов с востока Ионического моря на запад, в море Тирренское. Русские топонимы находят и на островах Эгейского моря, но этот исторический сюжет еще ждет своего исследователя.

Здесь нужны два пояснения. Во-первых, судя по всему, русы избегали столкновений на морских пространствах с более сильными финикийцами, которые на протяжении долгих веков вплоть до поражения Ганнибала господствовали на торговых путях центральной части этого морского бассейна. Во-вторых, подобно другим народам, жившим на берегах восточной части Средиземноморья, русы старались избегать столкновений и с теми финикийцами, которые проникли на запад Средиземноморья.

Оказавшись в Тирренском море, русы вскоре создали здесь свою опорную базу, морскую и военно-морскую. Этой базой, расположенной в южной части области Лациум, оказался город Ардея. Из Ардеи русы плавали к берегам Пиренейского полуострова (г. Тарент) и в северную часть Средиземноморья. Возникшие в северной части Средиземноморья поселения объединились в некую политическую структуру, имевшую название Рускино. Память о ней сохранилась до настоящего времени в виде французского названия Русильон, находящийся в северо-восточной части Пиренеев, граничащей с современной Испанией, провинциями Каталония и Арагон. Опираясь на Рускино, древние русы проникли внутрь материка и уже в центре горного массива образовали еще одну область под названием Руэрг с главными городами Родез и Северак. В этой богатой ресурсами области (Плиний Старший писал, что одной из основ богатств русов были серебряные копи Руэрга) русы задержались на несколько столетий и ушли на север на рубеже VI–V вв. Х. Л.

Нам неизвестна точная дата основания Ардеи, нет в наших руках также источников, раскрывающих другие даты продвижения русов в Рускино и Руэрг. Зато нам известно, что вскоре рядом с Ардеей, точнее к северу от нее, возникло поселение родственных русам венедов и лемов. Об исторической миграции венедов (энетов по-гречески) нам рассказывает «Энеида» древнеримского поэта Вергилия. Согласно Вергилию, Эней, муж дочери последнего царя Трои Приама, после падения великого города на кораблях покинул берега Малой Азии и вместе с семьей и близкими в разных отношениях кланами прибыл на территорию северной Африки (современный Тунис). Однако наладить отношения с местным населением и закрепиться на африканском берегу ему не удалось. Поэтому он, переплыв Средизем-

ное море, высадился на берегу будущей римской провинции Лациум. Здесь он вступил в конфликт с правителем Ардеи Турном. Поединок царя Ардеи и Энея закончился победой последнего. Кроме земли и расположенных на ней населенных пунктов, Энею досталась и невеста поверженного. Как итог, значительная часть населения северного Лациума признала в качестве царя пришельца с востока. Эней был мудрым правителем, он построил на подвластной ему территории несколько укрепленных пунктов, в том числе и Альба Лонгу. Вскоре на территории Лациума оказалась и какая-то группа лемов. Они расселились севернее Альба Лонги. Таким образом, все три фратрии – русы, венеды и лемы – соединились в центре Апеннинского полуострова. Вскоре племена Лациума создали великий город Рим. Среди граждан Вечного города оказались венетулани и жители трибы Лемония. Этноним венетулани можно расшифровать следующим образом: венеды, но не просто венеды, а те, что имели среди народа меньшее значение, буквально «маленькие венеды», речь, конечно, идет не о росте или массе тела. Суффикс «ан» означает родственную близость, поэтому венетулани – родственники малых венедов. Название Лемония можно трактовать как подразделение племени лемов. Укажем дополнительно на существовавшее в актуальную эпоху Леманское озеро, современное Женевское.

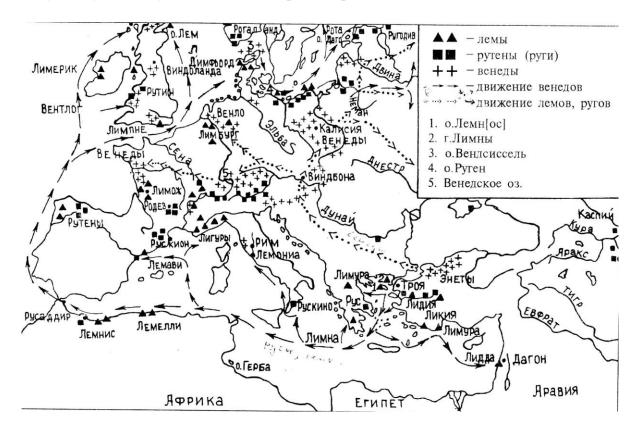

Рис. 1. Венеды, лемы, руги в древности.

Важнейшим источником, фиксирующим дальнейшие передвижения трех родственных, близких по крови народов (русов, лемов и венедов), являются широко известные «дневниковые записи» Божественного Юлия – Гая Юлия Цезаря. В своих политических и военных комбинациях на тер-

ритории Галлии он не раз сталкивался с рутенами (русами) и лемовиями (лемами). Лемовии жили на северо-западе от рутенов, расстояние между их главными городами, которые современные географы называют Родез и Лимож, составляло примерно 180 км. Еще дальше на северо-запад жили венеды. Их поселения достигали берегов Бискайского залива, по обе стороны от устья реки Луара. В более поздний исторический период эта территория стала называться Вандеей, географический ориентир, столь любимый писателями и литераторами XIX века. В Париже до сих пор стоит Вандомская колонна, символизирующая победу республиканской армии над мятежниками-роялистами на западе Франции.

Не имея возможности углубить и расширить наше описание раннесредневековой Галлии, подчеркнем, однако, что упомянутые Цезарем три народа существовали несколько столетий. Кризис наступил в V в. Х. Л., точнее, в конце этого века. И здесь мы можем опереться на письма знаменитого писателя этого периода Аполлинария Сидония. Это ключевой источник своего времени, к счастью, недавно переведен на русский язык и издан довольно большим тиражом. Аполлинарий Сидоний свидетельствует, что в его время в жизни этносов центральной и южной Галлии произошли коренные изменения, граничащие с катастрофой.

Другие источники V в. Х. Л. также свидетельствуют, что мирная, процветающая жизнь в Галлии окончилась благодаря тому, что центральная власть Римской империи не могла защитить одну из своих обширных и богатых провинций от вторжения с востока германских племен. Речь идет о вестготах, вандалах, бургундах, франках. Вместе с германскими племенами на территорию Западной Европы пришли и подчиненные им этносы — славяне и др. Кроме того, ослабление центральной власти привело к усилению социальных конфликтов, в первую очередь борьбы угнетенных масс против рабовладельцев как римского, так и туземного происхождения. В этих условиях интересующие нас русы, лемы и венеды начинают уходить на север, используя в качестве удобных для перемещения путей долины рек Луары, Соны и Мааса. Вскоре люди из этих трех народов концентрируются в низменности, прилегающей к Северному морю, через которую несли свои неспешные воды Маас, Шельда и могучий Рейн.

Топонимы, которые связаны с названными племенами, распространены на данной территории. Поселенцы, проживающие в долинах Мааса и Шельды, не думали здесь задерживаться. К началу IX в., судя по всему, выходцам из Нидерландов удалось заселить значительную часть западного побережья Скандинавии. Топонимической памятью об этом является поселение Рёрус. Также можно говорить об их пребывании в обширных местностях по обе стороны Балтийского моря. Лемланд около побережья Швеции и Лемброк в Померании сохранили память о лемах. Русский остров (Руген, Рюген) хранит память о древних русах, пришедших туда с низовьев Мааса, Шельды и Рейна.

Карта Северной Европы IX в., равно как и позднейший исторический ландшафт в этом обширном регионе, являются предметом особого истори-

ческого исследования. Были и другие пути миграции. Здесь мы должны вспомнить труды Тацита о народах, живущих на берегах Балтики и острове Рюген. Тексты Тацита позволяют говорить о том, что на север Европы и балтийское побережье в том числе предки славян пришли значительно раньше V в. X. Л. И это проникновение связано с другим путем миграции – вдоль средиземноморского, а затем атлантического побережья. Русские топонимы мы находим на средиземноморском побережье Северной Африки, на берегах северо-запада современной Испании, разных местах Британских островов; например, не может не резать слух топоним Винчестер (крепость виндов, венедов). В Ирландское море впадает текущая через холмы Уэльса река, которую наши современники называют Ди. В те времена, на которые нацелено наше исследование, река Ди называлась Дева, Девана. Это прямой аналог названия прибалтийской реки, впадающей в море вблизи Риги – Девина (Двина). В Северном Уэльсе в непосредственной близости от Деваны находилась местность, обозначенная как русская – Ruthin. Другие русские топонимы можно найти на севере Британии, и мы предполагаем, что север Британии и лежащие рядом с ним острова имели связь с центральной частью Норвегии (Тронделаг). Однако движение по морям Северной Европы вряд ли было интенсивным, хотя и подготовило переход из Нидерландов больших масс населения, что в значительной мере, если не целиком, предопределило этнический ландшафт побережья западной и южной Балтики, восточных прибрежий Северного моря. Здесь заканчивается история древних русов, и начинается средневековая история славянских, германских и литовских народов.

Говоря еще определеннее, здесь рубеж, с которого стартовала история великой Руси средневековых времен. О событиях в этом регионе в IX—X вв. мы уже писали достаточно много, и не имеет смысла повторять детали. Укажем лишь на то, что именно Рюрик и его братья, именно здесь, на берегах Балтики и впадающих в нее рек, обрели истинно историческое значение.

Кроме охарактеризованного выше западного морского пути, существовал еще восточный путь, находившийся на другом конце Европы. Большое количество специалистов, большей частью археологи, упорно ищут те тропы, по которым предки славян пришли в Европу из Центральной Азии. Не вступая в горячую полемику со сторонниками восточного происхождения славян, обратим внимание на в высшей степени квалифицированную экспертизу специалистов из Санкт-Петербурга, которые, как нам кажется, доказали, что на восточный берег среднего Приднепровья славяне пришли не ранее VIII века с запада. А вот то, что они жили к западу от Днепра, на территории современной Польши и смежных с ней государств, свидетельствуют данные многочисленных источников. Поэтому мы рискуем в качестве альтернативы предложить специалистам другой, не восточный, а южный путь переселения славян и родственных им народов. Сконцентрировавшиеся на южных и юго-восточных склонах Альп в начале I тыс. до X. Л. венеды и близкие им племена открыли и освоили дорогу с юга на се-

вер через так называемые Моравские ворота. Используя эту дорогу, они расселились на территориях, которые в настоящее время входят в состав Польши, Западной Украины и Восточной Германии. Пришедшие на эти земли венеды смешались с местным населением и образовали тот субстрат славянства, из которого вышли впоследствии восточные, западные и южные славяне. В ІХ в. пришельцы с юга составляли большинство населения южно-балтийского побережья. Их история самым тесным образом переплетена с близкими по крови и культуре племенами, расселившимися на западном и восточном берегах Балтийского моря. Нам важно сейчас подчеркнуть преемственность истории великого славянского племени, многочисленные загадки истории которого еще не разгаданы.

Нам предстоит остановиться также на эпохе Великого переселения народов, на судьбах различных западноевропейских территорий и жившего там, условно говоря, туземного населения, частью которого являются русы (рутены), винды (венеды) и лемы (лемовии). Переселение живших к востоку от римских провинций варварских народов, по большей части германских племен, не могло не ухудшить положение туземного населения и связанных с ним племен. Любое вторжение германских племен сопровождалось грабежами и другим насилием в разных формах (сошлемся на упоминавшиеся на этих страницах письма Аполлинария Сидония). Значительная часть живших на западных римских территориях туземцев оказалась вынуждена покинуть эти земли и искать убежища на севере Европы.

RUSS'ANCESTORS ON THE ROADS OF ANCIENT EUROPE

E. V. Kuznetsov

Nizhny Novgorod

The article deals with the migration of ancient Russ and Slavs across Europe in ancient and early medieval times.

Keywords: Russ, Wends, Lemes, Europe, migration, antiquity, early middle times.

Об авторе:

КУЗНЕЦОВ Евгений Васильевич

Доктор исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

About author:

KUZNETSOV Evgeniy Vasilevich

Doctor of Historical Sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕВИАЦИЯХ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА

А. А. Исаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье обсуждается вопрос об отражении конфессиональных девиаций, существовавших в Московском государстве в правление Василия III, в источниках западноевропейского происхождения. Автор приходит к выводу, что сообщения Иоганна Фабри, Павла Иовия и Сигизмунда Герберштейна в специфической форме отражали существовавшую в русском обществе дискуссию по вопросу о загробной жизни, искуплении и заупокойно-поминальном культе. Особенность подхода европейских авторов заключалась в переносе русской проблематики на почву протестантско-католической полемики о чистилище.

Ключевые слова: Московское государство, Василий III, ересь, записки иностранцев, чистилище, искупление.

Одним из существеннейших аспектов установления политических отношений между Москвой и западноевропейскими государствами в XV—XVI веках стал конфессиональный. Если до этого догматическое и обрядовое различие западного и восточного христианства было достаточно очевидным, то возникновение предреформационных течений, а потом и сама Реформация остро поставили на повестку дня вопрос о том, чьим союзником может быть православное государство — католиков или протестантов. Если брать вынесенную на знамена этого религиозного конфликта символику евхаристии, то близость православия и противников католицизма, начиная с гуситов, не требует особых доказательств. В то же время, догматический строй православия, сохранение им основных таинств, наличие черного и белого духовенства, церковной иерархии, развитый богородичный культ, в конце концов, делали его близким именно римской версии христианства.

Поэтому перед дипломатами, прежде всего католическими, наиболее нуждавшимися в приобретении нового союзника, встала необходимость тщательного исследования религиозности русских на предмет возможности заключения с ними антипротестантского союза. Конечно, вопрос о конфессиональных различиях во многом был формальным, но его решение было необходимой формальностью, и поэтому в первой трети XVI века было предпринято несколько таких попыток.

Примечательно, что трактат, появившийся в результате одной из них, так и называется — «Религия московитов». Он был составлен в 1525 году Иоганном Фабри. Тогда же появилась «Книга о московитском посольстве» Павла Иовия. Наконец, примерно в те же годы (визиты 1517 и 1526 гг.) собирал материал для своих «Записок о московитских делах» Сигизмунд Герберштейн, причем за счет более позднего выхода записок Герберштейна (1549 г.), на них успело повлиять, по меньшей мере, сочинение Иовия.

Заметим, что Фабри, Иовий и Герберштейн, хотя и получали информацию из разных рук, имели дело с одним кругом лиц. Информатором Иовия выступил легендарный русский гуманист Дмитрий Герасимов, являвшийся сотрудником новгородского архиепископа Геннадия Гонзова в 1490-х годах и Максима Грека в конце второго – начале третьего десятилетий XVI века. В Италии Герасимов находился в составе посольства к папе Клименту VII, нацеленного на заключение антитурецкого союза. Герасимов был весьма благожелательно настроен к католической образованности - его перу принадлежат переводы богословских, филологических и даже географических сочинений, в частности, свода Бруно Вюрцбургского (включавшего фрагменты западных отцов церкви, живших до разделения церквей), грамматики латинского языка Элия Доната и даже отчета о путешествии Магеллана. Информаторами Фабри были князь И. И. Засекин-Ярославский и дьяк С. Б. Трофимов, возвращавшиеся из посольства к Карлу V. Однако переводчиком был не кто иной, как Влас Игнатов, имевший на момент описываемых событий послужной список, близкий к «формуляру» Герасимова. Игнатов, в частности, также работал в переводческих кружках Геннадия Гонзова и Максима Грека. В довершение следует сказать, что и Сигизмунд Герберштейн был достоверно знаком с членами посольства к Карлу V.

В рамках небольшой статьи невозможно, конечно, охватить всю конфессиональную проблематику, поднимаемую этими авторами. Поэтому мы сосредоточимся на анализе одного, но весьма принципиального аспекта — вопроса о посмертной судьбе души умершего, так как этот вопрос предполагал и догматические, и культовые различия, а также послужил одним из основных маркеров размежевания католиков и протестантов, ибо с ним была напрямую связана практика индульгенций.

Казалось бы, из наших вводных данных (совпадение хронологических рамок, близость информаторов к одному кругу, прокатолическая ориентация авторов) должна с неизбежностью следовать гипотеза о том, что и вопрос о взглядах русских на посмертную судьбу души, чистилище, искупление и заупокойно-поминальный культ во всех трех трактатах должен решаться одинаково. Тем более, что православное богословие в этом вопросе шло тем же путем, что и католическое, а таких крайних выводов как догмат о чистилище и практика индульгенций не делало потому, что первенство уже было за католиками. Понятно, что появление идеи чистилища в русском богословии было бы воспринято как уступка «схизматикам».

Однако на практике ожидаемого единства не наблюдается.

Фабри пишет так: «Хотя среди греков многие отрицают чистилище, а другие пытаются доказать его существование с помощью Писания, утверждают, что в этом отношении они безусловно не допускают раскола и даже готовы держаться твердо одного и того же мнения с римской церковью» [4, с. 199–200]. Фабри считает, что в восточной церкви насчет чистилища идет дискуссия, но русская церковь придерживается идеи чистилища как догмата. Комментаторы обычно ограничиваются тем, что приписывают автору выдачу желаемого за действительное. Однако для нашего анализа больший интерес представляет утверждение не о признании русскими чистилища, а о наличии дискуссии по этому вопросу.

Павел Иовий также отмечает некоторое противоречие в религии русских: «Московитяне, совершенно в противность учению Христианской веры, полагают, что ни ходатайство церкви, ни молитвы ближних и друзей за души усопших недействительны и почитают выдумкою место чистилища...» [1, с. 42]. И далее: «По усопшим, как и у нас, совершаются в продолжение сорока дней поминки, что конечно весьма удивительно, ибо Московитяне не верят, что души умерших пребывают в чистилище и что наказание за грехи может смягчиться молитвою и богоугодными делами друзей» [1, с. 46]. Иовий удивляется тому, как может заупокойнопоминальный культ существовать без представлений о чистилище, и поэтому фиксирует контроверзу: догматика у русских находится в противоречии с культом.

Наконец, предоставим слово Сигизмунду Герберштейну: «И они полагают, что душа, отделенная от тела, не подлежит наказаниям, ибо если душа осквернила себя, находясь в теле, то она и искуплению должна подвергнуться вместе с телом. Что же касается того, что они совершают заупокойную службу по умершим, то они веруют, что этим возможно вымолить и добиться для душ более сносного места, находясь в котором они могли бы легче ожидать будущего суда» [2, с. 63]. Герберштейн, единственный из троих авторов бывавший в России, избегает употребления слова «чистилище» в этом контексте, однако говорит явно о нем же. Следы «чистилищной» проблематики хорошо видны в словах о «сносном месте» ожидания. Однако теория искупления излагается так, что никакого такого места не предполагает. Более того, искупление грехов полагается только прижизненным, хотя, строго говоря, это не совсем так, ибо четкой теории искупления в православии просто нет.

В итоге три прокатолических автора-современника, информаторами которых в небольшом хронологическом промежутке выступали деятели одного круга, дали три разных ответа на один и тот же вопрос. По Фабри, русские разделяют догмат о чистилище, по Иовию, они не верят в чистилище, но практикуют заупокойно-поминальный культ, по Герберштейну, – догмат о чистилище русские не разделяют в силу особой доктрины искупления, но заупокойно-поминальный культ связан с верой в существование какого-то загробного топоса, отличного от ада и рая.

Как же истолковать эти сообщения о догматических и культовых девиациях? Во-первых, необходимо отвлечься от католической теории искупления и догмата о чистилище. По большому счету, именно наличие четкой теории искупления грехов в католицизме мешало дипломатам-католикам правильно воспринимать русское православие, сознательно от построения подобной теории отказывавшееся. Во-вторых, следует учесть, что противоречивость сведений может быть результатом внутренней русской дискуссии. Тем самым, западные авторы фиксируют не догматическое и культовое status quo, а существующий спор или даже конфликт из-за теории искупления грехов (понятно, что проигравшая в нем сторона неизбежно должна была получить маркировку «ересь»).

И здесь следует обратить внимание на то, что первым большим профессиональным достижением Власа Игнатова и Дмитрия Герасимова было участие в противоеретической деятельности Геннадия Гонзова, который привлек их к переводам Вульгаты – преимущественно ради доступа к ветхозаветным книгам. Оппонентами участников кружка Геннадия были так называемые жидовствующие, поэтому возникает закономерный вопрос: не было ли в мировоззрении новгородских еретиков какой-то особой теории искупления? В имеющихся источниках ее нет, но формулировка учения об искуплении у Герберштейна может быть выводом, в частности, из знаменитой формулы «Просветителя», приписываемой митрополиту Зосиме: «Он отверг евангельское учение, апостольские уставы и творения всех святых, говоря так: ни Царства Небесного, ни второго пришествия, ни воскресения мертвых нет, если кто умер, значит – совсем умер, до той поры только и был жив» [1, с. 31]. Хотя утверждение Иосифа Санина ничем не может быть подтверждено, оно коррелирует с учением о прижизненном искуплении, во-первых, и имеет ветхозаветные корни, во-вторых, с той только разницей, что в Пятикнижии прижизненным было не только искупление, но и воздаяние, что проявилось в судьбе Моисея, умершего на пороге обетованной земли. В связи с этим имевшиеся на Руси индексы ересей традиционно связывали с иудаизмом отрицание загробной жизни вообще (например: «Самореиство ... и свене еже отметатися мрътвых въскресениа...») [5, с. 105].

В нашем случае мы имеем дело далеко не с такими радикальными взглядами. Однако для Иовия и Герберштейна достаточно очевидно, что высказываемые их русскими корреспондентами идеи идут в разрез с заупокойно-поминальным культом, выступавшим основой и монастырского землевладения, и практики индульгенций. А это значит, что перед нами — искаженное отражение дискуссии о заупокойно-поминальном культе, которая действительно шла в России, но в других формах. Одна часть этой дискуссии — борьба жидовствующих и обличителей за само представление о загробной жизни и воскресении из мертвых. Другая — полемика иосифлян и нестяжателей о том, кто все-таки должен осуществлять заупокойно-поминальный культ и на каких основаниях. Для католиков эта проблематика естественным образом трансформировалась в вопрос о чистилище.

Чем же ценно для нас свидетельство иностранцев? Тем, что оно показывает, как дискуссия (а чаще – борьба) вокруг заупокойно-поминального культа действовала на умы русских образованных людей, хорошо осведомленных об этой борьбе, но непосредственно в нее не втянутых. Ключевую роль здесь играет свидетельство Герберштейна, согласно которому в Москве сложилась четкая теория искупления, по которой оно возможно только вместе с телом, при жизни. Вероятнее всего, это следует понимать в том смысле, что человек волен в искуплении грехов и один несет за него ответственность. Гуманистический пафос такой теории искупления вполне очевиден. Показательно, что она в принципе не предполагает чего-то вроде юридической теории спасения, но при этом идет на разумный компромисс с заупокойно-поминальным культом, которому не придается решающего значения (на результат загробного суда он не влияет). В то же время мы знаем, что официальное русское богословие таким путем не пошло. Следовательно, свидетельство Герберштейна показывает нам, что современники конфессиональных споров на Руси конца XV - первой трети XVI века делали из них выводы гуманистического свойства, и тем самым внутриконфессиональные конфликты получали внебогословское решение, обогащавшее общественную мысль русского общества того времени.

Литература

- 1. Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. Том первый / Трудами В. Семенова. СПб.: в типографии III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836.
- 2. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о Московском посольстве / Введение, перевод и примечания А. И. Маленина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908.
- 3. *Иосиф Волоцкий, преп.* Просветитель. М.: Издание Спасо-Преображенского Волоколамского монастыря, 1993.
- 4. *Кудрявцев О.* Ф. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М.: Русский мир, 1997.
- 5. Св. Епифания архиепископа кипрского града Костянтиня о ересех // Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Соборник преподобного Кирилла Белозерского // Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003. С. 103–106.

EUROPEAN TRAVELERS ABOUT RELIGIOUS DEVIATIONS IN THE MOSCOW STATE OF THE FIRST THIRD OF THE XVI CENTURY

A. A. Isakov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

The article discusses the reflection of confessional deviations that existed

in the Moscow state during the reign of Basil III in sources of Western European origin. The author concludes that the reports of Joannes Fabry, Paulus Iovius and Siegmund von Herberstein in a specific form reflected the existing in Russian society discussion on the afterlife, redemption and funeral cult. The peculiarity of the approach of European authors was that they transferred Russian problems to the soil of the Protestant-Catholic polemic about purgatory.

Keywords: Moscow state, Vasily III, heresy, notes of foreigners, purgatory, redemption.

Об авторе:

ИСАКОВ Алексей Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, кандидат философских наук, e-mail: blauerreiter@yandex.ru.

About author:

ISAKOV Aleksey Aleksandrovitch

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, e-mail: blauer-reiter@yandex.ru.

УДК 94(450).071

СТРАХИ ВЕНЕЦИАНСКОГО НОБИЛЯ ДЖАКОМО СОРАНЦО, ИЛИ О ЧЕМ НЕ ВСЕГДА ПРИНЯТО ПИСАТЬ В RELAZIONE

М. В. Третьякова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассматриваются ситуации, возникавшие в период дипломатических миссий, которые вызывали состояния беспокойства и тревоги у венецианского дипломата Джакомо Соранцо. В центре внимания автора статьи находятся итоговые отчеты венецианского дипломата, в которых содержатся сведения о том, что вызывало особое волнение у венецианского нобиля.

Ключевые слова: венецианский нобилитет, XVI век, Джакомо Соранцо, Relazione, посольство.

Итоговые отчеты (Relazione) венецианских послов являются кладезем информации. В них послы отчитывались, как они выполнили свои дипло-

матические поручения, сообщали сведения, которые были полезными их правительству и преемникам при дворах аккредитации. Лишь малую часть этих сведений можно соотнести с личными проблемами самих послов. Хотя по традиции в заключении своих отчетов они пишут о личном: благодарности своим спутникам, трудностях, возникших во время их миссии, своих тревогах, своем вкладе в дело венецианской дипломатии.

В отчетах [10, 16, 12, 14, 13, 7, 11, 15] Джакомо Соранцо (1518–1599) можно найти свидетельства того, что представляло угрозу жизни посла и вызывало его страхи. Страхи могли быть общими, а также страхи могли быть соотнесены с каждой страной, где он был аккредитован. За свою долгую общественно-политическую жизнь Джакомо Соранцо был послом в Англии при дворах Эдуарда VI (1547–1553) и Марии I (1553–1558), во Франции при дворе Генриха II (1547–1559), в Священной Римской империи при дворе Фердинанда I (1556–1564), в Риме при дворе папы Пия IV (1559–1565) и трижды в Константинополе при дворе Мурада III (1574–1595).

Что вызывало страх? Дорога, состояние здоровья, сложность политической обстановки, неизвестность. Пожалуй, четче всего страхи Джакомо Соранцо идентифицируются в отчете о его миссии в Англии в 1551–1554 гг. Так, его беспокойство было связано с эпидемией потовой горячки 1551 гг., которую застал Джакомо Соранцо в Лондоне, и которая вызвала у него страх заболеть, ибо исход этой болезни чаще был неблагоприятен [10, р. 47–48; 1, с. 573–575]. Хотя, кстати, по мнению С. Г. Ковнера, страхи Соранцо подхватить это инфекционное заболевание были совершенно напрасны, ибо эта болезнь в большей степени была опасна для англичан, чем для иностранцев, оказавшихся в Англии с разными целями. Но все равно находиться в период эпидемии приятного мало...

Следующее, что вызвало опасения Джакомо Соранцо в Англии, — это сложная ситуация при смене монархов в стране летом 1553 г., когда после смерти Эдуарда VI на престол была возведена Джейн Грей [10, р. 38–41], а затем низложена и королевой стала Мария, и весна 1554 г., когда в стране проходили восстания Т. Уайета и П. Керью. Посол находился в сложном положении, фактически выжидая и опасаясь за себя [10, р. 79–80]. Причем в таком положении находился весь посольский корпус, аккредитованный в Англии.

Во Франции и Священной Римской империи особых страхов у Джакомо Соранцо не было, либо они не стоили того, чтобы упоминать их в отчетах. Хотя сложность экономической и политической обстановки в этих странах венецианским послом была отмечена, но какого-либо упоминания о личном дискомфорте от пребывания в этих государствах в отчетах мы не нашли. Возможно, это объяснялось кратковременностью миссий и близостью к родине. Но, может быть, в текст отчетов были внесены редакторские правки. Эти отчеты не содержали традиционной концовки Relazione, где обычно пишутся благодарности сопровождавшим посла в миссии, перечисляются собственные заслуги и показываются трудности, преодолен-

ные дипломатом в честь и на пользу отчизне. Хотя, может быть, следует упомянуть ситуацию, когда Джакомо Соранцо в беседе с Фердинандом I пришлось отстаивать позицию Венеции в территориальном конфликте со Священной Римской империей из-за Марано (крепости в области Фриули), боясь навлечь на себя своей строптивостью недовольство императора [14, р. 160].

В папской курии, наверное, был страх не оправдать ожиданий правительства и соблюсти все инструкции в отношении поведения с Маркантонио Да Мулой, который был кардиналом курии и был объявлен Венецией персоной нон грата [13, р. 139; 17, р. 156–160; 4, р. 394; 2, с. 60–64].

Если говорить о страхах во время миссии ко двору турецкого султана, то это – опасная дорога [7, р. 35; 15, р. 213] и непредсказуемость поведения турецких властей. Среди венецианских послов назначение ко двору турецкого султана считалось неоднозначным [3, р. 110; 5; 6; 9]. С одной стороны, это было почетная миссия, дававшая возможность карьерного роста, с другой стороны, опасная. Опасность была связана с долгим, трудным и небезопасным путем, а также тем, что жизнь самого посла могла быть подвергнута разным испытаниям при дворе султана. Послы могли оказаться в заключении, а то и быть казненными. Обеспокоенность у послов вызывала неопределенность отношения к ним как визирей, так и самого султана. Ни богатые дары, ни старые связи с первыми лицами государства не гарантировали стопроцентную уверенность в своей безопасности. Климат также провоцировал болезни. Так, например, задержка в Константинополе из-за нанесения визитов Джакомо Соранцо султану и визирям в его третий вояж ко двору турецкого правителя привела к тому, что он заболел. Эта болезнь вызвала серьезные опасения за его жизнь.

Как видим, страхи были вызваны чаще тем, что относится к объективным сторонам жизни. Возникает вопрос: была ли боязнь не выполнить поручение? Судя по отчетам Джакомо Соранцо, скорее нет, чем да. Во всяком случае, он не сомневался в том, что сможет это сделать. Также как и не возникала у него и особой боязни того, что может не хватить средств, хотя о своих собственных тратах он писал в отчете о миссии Англии, настаивая на том, чтобы ему были оставлены дары королей [10, р. 86–87; 8, р. 164].

Таким образом, о своих страхах Джакомо Соранцо в своих итоговых отчетах пишет своеобразно, они есть в его жизни, но преодоление этих страхов при выполнении дипломатического поручения придают значимость самой персоне посла, демонстрируя таким образом его служение родине и правительству.

Литература

1. *Ковнер С. Г.* История средневековой медицины. Киев: Типография императорского Университета св. Владимира В.И. Завадского, 1893. Вып. 2.

- 2. *Третьякова М. В.* Казус кардинала Амулио // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 8 (257). Вып. 42. Июнь 2017. С. 60–64.
- 3. *Bertele T*. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie. Bologna: Casa Editrice Apollo, 1931.
- 4. *Cecchett B*. La Repubblica di Venezia e la corte di Roma nei rapporti della religione. Venezia, Prem. Stabilim. Tipogr. in P. Naratovich, 1874. Vol. I—III.
- 5. *Dursteler E. R.* The Bailo in Constantinople: Crisis and Career in Venice's Early Modern Diplomatic Corps // Mediterranean Historical Review. Vol. 16. № 2 (December 2001). [Электронный ресурс] URL: http://levantineheritage.com/pdf/Dursteler.pdf. (дата обращения: 09.09.2019).
- 6. *Dursteler E. R.* Venetians in Constantinople: Nation, Identity, and Coexistence in the Early Modern Mediterranean. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.
- 7. Diario del Viaggio a Costantinopoli fatto da M. Iacopo Soranzo, ambasciatore straordinario della Serenissima Repubblica di Venezia al sultanto Murad III, in compagnia di m. Giovanni Correr bailo alla Porta ottomana, descritto da anonimo che fu al seguito del Soranzo 1575 / Ed. V. Lazari. Venezia.: Tip. Merlo, 1856. (nozze Trieste-Vivante).
- 8. *Nichols T.* Tintoretto. Tradition and Identity. London: Redaktion Books, 2015.
- 9. *Pedani M. P.* Bailo // Encyclopaedia of the Ottoman Empire / Ed. by Gabor Ágoston and Bruce Masters. New York NY, Facts on File, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://eknigi.org/istorija/93331-encyclopedia-of-the-ottoman-empire.html (дата обращения: 09.09.2019).
- 10. Relazione d' Inghilterra di Giacomo Soranzo, tornato ambasciatore da quella corte il 19 agosto 1554 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Firenze: Società editrice fiorentina, 1853. Serie I. Volume III.
- 11. Relazione dell'impero Ottomano del clarissimo Giacomo Soranzo, ritornato ambasciatore da Sultano Amurat li 8 di novembre 1576 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri. Firenze: Tipografia all'Insegna di Clio, 1844. Serie III. Volume II.
- 12. Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo tornato ambasciatore da quella corte nel 1558 // Relazioni degli ambascitori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze: Tipografia e calcografia all' insegna di Clio, 1840. Serie I. Vol. II.
- 13. Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Firenze: Società Editrice Fiorentina, 1857. Volume X. Serie II. Tomo IV.
- 14. Relazione di Giacomo Soranzo tornato da Ferdinando I nel 1562 // Le Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Firenze: A spese dell' Editore, Tipografia Grazzini, Giannini E C., 1862. Serie I. Vol. VI.

- 15. Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo ambasciatore della Repubblica di Venezia per il Ritaglio di Mehemet figliuolo di Amurat imperatore dei Turchi l' anno 1581 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri. Firenze: Tipografia all'Insegna di Clio, 1844. Serie III. Volume II.
- 16. Report of England made to the Senate by Giacomo Soranzo, late Ambassador to Edward VI and Queen Mary. From: 'Venice: August 1554, 16-20', Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice Volume 5: 1534-1554 (1873), pp. 531-567. [Электронный ресурс] URL: http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=94906. Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. Volume 5. 1534–1554 / Ed. Rawdon Brown. London: Longman and Co., 1873. (дата обращения: 09.09.2019).
- 17. Scrittura di Giacomo Soranzo circa l'istanza che fa papa Pio IV al Serenissimo Dominio acciò riceva in grazia i Cardinali Amulio e Delfino, presentata nell Eccellentissimo Collegio a' 30 ottobre 1565 // Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Firenze: Società Editrice Fiorentina, 1857. Volume X. Serie II. Tomo IV.

FEARS OF THE VENETIAN NOBLEMAN GIACOMO SORANZO, OR WHAT IS NOT ALWAYS ACCEPTED TO WRITE IN RELAZIONE

M. V. Tretyakova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

The article deals with the situations that arose during diplomatic missions, which caused States of concern and anxiety in the Venetian diplomat Giacomo Soranzo. The author focuses on the final reports of the Venetian diplomat, which contain information about what caused particular excitement in the Venetian noble.

Keywords: Venetian nobility, XVI century, Giacomo Soranzo, Relazione, Embassy.

Об авторе:

ТРЕТЬЯКОВА Марина Владимировна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, e-mail: marinatretyakova@mail.ru.

About author:

TRETYAKOVA Marina Vladimirovna

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Candidate of Historical Sciences, e-mail: marinatretyakova@mail.ru.

УДК 94(73).08

К ВОПРОСУ О ПРОДАЖЕ АЛЯСКИ РОССИЕЙ: АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СДЕЛКУ 1867 ГОДА

М. А. Буйнова, М. В. Жолудов

Рязанский государственный университет, г. Рязань

В статье рассматривается отношение американской прессы к покупке Русской Америки в 1867 г. Заключение договора между Российской империей и Соединенными Штатами Америки вызвало неоднозначный резонанс в американской прессе. Особое внимание уделено анализу американских газет в период с апреля по декабрь 1867 г., раскрывающих обстоятельства смены отношения к двусторонней сделке с резко негативного на одобрительное.

Ключевые слова: США, Российская империя, XIX век, американороссийские отношения, продажа Аляски, американская пресса.

В XIX веке Соединенные Штаты Америки отличались такой характерной чертой, как экспансионистские взгляды на завоевание территорий. Подтверждением тому служит статья Дж. О'Салливана «Аннексия», опубликованная в 1845 г. в «Американском журнале и демократическом обозрении». Оправдывая аннексию Техаса, он называл миссию данного государства «предопределением Судьбы», то есть США должны стать единственными владельцами земель на всем Американском континенте [5]. Так эта теория стала своеобразной «путеводной звездой» для американцев на мировой арене.

В Северной Америке находилась Аляска, которая принадлежала Российской империи. Но даже несмотря на это, некоторые американские газеты еще в 1849 г. говорили об этой территории, как о своей собственной. Таким образом, захватнические намерения США были известны не только внутри самой страны, но и всему миру, что впоследствии повлияло на американо-российскую сделку 1867 г. Так одной из основных причин продать Аляску для Российской империи стала боязнь военного захвата этой территории, а «ввязываться» в войну с США было невыгодно по политическим и экономическим соображениям.

В 1852 г. государственный секретарь Уильям Г. Сьюард выступил в Сенате с речью, касающейся торговли в Тихом океане. Кроме того, он подчеркнул важность данного региона для развития коммерческих связей Соединенных Штатов Америки с остальным миром [17].

Государственный секретарь пользовался поддержкой американского президента Джеймса Бьюкенена, который считал, что особенности географического положения США позволят стать им связующим звеном между Европой и Азией, открыть новые горизонты в сферах политики и предпринимательства в Тихом океане. И, безусловно, Аляска, богатая на китобойные промыслы, могла стать, по мнению американских властей, морской базой [1, с. 56], которая позволила бы подавить влияние англичан и укрепить свои позиции в данном районе.

В 1854 г. было заключено соглашение между предпринимателем из Сан-Франциско и Российско-американской компанией (РАК), которое явилось официальным разрешением на добычу и вывоз льда, лесных изделий, рыбы и каменного угля из владений РАК [1, с. 77–78]. Стоит сказать, что сделка для обеих сторон была удачной и стала положительным элементом в развитии американо-российских отношений. Несмотря на данный факт, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский высказал предположение, что вне зависимости от дружеских связей с Соединенными Штатами Америки в 1850-х гг., это может быстро измениться, так как американцы не захотят мириться с русским владением территории в Северной Америке. Этот аспект стал одной из причин, почему в 1867 г. Аляска была продана.

Безусловно, существовали и другие причины, которые можно выделить. Например, великий князь Константин Николаевич был ярым сторонником продажи Русской Америки. Он считал, что деньги, вырученные с этой сделки, помогут «возродить» русский военно-морской флот, а также, по его мнению, Российско-американская компания не приносит прибыль, а лишь несет убытки. Кроме того, в район Аляски проникли англичане и американцы, чье влияние подрывало авторитет Российской империи. Также географическая удаленность от центра владений русских в Тихом океане требовала больших финансовых затрат на осуществление коммуникации [3].

Выразителем мнения американцев был государственный секретарь Уильям Г. Сьюард. Он разделял взгляды Дж. К. Адамса, который видел задачу Америки в расширении своего господства на Тихоокеанском побережье. Несмотря на «идеологическое учение» бывшего президента США, устремления его «ученика» У.Г. Сьюарда относительно заключения сделки с Российской империей были отрицательно отражены в американской прессе из-за негативного отношения к личности и деятельности государственного секретаря. Так, главный редактор «Нью-Йорк трибюн» (The New York Tribune) Хорас Грили писал о том, что американцам не нужны новые земли [4]. «Нью-Йорк ивнинг пост» (The New York Evening Post) была против приобретения Аляски, так как такой акт стал бы своеобразным «заме-

нителем» системы на колониальную политику, что убедило бы «уставшую в тот момент от своих колоний» Англию в правильности ведения политики захвата территорий. Данное обстоятельство могло вызвать новый всплеск враждебности в американо-английских отношениях, что подорвало бы влияние США [4].

30 марта 1867 г. Уильям Г. Сьюард и Э. А. Стекль подписали договор о продаже Российской империей Русской Америки. Так покупка Аляски стала ключевым приобретением для Соединенных Штатов Америки. Фредерик У. Сьюард, сын государственного секретаря, высказывался, что Аляска позволила американцам иметь в собственности «плацдарм для коммерческих и морских операций, доступных из тихоокеанских государств» [4]. Благодаря заключению сделки с Россией, США могли решить в свою пользу ряд вопросов, связанных с расширением зоны влияния, торговли, а также связанных с соперничеством с Великобританией в Тихом океане.

Сенат ратифицировал договор путем голосования, которое выявило явный перевес в пользу расширения государственных границ (37 голосов против 2) [14]. Даже несмотря на одобрение сделки политической и коммерческой элитами, статьи в американской прессе относительно приобретения Аляски можно разделить на носящие положительную и отрицательную направленности. Так, со страниц газет «раздавались» следующие язвительные эпитеты: «безумие Сьюарда» («Seward's folly»), «парк полярных медведей Джонсона» («Johnson's polar bear park»), «Моржовия» («Walrussia»), «холодильник Сьюарда» («Seward's ice-box») [19, р. 4], которые отражали мнение несогласных с покупкой новых владений в Тихом океане.

В выпуске газеты «Уилинг дейли реджистер» (The Wheeling Daily Register) от 1 апреля 1867 г. относительно территориальных приобретений США говорилось, что Русская Америка — это очень холодный и заснеженный участок, вызвавший недовольство Божьего промысла таким ужасным образом (не просто бедной почвой, суровым климатом и общим запустением снежной местности и айсбергов), что был проклят бедствиями, поэтому это вызывает обеспокоенность в правильности приобретения [16].

«Дейли ивнинг телеграф» (The Daily Evening Telegraph) от 2 апреля 1867 г. писала о сделке следующее: «Россия продала нам выжатый лимон. Какой бы не была ценность этой территории и ее отдаленных берегов для нас, таковой она перестала быть для России...» [8]. Кроме того, в статье говорится о важности торговли мехом для Российской империи, но охота на животных (в частности, выдр) сократила их популяцию, что фактически ставило существование этих млекопитающих на грань вымирания. Поэтому Аляска больше и не представляла никакого интереса для России.

«Портленд дейли пресс» (The Portland Daily Press) от 3 апреля 1867 г. говорила об отсутствии денег и желания у американцев для развития инфраструктуры новых территорий, так как для этого потребовалось бы более 50-ти лет. Кроме того, автор статьи сделал заметку о намерениях России укрепиться в Азии, а для этого стране необходимо быть сильной: угро-

за со стороны Англии у берегов Русской Америки представляла собой сильную помеху; поэтому продажа Аляски стратегически важна Российской империи, но не являлась ценным приобретением для Соединенных Штатов Америки [13].

В выпуске «Дейли ивнинг телеграф» (The Daily Evening Telegraph) от 12 апреля 1867 г. говорилось, что по договору США получают лишь номинальное владение «непроходимыми снежными пустынями, обширными массивами карликовых лесоматериалов, замерзшими реками, недоступными горными хребтами...». Кроме того, стоящими в новых владениях Соединенных Штатов Америки, по мнению автора статьи, являлись запасы золота, Ситка и остров Принца Уэльского, остальное — пустая территория, потому что никаких усилий американцев не хватило бы обуздать 60 градусов северной широты. Говоря о выгоде договора с Российской империей, автор отметил невозможность заключения соглашения с «Северным ветром или Снежным королем», которые господствуют в новых американских землях [7].

«Чикаго ивнинг джорнал» (The Chicago Evening Journal) в статье от 1 апреля 1867 г. затронул отрицательную и положительную стороны покупки Аляски. Так, на страницах газеты можно прочесть, что «Русская Америка — тоскливая трата снега и льда...», а при развитии торговли в данном регионе возможно соперничество с Атлантикой, поэтому двусторонний договор мог бы помочь наладить и контролировать материальные выгоды региона [18].

В газете «Чарлстон дейли ньюс» (The Charleston Daily News) от 1 апреля наблюдается положительный отклик относительно американороссийского договора: «Передача Русской Америки вызывает значительное волнение и восхищение среди калифорнийцев и других людей с далекого Запада, так как этот акт станет мощным ударом по владычеству Канады» [6].

В заметке от 8 июня 1867 г. в «Мемфис дейли эпил» (The Memphis Daily Appeal), ссылавшейся на «Чикаго таймс» (The Chicago Times), говорилось о том, что через Аляску проходит кратчайший возможный маршрут из Чикаго в Японию [11]. Безусловно, этот факт свидетельствует о благоприятном приобретении, способствующем расширить американское влияние на «азиатского соседа».

«Ивнинг стар» (The Evening Star) 19 августа 1867 г. опубликовала статью, в которой говорится о расположении на территории Аляски шахт с высоким качеством угля, а также о том, что если в дальнейшем будут обнаружены объекты, важные для благосостояния Калифорнии, тогда купленная территория окупится [9].

В выпусках «Монтана пост» (The Montana Post) от 17 августа 1867 г. и «Викли Калаверас кроникл» (The Weekly Calaveras Chronicle) от 31 августа того же года сохранилось высказывание генерала Уильяма Т. Шермана относительно выплаты по американо-российской сделке: «Дайте им 7 миллионов, чтобы получить ее [Аляску], и будьте благодарны, что вышло так

гладко» [12; 15]. У. Т. Шерман торопил американское правительство перевести деньги за покупку Русской Америки, но лишь в 1868 г. через банкирский дом братьев Баринг и Ко, находившийся в Лондоне, это будет сделано [2].

Газета «Галлиполис джорнал» (The Gallipolis Journal) от 26 декабря 1867 г. писала об Аляске как о «земле обетованной и известной как Эльдорадо, стране бескрайних лесов» [10], что говорит о смене настроений американцев в отношении покупки Русской Америки.

Приведенные выше ссылки на газеты того периода говорят об отношении американской прессы к покупке Аляски. Так, первоначально сделка, заключенная с Российской империей, была встречена отрицательно, так как Соединенные Штаты Америки недавно вышли из кровопролитной Гражданской войны (1861–1865 гг.), которая нанесла ущерб финансовому состоянию страны. Стоит отметить и тот факт, что Русская Америка, несмотря на экспедиции, предпринимаемые ранее американцами в данном регионе, представляла собой неизвестность, например, природные богатства этих земель не были исследованы за годы владений русскими полностью, поэтому и американцы не могли с точностью знать ценностей приобретаемых территорий.

Таким образом, заключив сделку с Российской империей в 1867 г., США стали «единственным хозяином» тихоокеанского побережья, смогли подавить влияние англичан и усилить свои позиции в данном регионе. Кроме того, идеологическая направленность доктрины Монро и учения бывшего президента Джона К. Адамса не только объединили американский народ в признании ценности приобретенной территории, но и как нельзя точно отразили экспансионистские настроения США как до, так и после покупки русских владений.

Анализируя заметки в прессе в период с апреля по декабрь 1867 г., видно, как изменилось отношение американцев к заключению двустороннего договора. На это повлияли такие обстоятельства, как обнаружение угля, природного газа, богатая рыболовная деятельность, а также хорошее географическое положение Аляски, позволяющее ей быть «связующей нитью» между Соединенными Штатами Америки и другими мировыми державами. Именно распространение американского влияния на обширную территорию в Тихом океане, распространение торговли в этом регионе все это стало претворением в жизнь теории «предопределения Судьбы».

Литература

- 1. *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М.: Наука, 1990.
- 2. *Муравьева Л. А.* Русская Америка в XIX веке. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-amerika-v-xix-veke/ (дата обращения: 02.09.2019).
- 3. *Петров А. Ю.* Уступка Аляски: дискуссионные вопросы российско-американской сделки 150-летней давности. [Электронный ресурс] URL:

- https://cyberleninka.ru/article/n/ustupka-alyaski-diskussionnye-voprosyrossiysko-amerikanskoy-sdelki-150-letney-davnosti/ (дата обращения: 03.09.2019).
- 4. Lafeber W. The Cambridge History of American Foreign Relations. Vol. II. The American Search for Opportunity, 1865–1913. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=loMc5HzF-usC&pg=PR7&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=fa lse/ (дата обращения: 02.09.2019).
- 5. *O'Sullivan John L*. Annexation. [Электронный ресурс] URL: http://publications.newberry.org/k12maps/module_14/images/o_sullivan.pdf/ (дата обращения: 02.09.2019).
- 6. The Charleston Daily News. 1867. 1 April. [Электронный ресурс] URL:
- https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/scu_brandonblaze_ver01/data/sn 84026994/00294555237/1867040101/0308.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 7. The Daily Evening Telegraph. 1867. 12 April. [Электронный ресурс] URL:
- https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/pst_ewing_ver01/data/sn830259 25/00280776208/1867041201/0694.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 8. The Daily Evening Telegraph. 1867. 2 April. [Электронный ресурс] URL:
- https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/pst_ewing_ver01/data/sn830259 25/00280776208/1867040201/0625.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 9. The Evening Star. 1867. 19 August. [Электронный ресурс] URL: https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/dlc_alf_ver01/data/sn83045462/00280654292/1867081901/0458.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 10. The Gallipolis Journal. 1867. 26 December. [Электронный ресурс] URL:
- https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/ohi_edgar_ver01/data/sn850381 21/0028077554A/1867122601/0200.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 11. The Memphis Daily Appeal. 1867. 8 June. [Электронный ресурс] URL:
- https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/tu_bonnielou_ver01/data/sn8304 5160/00200292959/1867060801/0532.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 12. The Montana Post. 1867. 17 August. [Электронный ресурс] URL: https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/mthi_grizzly_ver02/data/sn8302 5293/00294555389/1867081701/0270.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 13. The Portland Daily Press. 1867. 3 April. [Электронный ресурс] URL: https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/me_edgecomb_ver02/data/sn83 016025/00279525231/1867040301/0331.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 14. The Spirit of Jefferson. 1867. 16 April. [Электронный ресурс] URL: https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/wvu_iceland_ver01/data/sn8402 6788/00202192312/1867041601/0371.pdf (дата обращения: 02.09.2019).
- 15. The Weekly Calaveras Chronicle. 1867. 31 August. [Электронный ресурс] URL:

https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/curiv_knotgrass_ver01/data/sn9 3052977/00279557451/1867083101/0290.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

16. The Wheeling Daily Register. 1867. 1 April. [Электронный ресурс] URL:

https://chroniclingamerica.loc.gov/data/batches/wvu_chekhov_ver01/data/sn840 26847/00415665040/1867040101/0311.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

- 17. Speech of William H. Seward, in the Senate of the United States, July 29, 1852. [Электронный ресурс] URL: https://goo.gl/g6rQAY/ (дата обращения: 02.09.2019).
- 18. U.S. and British Newspapers Respond to the Sale of Alaska in 1867. [Электронный pecypc] URL: http://www.pbs.org/harriman/1899/newspaper.html#top (дата обращения: 02.09.2019).
- 19. *Vinkovetsky I*. Russian America: an Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. Oxford: Oxford University Press, cop. 2011.

TO THE PROBLEM OF THE SALE OF ALASKA BY RUSSIA: AMERICAN APPROACH TO THE 1867 TRANSACTION

M. A. Buynova, M. V. Zholudov

Ryazan State University, Ryazan

The article touches upon the attitude of the American press to the purchase of Russian America in 1867. The conclusion of the treaty between the Russian Empire and the United States of America caused an ambiguous stir in the American press. A special attention is paid to the analysis of American newspapers from April to December in 1867, revealing the circumstances of the change in attitude to the twofold deal from sharply negative to approving.

Keywords: the USA, the Russian Empire, XIX century, American-Russian relations, the purchase of Alaska, American press.

Об авторах:

БУЙНОВА Маргарита Анатольевна

Рязанский государственный университет, студентка факультета истории и международных отношений, e-mail: margaritabuynova@yandex.ru.

ЖОЛУДОВ Михаил Валентинович

Рязанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: mikhailzhol@yandex.ru.

About authors:

BUYNOVA Margarita Anatoliyevna

Ryazan State University, Faculty of History and International Relations, student, e-mail: margaritabuynova@yandex.ru.

ZHOLUDOV Mikhail Valentinovich

Ryazan State University, Department of World History and International Relations, Candidate of Historical Sciences, e-mail: mikhailzhol@yandex.ru.

УДК 433

ЗАПАД И РОССИЯ: ВЗГЛЯД С ВОСТОКА МИССИОНЕРА НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

О. В. Яблонская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

Статья посвящена основателю Российской духовной миссии в Японии - Николаю Касаткину (Японскому). В работе исследуются взгляды миссионера по проблемам распространения православия. Анализируя успехи и неудачи распространения веры, архиепископ сравнивает Россию с государствами Запада, отмечая достоинства и недостатки стран, конфессий.

Ключевые слова: Япония, Россия, Российская православная миссия, Николай Японский, христианство, Русско-японская война 1904—1905 гг.

Основатель Духовной миссии в Японии Николай Японский (Иван Дмитриевич Касаткин) приехал в Страну восходящего солнца в 1861 г. и прожил там вплоть до самой смерти в 1912 г. Авторитет миссионерагиганта, как называли архиепископа Николая протестантские и католические коллеги, трудившиеся одновременно с ним, был и остается среди японских верующих бесспорным, поэтому православная церковь Японии по-прежнему называется его именем. Ко времени смерти Николая в окормляемой им стране насчитывалось более 30 000 православных христиан в 266 приходах, в клире состояло 35 священнослужителей-японцев, действовало несколько училищ, издавалось два периодических журнала, действовало общество переводчиков религиозных книг, построено 175 церквей, 8 крупных соборных храмов [8, с. 410–411]. В 1970 г. его причислили к лику святых как равноапостольного. Архиепископу приходилось проповедовать в переломную эпоху, сопровождавшуюся войнами, революционными потрясениями, в условиях жесткого противостояния государств, острой конкуренции со стороны миссионеров Европы и США. Отец Николай не прекратил свою деятельность даже в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Анализируя достижения и просчеты в распространении веры, святитель сравнивает Россию со странами Запада. Свои мысли он выразил на тысячах страниц дневниковых записей [2, 3, 4, 5, 6]. Безусловно, взгляд священнослужителя, ученого, жившего в восточной стране, представляет большой интерес.

Распространять православие в Стране восходящего солнца было сложно даже после отмены запрета на христианство. В России деятельность И. Д. Касаткина не была принята с должным вниманием. В 1875 г. Александром II было опубликовано «Воззвание о повсеместном сборе пожертвований на нужды Православной духовной миссии нии» [11, с. 38], но собранных средств было недостаточно. В 1879 г. Н. Японский посетил Россию опять же с целью найти средства на содержание Духовной миссии. В течение года святитель объезжал известных людей обеих столиц, прося о пожертвованиях. Среди благотворителей были известные писатели - Аксаковы, Соловьевы, Тютчев, аристократы - великие князья, Шереметевы, Шаховские и другие. Жертвовали и бедняки. Отец Николай радовался каждому рублю, но в целом, прозелитизм в России большого интереса с религиозной или политической точки зрения не вызывал. Япония была для россиян абсолютно чуждой и ненужной страной. Деньги давали не на дело, а лично Николаю - известному священнику, ученому, занимавшемуся необычным делом в экзотической стране. При этом с горечью пишет Японский, в казне легко находились тысячи рублей на менее важные дела, например, на издание санскритско-немецкого лексикона, причем с многочисленными ошибками [2, с. 166; 7, с. 306].

В европейских же странах и США существовали специальные организации, обладавшие громадными средствами, готовившие людей к миссионерскому служению. Чтобы убедить российскую общественность в возможности и необходимости распространения православия среди восточных соседей Российской империи, И. Касаткин пишет труды о Японии, знакомит с ее историей, культурой, нравами [12, 13, 14, 16]. Но серьезной поддержки он так и не получил. Рядовое духовенство, если и относилось с пониманием к его делу, не спешило им заняться в далекой и чужой стране [2, с. 73]. Причиной равнодушия семинаристов к распространению православия на Востоке он называет влияние западных нигилистических и материалистических идей, в том числе на среду духовенства. Вот что о. Николай пишет о присланном Синодом помощнике, выпускнике Казанской духовной семинарии Г. Воронцове: «Едет православным миссионером, а оспаривает постановления православной Церкви, непогрешимость вселенских соборов... Куда же ему спорить с крепкоголовыми японскими рационалистами или передавать им смысл Веры! Веру он готов поносить сам же» [6, с. 74]. Работать в японской православной миссии выражали желание философ Владимир Соловьев [2, с. 243], синолог, исследователь церковной архитектуры и живописи иеромонах A. Н. Виноградов [2, c. 132], будущий патриарх Сергий Страгородский С. Страгородского о. Николай возлагал особые надежды. Дважды о. Сергий приезжал в Японию, но не смог стать продолжателем дела Н. Японского.

На фоне российского равнодушия к делам веры выгодно смотрелись западные миссионеры: «Колоссами высятся везде Католичество и Протестантство! Какие массы людей! Какие неоглядные, неистощимые фаланги деятелей!» [3, с. 287], «сотни иностранных миссионеров по всем городам и углам Японии – везде иностранцы и везде с обаянием цивилизации, утилитарности...» [3, с. 323]. Но католики и протестанты имели государственную поддержку в христианизации Японии, потому что распространению религии сопутствовала политическая экспансия, а для Николая это было неприемлемо. Он отстаивал независимость «миссионерского дела от расчетов человеческих» [9, с. 339], – никакой русификации в планах российского священнослужителя не было - только чистая вера, без какой-либо политической нагрузки, угрожающей национальной идентичности [3, с. 314]. Русский язык преподавался в Японии лишь с той целью, чтобы семинаристы могли читать русские богословские книги [1, с. 91].

Впрочем, архиепископ не мог не понимать, что японцам, вставшим на путь модернизации, а точнее, вестернизации, одной лишь веры было мало. Успехи западных миссионеров были обусловлены тем, что они не были идеалистами и давали японцам то, что им требовалось в то время — блага высокой материальной цивилизации. Успехи модернизации страны в период императора Мэйдзи Николаю были очевидны: флот, фабрики, развитая торговля, современное законодательство, и «все это копии с протестантских и католических образцов» [3, с. 287–288]. Неудивительно, что военный министр И. Ояма предлагал для укрепления дисциплины в армии, созданной по европейскому образцу, окрестить солдат, так как «без христианства нельзя управить войском» [3, с. 267].

Святитель отмечает прямую зависимость японцев между увлечением «инославием» и иноземным и делает неутешительные выводы, что у православной миссии мало возможностей для расширения паствы. Для японцев Запад и Россия как «свет и тьма»: «цивилизованный Запад», с одной стороны, а с другой - Россия, «великая деспотка и тиранка», где ненавидят образование, где держат девяносто девять миллионов человек на уровне домашнего скота, а христианской верой «закрепляют оковы тирании и невежества». Именно такое сравнение Запада и России дал в одном из японских журналов американский баптист [6, с. 57–58].

Следует сказать, что о. Николай во многом разделял негативное мнение о его родной стране: «Старье, рухлядь все в России: не диво, что и бунтуют» [2, с. 171, 176]. Особенно резко священник стал критиковать свою родину в период русско-японской войны: «Дворянство наше веками развращалось крепостным правом... Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казно-крадством... Духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катихизис ... И при всем том мы самого высокого мнения о себе..., а сильны мы так, что шапками всех забросаем...» [6, с. 119].

Архиепископ понимал, что Запад с его современными технологиями, эффективной демократической системой управления и современной социально-экономической структурой больше соответствует интересам Японии, нежели Россия. И. Касаткин никогда не считал свою вторую родину отсталой. Уже в XIX в. это была страна образованных людей. Святитель утверждает, что по числу грамотных и читающих Япония не уступала европейским государствам [7, с. 572–573]. Привлекала русского священника в местных жителях способность ценить красоту, чувство долга, патриотизм, их уважение к старшим, к закону: «Здесь закон и правило царят... В России не закон, а "усмотрение", и от того разброд и беспорядок...» [6, с. 256]. Это гордый и смелый народ, который за всю свою историю «ни разу не согнул шеи под чужое ярмо» [7, с. 573].

Российский миссионер опасался, что император Муцухито, чьим девизом было «просвещенное правление», активно направлявший страну по пути капиталистической модернизации, также предпочтет веру прогрессивного Запада, а не отсталой России, и тогда даже православные японцы вслед за Микадо перейдут в западные конфессии [3, с. 287–288]. В минуты таких пессимистических размышлений И. Касаткину казалось, что Япония еще недостойна истинного христианства, в котором прозелиты считали бы придаточными меркантильные интересы и гедонию. «Православие должно быть принято, как Вера Христова, а не как одна из шпор, подгоняющая брыкающего и фыркающего ныне коня японской государственности» [3, с. 288] - заявлял священник.

Но о. Николай видел и сильные стороны веры, которую он распространял среди японцев. Важнейшей задачей Мэйдзи в тот период было объединение страны сильной императорской властью, и православие с его религиозным единством и догматической непротиворечивостью могло помочь в решении этой задачи, в отличие от противостоящих друг другу западных конфессий. «Наша религия стоит твердо», и христианское учение мы содержим «во всей его полноте и целости» - утверждал Касаткин [5, с. 642]. Но готова ли была к такому чистому учению Япония, «осатрибутов европейской лепленная блеском наружных ции» [7, с. 606-607], которая «самое небо готова обратить в деньги, или выкроить из него иностранный пиджак»? [3, с. 287] В этом православный священнослужитель сомневался и делал неутешительный для себя вывод: «Поверхностны очень японцы, вертлявы, несерьезны - в этом смысле протестантство по ним» [3, с. 297].

Отец Николай наблюдал потребительское отношение японцев к миссионерам. Денежные выплаты они расценивали как проявление любви. Однажды ему предложили за ремонт плотины окрестить 2 000 человек [3, с. 138]. Почти во всех письмах катехизаторы просили деньги. Но западные миссионеры от иждивенчества японцев страдали еще больше. Архиепископ, как-то не по-христиански, злорадствует, рассказывая, как японцы подчинили себе университет Киото, построенный на средства миссионеров США. Университет стал общеобразовательным заведением, и в нем японские профессора стали открыто учить, что Христос - учитель добродетели и такой же человек, как Конфуций и другие моралисты [4, с. 350—351].

Неуспех православной миссии был обусловлен не только российской отсталостью, но и непродуманным ее внешнеполитическим восточным курсом по сравнению со странами Запада. Архиепископ считал, что два молодых государства - морская Япония, континентальная Россия - должны стремиться к сотрудничеству и вместе противостоять не только западным странам, но и Китаю [5, с. 273, 288]. Российские власти же не только не укрепляли взаимовыгодный союз, но постоянно провоцировали Японию на конфликт. Именно «плохая политика России бросила Японию в объятия Англии», - утверждает Н. Японский [5, с. 600].

Серьезные просчеты Россия допустила и в отношениях с Китаем. Мы, полагал архиепископ, имея одну шестую часть света, должны были сосредоточиться на освоении своих природных богатств. Но российское правительство рассудило по-иному: «...ширит оно свои владения, да еще какими способами! Манчжуриею завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? Незамерзающий порт нужен. На что? На похвальбу морякам...» [6, с. 238]. Китайцы – это великий народ, но «могущий задавить весь свет» [2, с. 318], Россия, как всегда, переоценив свои возможности, вместе с другими западными государствами приступила к «дележу китайского пирога», что и привело к массовому убийству россиян во время «боксерского восстания». Не могло найти понимания у о. Николая и стремление России завладеть Кореей, сформулированное в самой циничной форме героем русскотурецкой войны адмиралом Ф. В. Дубасовым: «Когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растем и протягиваем ноги. Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею» [6, с. 238]. Адмирал был ярым сторонником войны с Японией, убеждал императора, что «эту гадину (Японию) надо раздавить, и сделать это ничего не стоит» [5, с. 273]. Результат недальновидной политики был закономерен: «Ну, вот и сделали! Ноги отрубают!» [5, с. 238].

Следствием агрессивного курса будет распространение русофобских настроений в Японии, поддерживаемых католическими и протестантскими священнослужителями [14, с. 258]. В надвигающейся войне западные страны симпатизировали сопернику России, «чье терпение вконец истощилось», а Россию обвиняли в «чудовищной бессовестности, лживости, жадности» [5, с. 885]. Отец Николай, с одной стороны, осуждал американских и английских проповедников за «мерзостные пасквили» о нас [5, с. 885], с другой стороны, понимал, что мы сами виноваты, что оказались в окружении ненавидящих нас государств.

Святитель остался в Японии, когда в 1904 г. началась русско-японская война. Как истинный патриот И. Касаткин тяжело переживал поражения русской армии и флота, каждый раз надеялся, что наступит перелом в нашу пользу. Он до последнего верил, что А. Н. Куропаткин, С. О. Макаров, 3. П. Рожественский сокрушат врагов, что Стессель удержит Порт-Артур.

Особенно тяжело перенес Н. Японский гибель «красоты и силы русского флота» адмирала С. О. Макарова, которого знал еще подростком. Он пытался оправдать разгром России мировым антирусским заговором, коварством и жестокостью японцев, но вынужден был в очередной раз признать, что причины поражения имеют внутрироссийкие корни [5, с. 130, 291]. Позорный проигрыш был платой за «шапкозакидательство» и гордыню: «Платится Россия за свое невежество и свою гордость: считала японцев необразованным и слабым народом; не приготовилась, как должно, к войне» [6, с. 64]. Не скупится архиепископ на критику командующих, отмечая недальновидность в Ф. В. Дубасове, спесивость в З. П. Рожественском [6, с. 291], в земляке Н. И. Скрыдлове он видит лишь «расшибателя» [6, с. 67].

Святитель в поражениях усматривал промысел Бога: «А ты, мое бедное Отечество, знать, заслуживаешь того, что тебя бьют и поносят... Зачем ты не привлекаешь на себя любовь и защиту Божью, а возбуждаешь ярость гнева Божия?» [6, с. 30]. Начавшаяся революция подтверждала эту мысль. Она стала следствием «поражения извне» и «гнилости внутри». Но о. Николай, как православный священник, как верноподданный, осуждает мятежи. Российских военнопленных в напутственном слове зимой 1905 г. просит быть в стороне от тех, кто «отравлен ядом возмущений» [15, с. 404]. Архиепископ признает необходимость изменений, но полагал, что сделать это может только сам монарх-самодержец [15, с. 404].

Окончание войны не принесло облегчения, Н. Японский рассуждает не как священнослужитель, радующийся завершению кровопролития, а как сын отечества, переживающий, что не смог отомстить врагу: «Мир — это несмываемый веками позор России!.. Мир — это новое великое бедствие России...» [6, с. 262].

Успехи Ивана Дмитриевича Касаткина в распространении православия в Японии трудно переоценить. Своей глубокой верой и деятельностной натурой он привлек в православие тысячи человек, сохранивших преданность русской церкви и во время войны 1904—1905 гг. Однако материальное богатство, технологии Запада, приобщением к которым занимались многочисленные патеры и пасторы, создавали более благоприятные перспективы для модернизации страны, что и определило преобладание протестантизма в Японии. Недальновидная экспансионистская политика России на Дальнем Востоке поставила под вопрос сохранение православия в Стране восходящего солнца. Но Духовная миссия о. Николая выдержала это суровое испытание. Несмотря на все препятствия, святитель до конца оставался в окормляемой им стране, веря, что одних лишь внешних предпосылок для христианизации недостаточно, нужны еще и духовные связи, а единая православная религия имела в этом отношении значительные преимущества по сравнению с западными конфессиями.

Литература

- 1. Архимандрит Сергий. На Дальнем Востоке. Письма японского миссионера. Арзамас: Тип. Н. Доброхотова, 1897.
- 2. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2004.
- 3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 2. СПб.: Гиперион, 2004.
- 4. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 3. СПб.: Гиперион, 2004.
- 5. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 4. СПб.: Гиперион, 2004.
- 6. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004.
- 7. Докладная записка иеромонаха Николая директору Азиатского Департамента П. Н. Стремоухову // Русский архив. 1907. № 4. С. 601–606.
- 8. Из донесения начальника Российской Духовной Миссии о состоянии православной Церкви в Японии за 1911 год // Саблина Э. Б. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. СПб.: АИРО XXI; Дмитрий Буланин, 2006.
- 9. Рапорт начальника российской духовной миссии в Японии архимандрита Николая совету православного миссионерского общества // Саблина Э. Б. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. СПб.: АИРО XXI; Дмитрий Буланин, 2006.
- 10. Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам // Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. М.: Правосл. Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006.
- 11. Шаталов О. В. Начальный этап деятельности российской духовной миссии в Японии: 1870–1875 гг. // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996 (Тип. изд-ва СПбГУ), 1996.
- 12. Япония и Россия // Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. М.: Правосл. Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006.
- 13. Япония с точки зрения христианской миссии // Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. М.: Правосл. Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006.
- 14. Японский Н. И в Японии жатвы много. Письмо русского из Хакодатэ // Саблина Э. Б. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. СПб.: АИРО XXI; Дмитрий Буланин, 2006.
- 15. Японский Н. Окружное послание к русским военнопленным в Японии // Саблина Э. Б. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. СПб. АИРО XXI; Дмитрий Буланин, 2006.

16. Японский Н. Сёогуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам. [Электронный ресурс] URL: http://https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/izbrannye-uchenye-trudy-svjatitelja-nikolaja-arhiepiskopa-japonskogo (дата обращения: 10.10.2019).

RUSSIA AND THE WEST: A VIEW OF ORTHODOX MISSIONARY NICHOLAY JAPANSKII

O. V. Yablonskaya

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, Arzamas

The article is devoted to the founder of the Russian Spiritual Mission in Japan - Nikolay Kasatkin (Japanskii). The paper examines the views of the missionary on the problems of the spread of Orthodoxy. Analyzing the successes and failures of the spread of faith, the Archbishop compares Russia with Western countries, noting the advantages and disadvantages of countries and confessions.

Keywords: Japan, Russia, Russian Orthodox mission, Nikolay Japanskii, Christianity, Russo-Japanese War 1904–1905.

Об авторе:

ЯБЛОНСКАЯ Ольга Васильевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, e-mail: Oyablonskii@yandex.ru.

About author:

YABLONSKAYA Olga Vasilyevna

The National Research State University of Nizhny Novgorod Arzamas branch, Department of History and Social Sciences, Candidate of Historical Sciences, e-mail: Oyablonskii@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Беляев Михаил Петрович, кандидат исторических наук, Российский университет кооперации, г. Мытищи.

Буйнова Маргарита Анатольевна, Рязанский государственный университет.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан.

Жолудов Михаил Валентинович, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет.

Зотов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

Иванова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, Смоленский государственный университет.

Ивонин Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, Смоленский государственный университет.

Ивонина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, Смоленский государственный университет.

Исаков Алексей Александрович, кандидат философских наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

Кузнецов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, Нижний Новгород.

Курдин Юрий Александрович, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

Куликова Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет.

*Пощилова Татьяна Николае*вна, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет

Николашина Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет.

*Носова Екатерина Сергеев*на, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет.

Панов Александр Ростиславович, доктор исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

*Писчикова Наталья Петров*на, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет.

Праздников Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров.

Савосина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет.

Сафронов Борис Витальевич, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет.

Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, Рязанский государственный радиотехнический университет.

Сорокина Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

Чугунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, Нижегородский педагогический государственный университет.

Щелокова Наталия Вячеславовна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал.

FROM EDITORS

Dear colleagues!

This is the fourteenth issue of the collection of scientific articles «Political Life of Western Europe: Antiquity, Middle Ages, Modern and Contemporary Times». In October 2019, the twelfth scientific conference of the same title with the collection was held. Until this year, the form of our scientific communication was called a scientific seminar. This year it was decided to transform the scientific seminar into a scientific conference, continuing the numbering.

Scientists from various universities of Russia (Moscow, Smolensk, Yaroslavl, Kirov, Ryazan, Magadan, Mytishi, Nizhny Novgorod, Arzamas) took part in the conference. In total, the collection includes the works of twenty-seven authors, many of whom traditionally participate in this conference.

The collection consists of three sections. In the first section, there are articles that consider the features of socio-political development of England in the middle ages, early modern, modern and contemporary times. The second section contains articles that deal with the socio-political development of other Western European countries in the era of antiquity, early modern, modern and contemporary times. The third section contains articles corresponding in content to the title of this section – «Varia».

Without going into detail on the characteristics of the articles, we note that the articles reflect the scientific interests of their authors.

This short essay-introduction is completed by a phrase that has also become traditional.

We hope that our collection will be of interest to the reader.

На четвертой странице обложки Репродукции картины Уильяма Хогарта (1697–1764) «Выборы в парламент», 1753–1754, «Голосование», 1754–1755

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: античность, средние века, новое и новейшее время

Выпуск 14

Сборник статей участников XII Всероссийской научной конференции (10–11 октября 2019 г.)

Технический редактор С.П. Никонов Верстка, оформление и вывод оригинала макета А. Р. Панов

Подписано в печать 15.11.2019. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 11,5 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 423.

Издательство Арзамасского филиала ННГУ 607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36 Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37